

Трилогия
в одном
томе

Юрий Пашковский

Хроники Равалона

Москва, 2013

Юрий Цащковский

Трилогия
в одном
томе

- Проклятая кровь. Похищение •
- Проклятая кровь. Пробуждение •
- Кружева Бессмертия •

 Издательство АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
П22

Серия основана в 2005 году
Выпуск 134

Художник
В. Федоров

Пашковский Ю.

П22 Хроники Равалона: Проклятая кровь. Похищение; Проклятая кровь. Пробуждение; Кружева Бессмертия /Послесл. К. Савельева. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013.— 1018 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1406-2

Твари из адских измерений, нечисть из аномальных зон, нежить из пораженных некроистечениями земель, креатуры черных магов, обезумевшие духи и элементали — вот стандартный набор, с которым часто приходится иметь дело боевым магам. Но помогать упырям? Работать на Повелителей преисподней? Нет, тут уж лучше отказаться. Что? Не получится? Тогда боевому магу не остается ничего, кроме как выполнить контракт. Но когда вокруг гибнут бессмертные, как мертвым выполнять свою работу?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1406-2

© Юрий Пашковский, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

• Проклятая кровь.
Похищение •

Глава первая

ВТОРЖЕНИЕ НА ЗАКАТЕ

Если что-то пошло не так, то виноватых всегда можно найти.

Герунд Когесский. Книга о Законе

Каждый раз, когда солнце проваливалось за горизонт, Анцкар испытывал облегчение. Странное, зудящее чувство, волчком вертевшееся в висках, уходило вместе с багряным пятком. Физическая боль не могла сравниться с этим чувством. Оно сопровождало Анцкара с тех пор, как он родился, и даже ритуальная церемония Посвящение Светом, которую он прошел год назад, не избавила его от внутреннего зуда.

Анцкар был упырем. Живущие в Ночи — так называли себя те, кто обитал в Лангарэе, Царствии Ночи. Не-живые кровососы — так Анцкара и подобных ему называли во всем остальном мире. В мире, что находился по ту сторону Пелены, магического барьера, который точно купол накрыл Лангарэй, охраняя спокойствие упырей и смертных, которые им служат.

Анцкар задумчиво посмотрел на Пелену. Пурпурная пульсирующая пленка, сопоставимая по прочности с мифриловыми воротами гномьих замков, делила мир ровно на две части — по ту сторону Купола и по эту. Глаз Дня находился по ту сторону, но... Анцкар вздохнул. Даже шлем с полями от солнца и броня не сильно облегчали Воздействие. Проклятое Воздействие, проклятый солнечный свет, что его вызывает! Молодой упырь отлично знал, что Воздействие полностью уничтожает только Диких, но он также знал, что даже Средним и Высшим упырям оно может нанести вред. И только Высочайшие, те, кто зовется носферату, способны долгое время выдерживать смертельный свет Солнца. Поэтому их называют — Бродящие под Солнцем.

Несмотря на Посвящение Светом, благодаря которому Анцкар перешел из низшего в средний ранг, и даже несмотря на магический барьер, создаваемый Пеленой, здесь, на границе Лангарэя, солнце все равно напоминало о своем смертельном влиянии. В древние времена оно заставляло упырей прятаться в пещерах, выкапывать землянки и выходить на охоту только ночью за самым желанным лакомством, что было им доступно, — за человеческой кровью. Упыри убивали или перерождали людей, те убивали их в ответ или... Никакого или. Человек только

убивал упырей, и все. Обращать в себе подобных укусом он не умел. Интересно. А если бы умел? Только представить: люди врываются в дома упырей, эльфов, гномов, хоббитов, орков, гоблинов, васпанов, троллей, кендеров и многих других, кусают их и превращают в людей! И нет от этого спасения ни днем ни ночью! И вскоре во всем мире остаются одни только люди!

О Великая Ночь, что за безумный мир это будет!

Глупые мысли. Недостойные. Совсем недостойные нового воина клана Дайкар, которому доверена честь охранять границы Пелены.

Дни, когда люди для упырей были лишь пищей, а упыри для людей страшнейшими из чудовищ, давно миновали. Здесь, в Царствии Ночи, Живущие в Ночи правили людьми и даже позволяли им иметь свои города. Основу отношений не-живых и простых смертных регулировали Законы Крови, которым подчинялись обе стороны и за соблюдением которых следили как Живущие в Ночи, так и люди и представители других рас, которым довелось жить в Царствии Ночи. Эти смертные или жили здесь тогда, когда Одиннадцать Величайших упырей создали Пелену и отгородили Лангарэй от остального мира, или по своей воле перебрались в Царствие после создания Купола.

В те стародавние времена многие королевства Западного Равалона с повышенной настороженностью отнеслись к тому факту, что упыри создали свою страну. Воевать с Живущими в Ночи принялись только те державы, которые непосредственно граничили с новообразовавшимся государством. Но военные действия быстро пошли на спад, как только выяснилось, что Царствие Ночи — крепкий орешек и с ходу его не захватить. Окончательную точку в борьбе поставила появившаяся в результате магической нестабильности Граница — стокилометровая степная зона между Лангарэем и окружающими его странами, в которой происходило нечто невообразимое с точки зрения здравого смысла.

Перемирие и торговля с успокоившимися соседями обеспечили Царствию Ночи неторопливое развитие и накопление богатств.

Конечно, были и свои «но». Быстро распространившиеся по Серединным Землям слухи, что в государстве упырей полным-полно сокровищ и текут молочные реки, привлекали банды головорезов, готовых потратиться на хорошего мага, чтобы взломать барьер и проникнуть в Лангарэй. Небольшие отряды всех кланов Живущих в Ночи патрулировали границы Пелены, оберегая спокойствие Царствия Ночи. Днем стражу несли люди и другие смертные под руководством носферату. Ночью — смешанные отряды из упырей и живых. Хотя ночью следить за Пеленой всегда было проще: мало кто в здравом уме рисковал пробраться в Лангарэй при свете луны, когда сила не-живых возрастала в несколько раз. Правда, однажды ночью команда магов Школы Магии и бойцов Школы Меча решила, что море ей по колено, и нагло прорвалась сквозь Купол. Теперь большинство из них были личными Апостолами повелевающего клана Сайфиаил.

Анцкар зевнул. В его отряде было семеро упырей, четыре человека и один гoblin. Люди и Темный сейчас спали, а стражу несли пятеро Жи-

вущих в Ночи. Еще двое проводили обряд Осмотра, проверяя окрестности Купола радиусом в два километра.

Клаирис бормотал заклятия, удерживая вокруг Видана магическое поле, поблескивающее эннеарином с проблесками октарина¹.

Видан, погрузившись во Внутренний Взор, методично рассматривал равнину по ту сторону Купола. Его подбородок заострился, клыки слегка удлинились, а сквозь прикрытые веки было видно, как сверкают зрачки — магия упырей всегда отражалась на внешнем виде, определенным образом возвращая не-живых к той внешности, которую имели их первобытные предки, до того как облагородили свой облик благодаря... Да, благодаря свежим вливаниям человеческой крови.

Солнце окончательно провалилось в бездну горизонта, и звезды неторопливо потянулись выполнять свою неизменную обязанность — сиять в ночи, даря ощущение гармонии и целесообразности Вселенной.

Анцкар сдержал желание посмотреть на людей. Это Дикие и Низшие с трудом могут бороться со своей природой. Он же с недавних пор Средний и имеет право контактировать с теплыми. Тем более он в настоящий момент почти не испытывает жажду, значит, ему нет никакого дела до людей. К ним он должен относиться только как к соратникам по оружию, которые хоть и намного слабее, но все-таки соратники...

Молодой упырь ухмыльнулся.

Люди слабее. Люди всегда слабее. Поэтому, хоть под Куполом их и больше, правят в Лангарэ Живущие в Ночи. И будут править еще очень-очень долго.

Анцкара удивляло поведение некоторых прикупольных ветеранов, что вели себя с людьми и другими живыми панибратски. Помогали им в случае необходимости, во время муштры внимательно следили за тем, чтобы они не выдохлись, ведь тренировка для Живущих в Ночи совсем не то же самое, что тренировка для обычных смертных.

— Ну что там, Видан? — спросил Затанкар, командир отряда, Высший, о чем свидетельствовал роскошный пурпурный плащ с серебряной бахромой на плечах. Носить такие в пределах Купола позволялось только князьям Высших и Бродящим под Солнцем, остальным же строго запрещалось.

Обычно высокородные Высшие не назначались командирами прикупольных отрядов, но Затанкар пребывал сейчас в немилости у Повелевающего. Он был пойман на незаконной торговле кровью и потерял свои привилегии. Но тем не менее плащ Затанкар сохранил: это право ему досталось по наследству, по факту рождения от упыря и упырицы, знатных и потомственных родителей. И отобрать плащ у Затанкара могли только с клыками. А вот если бы Затанкар был Перерожденным, ставшим Живущим в Ночи после укуса, то даже титул князя не помог бы ему избежать казни. Законы Крови суровы, и лишь эта суровость сохраняет порядок в Лангарэ.

¹ У магической Силы в реальности Равалона три цвета: октариновый, эннеариновый и декариновый. Каждый из них указывает на тот или иной уровень источника Силы: природно-космический (зеленовато-фиолетовый октарин), богов (золотистый эннеарин) и убогов, антагонистов богов (серебристый декарин).

Видан глубоко вздохнул, открыл глаза, бросил взгляд на усеянное звездами небо и ответил:

— Совершенно никого и ничего, о Высший. Только аура растений и несколько элементарей земли и ветра. Никаких магических полей или потоков, кроме естественных.

Сомневаться в словах Видана не приходилось. Это была Сила Крови клана Дайкар — замечать Внутренним Взором все в рассматриваемом пространстве. Этой способностью в той или иной степени владели все наследники Дайкар. Предел для Видана — как раз два километра, и то с помощью поддерживающего его Клаириса. Анцкар, например, пока мог использовать Взор только на двадцать метров. И хотя некоторые маги смертных и были способны при помощи заклятий создавать нечто вроде Взора, взирая на объект с дальнего расстояния, тем не менее это было не то — Внутренний Взор работал на все десять сторон света и охватывал все объекты, что входили в этот диапазон.

— Хорошо, — довольно хмыкнул Затанкар, — значит, пока нет ни одного идиота, решившего потревожить нас этой ночью. Это очень хорошо. Не люблю, знаете ли, беспокоиться. Я бы хотел как можно спокойнее провести время и вернуться в родные апартаменты, когда Повелевающий забудет о моих шалостях. Нам ни к чему лишние хлопоты. Верно?

Анцкар, который считал, что именно сегодня он покажет себя во всей красе, раскромсав сотню-другую самонадеянных людишек, а то и орков штук пятьдесят, подумал, что, будь он командиром, он бы заставил отряд продвинуться дальше километра на два. И уж там бы они точно нашли нарушителей! И расправились бы с ними по всем канонам боевого искусства Живущих в Ночи!

Но Анцкар командиром не был.

Наверное, именно вследствие этого пограничному отряду под предводительством графа Затанкара не повезло в ту ночь.

Элементарь ветра дрожал от страха. Точнее, так могли бы сказать смертные. Духовные сгустки Стихии Воздуха не особо испытывают чувства или эмоции, однако этот конкретный элементарь немного успокоился о своем существовании. Для элементарей ветра, почти не обладающих самосознанием, такое означало, что он не функционирует должным образом. Для смертных — что воздушный дух в дикой панике.

Элементарь точно не помнил, что было до того, как его выдернули в физический мир и заставили делать работу, для которой он не был предназначен. Он ощущал: что-то не так. Но не больше. Бытие элементарей Стихий таково, что им жутко завидуют виджнянавадины-буддисты из Махапопы — там нет и капельки намека на активность самосознания. Однако происходящее заставило элементаря слегка изменить свой взгляд на мир и попытаться понять причины того, что с ним делают. Сам того не подозревая, он вовлекся в мир страданий, как, впрочем, и многие его собратья, выхваченные до него из мира элементарей магической силой. Начав размышлять о том, почему с ним такое происходит, элементарь задумался о том, почему ему это не нравится, а потом

стал думать о том, почему ему нравилось то, что было раньше, и должно ли было ему это нравиться; а затем он сообразил, что ведь должно быть то, что будет нравиться ему всегда, и он не будет в этом сомневаться; а затем он понял, каким жалким и ничтожным было его существование до этого момента и что стоит...

Именно в тот момент, когда элементаль был готов познать истину, которая могла бы совершить переворот в мире элементарей, его развоплотили.

Посреди колыхающейся травы начал стекленеть воздух, складываясь в прозрачную сферу. Четыре фигуры в плащах, находившиеся внутри, стояли неподвижно и молча. Лица всех четверых скрывали глубокие капюшоны. Только тогда, когда сфера на миг сверкнула декарином и треснула, брызнув на землю сотнями осколков, они заговорили.

— Ну как, Затон? — спросил хриплым голосом самый высокий, закутанный в черный плащ.

— Легко, Тавил, — ответил самый низкий, ростом доходящий остальным до груди, одетый в коричневый плащ. — Его Взор скользнул по нам, даже не заметив. Мои тени оказались как всегда на высоте.

— Просто упыри разленились, Затон, — заметил самый широкоплечий. Он был в сером плаще. — Твои творения хороши, но не стоит недооценивать Силу Крови клана Дайкар.

— Силу Крови? — фыркнул последний, ничем не выделяющийся, разве что зеленым цветом плаща. — Ахес, Сила Крови только тогда хороша, когда ею умеют пользоваться. Для воина важен дух.

— Неужели, Олекс? — с издевкой сказал широкоплечий. — Эвана смогла расправиться с тобой безо всякого духа.

— Не стоит вспоминать об этом, Ахес, — с вызовом ответил Олекс. — Ты тогда себя показал тоже не с лучшей стороны. А мы с тобой всегда можем проверить, кто из нас прав...

— Ты вызываешь меня, Олекс? — Ахес резко повернулся. — Ты считаешь, что сможешь выстоять против меня?

— Я стал сильнее. — Олекс отступил на шаг, вскидывая руки. — Хочешь проверить?

— Успокойтесь, оба! — резко скомандовал Тавил. — Вы решили привлечь внимание упырей? Неужели вы считаете, что Затон потратил силы, чтобы создать из элементаля ветра непроницаемый даже для Наследников Дайкар Покров, совершенно зря? Неужели хотите, чтобы Мастер узнал о вашем конфликте прямо перед началом миссии?

— Его Сила не настолько велика, чтобы наблюдать за нами здесь. Каким же образом он узнает? — недовольно пробурчал Олекс.

— Очень просто. Я ему скажу.

— О-о-о-о-о... — протянул Олекс, но задираться перестал.

— Отлично. — Тавил посмотрел в ту сторону, где сверкал эннеарином исполинский, почти до небес, Купол. — Мы почти рядом с Хранилищем Дайкар. Слава небесам, что в целях конспирации Повелевающие здесь ставят такую же охрану, как и на других участках. Будь пограничников больше, пришлось бы повозиться и с большим шумом.

— Правители везде одинаковы, — сказал Затон. — Если у них есть

что скрывать, они будут это скрывать так, что сами потом забудут, что скрывали и зачем.

— Кто будет разбираться с Хранителем, Тавил?

— Не терпится подраться, Олекс?

— Это мое дело, Ахес. Я хочу узнать, насколько силен тот упырь, которому доверили беречь... — Олекс замялся, а затем осторожно произнес: — *Это*.

— Он прав, Ахес. Сейчас нужно решить, как мы будем действовать внутри Купола. Хранилище неподалеку от Храма Крови, поэтому кому-то надо устроить беспорядок в поселке клана, остальным — заняться Хранителем и достать *это*.

— Думаю, я вполне способен справиться с ним.

— Нет, Ахес.

— Почему?

— Твоя и моя атаки подходят как раз для того, чтобы отвлечь упырей. Хранителем займется Затон и Олекс.

— Отлично! Я разберусь с ним в мгновение ока!

— Не стоит недооценивать противника раньше времени.

— Я не недооцениваю, Затон. Я просто отлично знаю, на что способен!

— Ладно, хватит разговоров. — Тавил взмахнул рукой, точно намечая, как рассечет Купол пополам. — Выдвигаемся. Приготовьтесь использовать морфе.

Анцкар вырос, зная, что там, по другую сторону Купола, Живущих в Ночи не любят. Или «любят», но только серебряными кольями и предвзвешенно связав. Анцкар хмыкнул. О том, что не всякое, а только лунное серебро опасно для Живущих в Ночи, за пределами Лангарэя знали немногие смертные. Среди молодых упырей, ставших Средними, была забава пробираться в земли смертных и устраивать на себя охоту. Многие часто возвращались, не только повеселившись, но и с неплохой прибылью — с большим количеством серебряных колец. Некоторые прикупольные отряды специально пропускали весельчаков, заранее договариваясь о своей доле в добыче. Бывало, конечно, что упырь не возвращался, нарвавшись на неожиданно сильную ведьму или колдуна, но такое случалось нечасто.

Впрочем, если уж на то пошло, — по ту сторону Купола Живущих в Ночи ненавидят. И люди, и эльфы, и гномы, и хоббиты, и даже смертоеды-орки. Никто не хотел терпеть на своих землях не-живых кровососов. Поэтому и возник Купол, ограждающий упырей от смертных и смертных от упырей.

Хотя даже интересно, какой сволочью надо быть человеческому или какому другому инородному правителю, чтобы его крестьяне бежали в ненавидимое большей частью Западного Равалона Царствие Ночи? Кем надо быть, чтобы смертные побороли страх и ненависть и попросились под защиту Купола? Под защиту от баронских дружин и герцогских армий, под защиту от сумасшедших поборов и налогов — к тем,

кто столетиями видел в твоей расе пищу или врага... Кем же надо быть, чтобы тебя боялись и ненавидели сильнее, чем упыря?

Такие вопросы задавал себе Анцкар, когда видел очередной караван беженцев в приграничных форпостах клана Дайкар. Впрочем, потом эти вопросы отступали на задний план и их место занимали более насущные, например, какова на вкус кровь той дрожащей от страха брюнеточки с удивительно синими глазами?

Упыри продолжали оставаться упырями.

Иногда Анцкара интересовало: что там, за Куполом? Он знал, что с севера и запада с Лангарэем граничат три человеческих королевства: два принадлежат к осколкам некогда могучей Роланской империи, а третья входит в состав Торгового Союза Герзен. Что на западе тянется небольшой Лес карлу, один из многих отпочковавшихся от исконного царства Лесных эльфов Дирендагатана, некогда поработленного Роланской империей, а теперь принадлежащего империи Черной. Что на юге расположены земли свободолюбивых арахнотавров, а на востоке тянется горная цепь Гебургии — обиталище гномов. Молодой упырь это только знал, ведь за свои пятьдесят три года он ни разу не был за Пеленой. Он знал, что существуют посольства Лангарэя в некоторых странах, что Лангарэй торгует с другими королевствами, а также (только шепотом), что наследники Благородных Кровей и Высочайших Домов позволяют себе вылазки за Купол, дабы вкусить человеческую кровь, вкусить ее вместе с человеческой жизнью.

Анцкару тоже хотелось вырваться за пределы Купола, в почти безграничный мир. Хотелось, но он знал, что не может.

— О чем задумался? — незаметно подкравшись сзади, спросил Файтанх, старый товарищ, с которым они вместе проходили Посвящение Светом.

Анцкар вздрогнул от неожиданности и чуть не уронил копьё.

— О разном... — Живущий в Ночи улыбнулся. — Просто интересно... самому увидеть, что там. — Он посмотрел на Купол.

Файтанх проследил за его взглядом и осклабился.

— Ты там свои кишки увидишь, — снисходительно пообещал он, — первым делом. А потом голову. Хотя нет, вряд ли ты ее увидишь. Впрочем, некоторые из Высочайших утверждают, что сознание отделяется от тела в момент смерти, поэтому у тебя есть шанс увидеть свою головушку. Нематериальными глазами своей несуществующей души. А задно увидишь, как стораёт твоё тело.

Анцкар вздохнул.

— Может... когда-нибудь... все изменится? — неуверенно спросил он.

— Ну, возможно, теплые придумают, как убивать друг друга еще более массово, — отозвался Файтанх. — Это единственное, что реально меняется в мире. Как в этом, так и в бесконечности других.

— Ты веришь в параллельные миры?

— Я уверен, что они существуют. Должны ведь где-то находиться все потерянные в моей комнате вещи?

Файтанх хлопнул Анцкара по шлему и щелкнул по доспеху.

— Все эти мысли на тебя навевают Луна. — Упырь указал на небо. — Око Ночи сегодня как никогда большое.

И это была правда. Месяц распух, будто пытался занять как можно больше места на ночном небе. Или, может быть, боги решили повеселиться: подтащить Луну поближе к Земле и затопить полматерика. Боги — они такие. И только Ночь милосердна, только Ночь, некогда приютившая в своих объятиях первых Живущих в Ночи...

— Странные тучи, — вдруг нахмурился Файтанх.

— Тучи? — удивился Анцкар и взглянул на небо, которое действительно заволакивало густым покрывалом серого цвета. — А что в них странного?

И тут он понял. Во-первых, они слишком контурно выделялись на фоне черного провала небес, усеянного осколками звезд. Во-вторых, имели четкую круглую форму. И, в-третьих, приближались с той стороны Купола к Пелене со скоростью, которая тучам обычно не присуща. Это вызывало удивление примерно такое же, как если бы улитка обогнала профессионального бегуна.

— Магия? — Файтанх бросил взгляд в сторону основного лагеря.

Если что-то не так, то Видан, продолжавший использовать Внутренний Взор вполсилы, уже бил бы тревогу. Но все было спокойно, и Затанкар не проявлял никаких признаков беспокойства, разглагольствуя о том, что нынешние советники Повелевающего — жалкие слюнтя, заботятся о всяких формальностях, а на наследие даже и не смотрят, вот, например, его судили как какого-то Апостола, да еще только Перерожденного и...

— Может, предупредить? — спросил Анцкар, покрепче берясь за копьё.

— Может, и стоит... — начал Файтанх, но тут тучи достигли Купола и, не останавливаясь, продолжили движение. В этом не было ничего удивительного, ведь воздушные массы проходили сквозь Пелену, обеспечивая воздухом Лангарэй. Удивительно было другое. То, что тучи внезапно остановились, пройдя Пелену почти наполовину, а затем начали свиваться друг с другом. И при этом никаких отблесков магических цветов, что могло бы указать на использование Силы. А потом — оба упыря даже не успели отреагировать — тучи свернулись в фигуру в плаще, которая одним движением руки разорвала Пелену на две части так легко, словно рвала много раз стиранную простыню.

Крик застрял у Анцкара в горле. В голову полезли мысли: «Что, убоги дери, происходит?», «Вот он, твой шанс показать себя во всей красе!», «Почему Видан молчит?». Живущий в Ночи на мгновение окаменел, соображая, что делать, и в этот момент Файтанх, выхватив меч, бросился в атаку на незваного гостя.

«Вот ведь, — подумал Анцкар, наблюдая, как красиво сверкает широкий клинок в свете Луны, обманным выпадом устремляясь в грудь пришельца, — теперь вся слава достанется ему!»

А затем мысли исчезли — и появился ужас...

Файтанх, вонзив полметра добротной стали во вторгающегося, мысленно представил, как продолжает движение и всаживает свою

руку в тело, а затем вытаскивает из него сердце и пьет такую лакомую кровь... Хей, пускай боги и убоги пошлют ему удачу и жертвой будет человек! По Законам Крови Лангарэя все нарушители границы Купола не рассматривались как обладающие естественными правами, а рассматривались как обладающие атрибутами пищи. Конечно, это хорошо, если добычей становились люди; кровь других народов мало того что не доставляла удовольствия, так еще и не усваивалась. Поэтому тот, кому удавалось первым прикончить нарушителя, считался счастливым, — жертва была в его полной и безоговорочной власти.

Меч легко проткнул грудь глупца, решившего прогуляться по территории упырей. Файтанх оскалится в предвкушении наслаждения, невольно выпустив клыки, но ухмылка вдруг исчезла с его лица. Меч замер, не двигаясь ни назад ни вперед, будто кто-то крепко держал клинок и не желал отпускать. Странное покалывание охватило правую руку. Упырь скосил глаза, применяя частичный Взор, который позволял в определенной мере рассмотреть даже структуры накладываемого заклятия. Но, как и в момент прорыва Купола, не увидел и следа магии.

«Песок?» — изумился Файтанх, рассмотрев, что именно колет ладонь, забираясь под рукав кафтана. Десятки песчинок ползли по его руке, подобно отрядам муравьев, устремившихся к куску сахара. Они уже достигли плеча, когда упырь ощутил дуновение ветра на лице. А потом...

Земля, поднятая ветром, вздыбилась перед Файтанхом, земляные комья прижимались друг к другу, словно любовники, давно не видевшиеся и охваченные страстью. Ветер придавал кружащейся вокруг земле форму, а затем огромная земляная рука крепко обхватила упыря и сдавила его. Файтанх дернулся, пытаясь освободиться, но хватка была чудовищной. Кости упыря затрещали, он зарычал, трансформируясь, но было уже поздно.

С громким «хлоп» рука сжалась, и во все стороны полетели брызги крови. Файтанх не успел даже закричать. Вместо него с этим отлично справился Анцкар, дико завопив, когда прямо на кончик его копья приземлилась голова товарища. Отшвырнув оружие в сторону, Анцкар побежал к лагерю, не переставая вопить. Тип в плаще, все это время стоявший неподвижно, проводил его взглядом, ничего не предпринимая. Он терпеливо ждал, пока рука, с которой стекала кровь, раскроется, пока начнет распадаться на комья земли, удерживаемые в воздухе эфирными струями, пока испачканными в крови песчинками полетит ему прямо под капюшон, откуда раздастся звук, будто кто-то набирает полную грудь воздуха. Лишь после этого тип в плаще удовлетворенно хмыкнул и зашагал следом за удирающим упырем.

Впрочем, Анцкар далеко не убежал. Прямо навстречу ему с вытупленными глазами неся гоблин, бестолково размахивая ятаганом. Его безумный взгляд не видел окружающих, и Анцкар, несмотря на страх, сообразил, что дорогу стоило бы уступить, если нет желания получить ятаганом в живот. Однако гоблин не успел добежать до упыря. Он вдруг остановился и мелко задрожал. И тотчас же, вырвавшись из-под земли, его стали обвивать лианы с крупными красными бутонами. Гоб-

лин заскулил, но даже не попытался двинуться или освободиться. А затем бутоны раскрылись и впились в тело гоблина, как... как... как... В общем, единственным сравнением, которое пришло в голову Анцкара, было «как упырь в горло человека». Гоблин замолчал и сдулся, словно воздушный шар. Кожа сначала отошла от костей, затем начала медленно сползать, вбираемая цветами, длинный нос повис и болтался, как висельник.

Анцкар шагнул назад, остутился и упал на задницу. Он был Наследником и совершенно не знал, как умирают люди и что испытывают в тот момент, когда становятся Перерожденными. Охватывает ли их такой ужас, что они готовы обмочить свое нижнее белье? Если да, то получается, что Анцкар понимал их сейчас превосходно. Его рука потянулась к мечу на поясе, но никак не могла нащупать рукоять.

«Ты же упырь! Встань и сражайся за гордость Живущих в Ночи! Ведь сейчас твой час! Час Ночи!

Кто, интересно, это говорит?

Неужели я?

Но я боюсь...

Ты же хотел этого! Сражаться и защищать товарищей! Так вперед! Трансформируйся и сражайся! Ночь благословляет своих детей!»

А ведь действительно... Сейчас ночь... Время, когда не-живые особенно сильны.

Пальцы мгновенно отыскали и крепко сжали холодную рукоять. Анцкар начал подниматься. Он упырь! Ночь — его стихия! И как бы ни были сильны нападающие — ночью с упырем никто не сравнится!

Анцкар зарычал. Челюсть резко сместилась вниз, давая место росту острых клыков. Тело стремительно менялось, и доспех не выдерживал метаморфоз. Нагрудник и наспинник треснули ровно посередине под воздействием многократно усилившихся мышц и покрывших тело шипов. Мочки ушей упыря увеличились, глаза налились кровью и отсвечивали красным, запястья рук покрылись чешуей, а пальцы на ногах покрылись мощными когтями. Трансформа упыря клана Дайкар завершилась. Теперь сила Анцкара возросла раз в пять, и он свободной рукой мог свернуть шею огру, даже не вспотев.

— Занятно! — внезапно раздался голос справа, и Анцкар резко повернулся, выставив перед собой меч. Теперь он был готов броситься на противника хоть с голыми руками, но рассудок, благодаря Посвящению Светом удерживающийся в теле после трансформы, подсказывал, что оружие ему еще пригодится.

Рядом с трансформировавшимся Анцкаром стоял завернутый в зеленый плащ тип. По абрису он напоминал человека, но с такой же вероятностью мог быть эльфом. Упырь принюхался и разочарованно рыкнул. Враг не имел запаха: ни человека, ни эльфа — вообще никакого. Или он применил какой-то алхимический эликсир, или не выделял никаких запахов, то есть...

Нет, второе «или» глупо. Зомби обычно не разговаривают. Они послушно выполняют приказы некромага, но не разговаривают. И не пахнут: их ткани не разлагаются, процессы обновления не идут. Но если

бы это существо было зомби, то пахло бы от его одежды, но запахов нет и от нее. Значит, алхимия, рассчитанная против нюха упырей, причем трансформировавшихся.

— Занятно, — повторил смертный. — Так вот как выглядит трансформация клана Дайкар. Интересно, насколько ты силен, Живущий в Ночи?

Анцкар пригнулся, готовясь к прыжку. Сейчас он стал не только сильнее, но и гораздо быстрее самого себя. Хотя трансформация и увеличивает возможности Живущих в Ночи, дается она упырям нелегко — последствия могут быть очень опасными для тех, кто имеет Средний ранг. Возвращение к тому состоянию, которое является естественным для Диких, ненормально для тех, кто ступил на путь развития к Бродящим под Солнцем. Низшие легче переносят изменения, как и Высочайшие, а только-только ставшим Средними или Высокими подчас приходится платить немалую цену за трансформацию. Несколько декалитров человеческой крови могут избавить упыря от ужасных результатов. Но где взять кровь на поле боя?! Выпить людей, которые в твоём отряде? Можно, но за это по голове не погладят, а если и погладят, то разве что шипастой дубиной.

Поэтому Анцкар сознательно пошел на риск, который мог закончиться губительно для него. Упырь желал отомстить за Файтанха. Желал так, как никогда не жаждал человеческой крови. А для упыря это много значит. Он нагнулся влево, будто бы готовясь к прыжку с этой стороны, а потом быстро метнулся к левому боку врага. Внутренний Взор, присущий трансформации упыря клана Дайкар, позволял следить за противником со всех сторон. Как бы тот ни попытался отреагировать на атаку, упырь по малейшему движению смог предсказать его дальнейшие действия и поменять стиль нападения. Сейчас Анцкар готовился ударить смертного мечом в правый бок, отпустить меч, освободившейся рукой нанести удар в горло, перехватить меч другой рукой и разрезать врагу живот. С той скоростью, которая была доступна, упырь не сомневался в своем успехе.

Враг умрет. Враг должен умереть.

Замах слева в правый бок противника. Левая рука перед грудью, будто бы защищая ее, а на самом деле готовясь перехватить меч. Он уже почти рядом с развевающимся на ветру плащом. Еще немного, и можно посмотреть в лицо, скрытое капюшоном! Вот он бьет и...

Что?! Почему его правую руку крепко держит левая рука врага, а левая ладонь схвачена правой рукой и прижата к груди? Почему он не видел движения врага? Почему, при всей его трансформированной силе, он, дитя Ночи, Живущий в Ночи, подпитываемый ее энергиями и силами, почему он не может освободиться от захвата какого-то смертного?

Меч упал в мягкую траву у ног.

Из-под капюшона раздался смешок:

— И это все?

Молчание. Только скрипит клыками Анцкар, пытаясь освободиться от железного захвата.

— И это все, на что способен Дайкар?

Молчание. Только шипит сквозь стиснутые клыки Анцкар, когда противник крепче сжимает его руки.

— Какая жалость!

Капюшон внезапно приближается к лицу упыря. Из темного провала сверкает красный зрачок.

— У тебя совсем нет духа.

Он вдруг каким-то неуловимым образом перехватил руки Анцкара выше кистей и одним движением поднял их вверх. Упырь только начал догадываться о намерениях врага, когда тот вывернул ему руки и с силой нажал на запястья, ломая лучевые кости. Но смертный не остановился на этом. Анцкар не успел даже закричать от боли, а враг подпрыгнул, коленями ударив по локтям Анцкара и сломав локтевые суставы. Руки упыря треснули, как сухая деревяшка под ногой гиганта.

— Твой дух слаб, — сказал смертный, отпуская Анцкара, руки которого безвольными плетями повисли по бокам.

Упырь взвыл от боли, из глаз покатались слезы, мешая разглядеть врага, но он продолжал стоять, преодолевая себя, преодолевая желание упасть на колени и вымалывать жизнь.

Он знал — его не пощадят. Потому что...

— Те, у кого слаб дух, не должны сражаться, — говорил смертный, неторопливо сжимая голову Анцкара. — Ведь они обманывают самих себя. Слабый дух может проявиться в других делах, но не в сражении. Но если ты сражаешься с тем, чей дух превосходит твой... — (Анцкар почему-то знал, что будет дальше.) — ...Приготовься к тому, что пощады не будет.

Крепкие ладони прижались к ушам упыря, смазав слова, но он все равно слышал, что говорит смертный.

— Ибо не пощадив тебя, сильный духом выкажет уважение к тебе. Он сравнит тебя с собой, дав тебе умереть как обладающему духом.

Темнота капюшона поглощала весь мир, втягивала его в себя, и даже остатки Внутреннего Взора Анцкара затягивало в него, словно в водоворот, но все равно упырь не видел, что скрывает капюшон, будто действительно там была лишь тьма.

А затем мир перестал быть. Словно его полностью засосало в тьму капюшона.

...Олекс вздохнул. Череп Дайкара сломался легко, и упыринный мозг сочился сквозь его пальцы вместе с обломками костей.

— Жаль, — пробормотал смертный. Его затрясло. — Мне нужен был более сильный противник.

Он осмотрелся. Ахес неторопливо шел от пробитого им Купола. Плащ, обдуваемый ветром, развевался за спиной, придавая Ахесу вид нетопыря. Мастер говорил, что такова приблизительно трансформация клана Соон...

Почему-то вспомнилась Эвана. Хотя понятно почему...

Олекса затрясло сильнее. Он поднес руку ко рту и лизнул. Мозг упыря оказался невкусным, как сырые креветки, к тому же попался кусочек кости, и настроение испортилось окончательно.

Ахес, словно почувствовав неладное, ускорил шаг.

Олекс сжал кулаки. Почему ему оставляют слабаков? Почему они думают, будто он недостаточно хорош для других противников? Они считают его слабым? Он недовольно топнул ногой, оставив после удара двадцатисантиметровую вмятину в земле.

— Проклятье! — рявкнул Ахес и побежал.

Почему Тавил сказал, что он разберется с Высоким упырем, а остальные пусть займутся охранниками? Он не верит, что силы духа Олекса достаточно для схваток с Высокими? Он не верит в силу Олекса?

Олекс заулыбался. О! Тогда он знает, что нужно сделать. Они поймут, как силен его дух! Они поймут, как силен дух Олекса!!!

Он поднес руки ко рту, кончиком языка слизнул остатки мозга и приготовился. Сейчас морфе даст ему выход к энтелехии, и тогда...

Ахес налетел на него сзади, схватил за руки и оттащил их от лица. Олекс недовольно зашипел. Ахес нажал на болевые точки на запястьях и надавил коленом на спину, фиксируя движения Олекса.

— Вы все... все завидуете моему духу! — выкрикнул Олекс.

К ним уже спешили Затон и Тавил. Ахес держал товарища, но чувствовал, что это ненадолго. Их способности различались — и его способность совсем не была рассчитана на ближний бой.

— Дерьмо! — Тавил остановился и с размаху погрузил руки по локоть в землю. Трава сразу же зашевелилась и поползла вверх, опутав Олекса.

Ахес перевел дух. Теперь держать этого психа было легче, но расслабляться явно не стоило.

— Разожми ему зубы, — сказал Тавил, поморщившись. Он не выносил запаха лекарств, которым поили Олекса во время приступов.

Затон с привычкой, выдающей, что он делает это не в первый раз, схватил беснующегося за челюсть и ловко засунул меж зубов железный цилиндр. Придерживая одной рукой подбородок, другой он вытащил из недр своего плаща дурно пахнущий пузырек и влил его содержимое через раструб в цилиндре. Олекс задрожал, его мышцы напряглись. Ахес напрягся, готовясь сломать ему руки, если что-то пойдет не так. Но Олекс успокаивался, его дыхание приходило в норму, а жажда убивать, которая была такой плотной, что из нее можно было лепить снежки — и весьма смертоносные снежки, — отступала.

— Ты в порядке? — Тавил не спешил доставать руки из земли, с опаской вглядываясь в капюшон Олекса.

— Да, — глухо прозвучало в ответ. — Мы можем продолжать. Я держу себя в руках.

— Если тебе так нужно, психуй, когда сойдешься с Хранителем, — мрачно сказал Ахес, медленно отпуская товарища. — Пусть лучше он оценит твою ненормальную голову, чем мы снова станем свидетелями твоего безумия.

— Я же сказал, что я в порядке! — крикнул Олекс, отталкивая Ахеса.

Раскушенный пополам цилиндр упал в траву. Тавил вытащил руки и теперь брезгливо стряхивал с них землю.

— Значит, так, — сказал он, — следующий приступ у Олекса будет

теперь не скоро, так что это даже хорошо, что он произошел сейчас. Затон, сколько у тебя с собой лекарства?

— Четыре ампулы.

— Отлично. Должно хватить. Продолжаем действовать так, как договорились. Вы к Хранилищу, мы с Ахесом — к поселку. Затон, как только достанете это, сразу сообщите фейерверком. Встречаемся здесь.

— А если что-то пойдет не так? — спросил Затон, бережно поднявший с земли половинки цилиндра.

— Тогда будем молиться всем богам и убогам, чтобы нас убили сами упыри. Вы же понимаете, что от Мастера нам так просто не отделаться.

— По крайней мере от Эваны — это уж точно, — пробормотал Ахес.

— Хватит разговоров. Расходимся и действуем.

Четыре фигуры быстро растворились в темноте ночи. Остались лишь трупы, освещаемые мерцанием Купола.

Спустя минуту после ухода четверки земля возле останков Анцкара задрожала и медленно поползла вверх, образуя нечто вроде небольшого холма. Следом за этим верхушка холма разлетелась в разные стороны, явив скрюченную фигуру, которая тут же задержала головой.

А за много километров от этого участка Купола и разбитого отряда графа Затанкара некто, перебиравший десятки тянувшихся к нему со всех сторон невидимых нитей, произнес:

— Как интересно. Как невероятно интересно.

Глава вторая

МИР, КОТОРОГО НЕТ

Не стоит сомневаться. Когда ищут козла отпущения — его всегда находят среди своих.

Цицерий, главный оратор Роланской империи

Шаг влево — легкий взмах — пригнуться и начать движение «метлой» за спину, а затем оторваться от каменных блоков пола и завертеться...

В который уже раз?

Он не помнил. Когда-то считал, видя в этом смысл. Но однажды не захотелось — и он перестал. Так же, как до этого перестал вести счет дням, царапая западную стену. Сколько там глубоких линий, похожих на следы когтей дикого зверя, попавшего в западню?

Много. Наверное.

А он не дикий зверь.

И на западную его обителище не очень похоже. Скорее похоже на тюрьму. Правда, он никогда не видел тюрьму и не был уверен, похоже ли на нее место его пребывания.

Потому что он не видел и своего места пребывания.

Потому что он был слеп. От рождения.

Что было очень необычно для упырей его клана, клана Таабил, Сила Крови которых как раз была в глазах.

«Примесь Перерожденного дала о себе знать», — шептали злые языки, косо поглядывающие на его семью. Неизвестно, насколько это было правдой. Нет, то, что его прадед был человеком, по собственной воле ставшим Апостолом его прапрадеда, — это правда. Невозможно только узнать, действительно ли он как-то повлиял на слепоту своего правнука.

«Волчья метла» послушно вертится над головой. Ему говорили, что ее сделали гномы, живущие в подземельях Гебургии. Специально для него. Он помнил, как измеряли его рост, длину рук, ног, зачем-то заставляли дышать в какое-то устройство (он, понятное дело, его не видел, но ему даже не дали его ощупать), заставляли приседать и бегать. А когда это стало раздражать и он грубо поинтересовался, не хотят ли замерить длину его члена, ему ответили, что распоряжений по этому поводу не поступало, но если его это так волнует, то в любой момент это можно сделать. Причем было сказано с таким энтузиазмом, что он обеспокоился и стал держаться от обладателя этого голоса подальше.

А потом привезли «метлу». «Волчицу», как он ласково прозвал ее. Он хорошо запомнил, как прикоснулся к ней впервые. Запомнил странное чувство, охватившее его. Если бы пришлось сравнивать — это было похоже на возбуждение, которое овладевало им, когда к нему приводили упыриц для совокупления или теплых для наслаждения кровью. Похоже, но отличалось. Ни проникновение в одурманенных травами жриц Ночи (они ничего не должны были помнить ни о том, где они были, ни о том, с кем они были), ни Последний Глоток, осушающий человека с его душой и наделяющий Живущего в Ночи потрясающей силой, властью и пронзающий незабываемым экстазом его тело и сознание, — по ощущениям не были похожи на чувство, выходящее вокруг него, когда он сжимал древко «волчицы» в своих руках.

Словно еще кто-то, кто никогда не видел окружающий его мир, внезапно подал ему руку, и они смогли создать свой. Мир, в котором не было ничего. Ведь если не видишь чего-то — то этого и нет?

А прикосновения, запахи, ощущения пространства и времени, даже другие, живые и не-живые — все это ложь. Он привык жить во лжи. И ду- мал, что он один. Оказалось, что нет.

Это была встреча не двух существ — это была встреча двух сущностей. И он узнал, что мир, к которому привык, он всю свою жизнь делил еще кое с кем. И наконец они встретились.

«Волчица» задрожала, и ее нетерпение передалось ему. Он давно уже понял, что ее чувства не идут ни в какое сравнение с его чувствами: окружающий мир для «волчицы» был более доступен на тонком уровне. Пускай это была ложь, но в этой лжи она ориентировалась лучше.

Он прервал комбинацию ударов, направленных на то, чтобы выбить оружие из рук противника и нанести удар в шею одним из волнистых лезвий. Там, за каменными стенами его обиталища, происходило нечто необычное. Что-то надвигалось на Царствие Ночи, что-то грозное и могучее. Это не было похоже на авантюристов, иногда оказывавшихся в опасной близости от Храма и схрона. Если сравнивать с интересной игрой «Смерть Царя», в которую он иногда играл сам с собой, те авантюристы

по сравнению с этой силой были даже не пешками — они были квадратиками, по которым ходят фигуры.

Он улыбнулся и погладил «волчицу».

Может, хоть на время ложь станет похожа на правду?

...Его называли Хранитель. И он не верил в правду.

Шорох был едва различим, но старый библиотекарь оторвался от книги, которую читал, и улыбнулся тому, кто вышел из-за стеллажей.

— Вы опять допоздна работали, молодой господин?

Понтей, который тащил ворох бумаг, возрастом споривших со стенами самой библиотеки, которую, как говорили, повелел построить Первый из Одиннадцати, неопределенно помахал рукой и выложил всю стопку на стол библиотекаря. Он уже привык, что этот пожилой человек, старше которого он сам был лет на пятнадцать, называет его молодым. Моложавость Понтея, делавшая его похожим на семнадцатилетнего юношу, конечно же не соответствовала его реальному возрасту, но для людей внешность имеет огромное значение, хотя некоторые кланы и Семьи так же сходят с ума по своему внешнему облику. Видимо, и это досталось упырям в наследство от человеческой крови, щедро перемешанной с их собственной.

— Зачастили вы к нам, молодой господин. Неужто клан Сива не владеет книгами и документами, которые вы так старательно ищите в библиотеке клана Дайкар? Удивительно! Сива славятся своей тягой к знаниям, и даже странно, что вам приходится искать у нас.

— Крупицы знаний разбросаны по всем кланам, — ответил Понтей, ища бумагу, которую только что (он был уверен на все сто) держал в руках.

Документа не было, точно в библиотеке завелась нечистая сила, вознамерившаяся подшутить над упырем. Впрочем, такого быть не могло: все духи и элементали, с которыми могли бы иметь дело маги других рас, были изгнаны из Лангарэя, и одной из задач Купола было не пускать их обратно в Царствие Ночи.

— Что-то есть у Сива, что-то у Дайкар. У нас больше, ведь мы давно привыкли собирать информацию.

— Информацию... — протянул библиотекарь. — Слово-то какое придумали. Вот раньше собирали и хранили знания, а сейчас — информацию. Могильным холодом от этой информации веет.

— Времена меняются, приходят новые взгляды и новые слова, — пожал плечами Понтей.

— Ничего не меняется, молодой господин, уж поверьте, — возразил библиотекарь, прищуриваясь. Ему явно не доставало света свечей, которого вполне хватало Понтею. — Новые взгляды и новые слова — но за ними всегда одно и то же. Внешние перемены мало когда влекут перемены внутренние.

— Ну, это по-разному. — Понтей наконец-то нашел нужный документ и весьма этому обрадовался. Похоже, теперь дело с составлением Печатей пойдет быстрее и все благодаря его исследованиям. Кста-

ти... — Вот, например, опровержение ваших слов, что ничего не меняется. — Понтей покопался во внутренностях своего плаща, оставленного на стуле возле стола, достал небольшую книжицу с непримечательным названием «Сентенции о древности» и положил ее перед человеком. — Это книга из библиотеки Роланской империи. Один купец обменял ее на бусы у племены хедов, а нам пришлось отдать за нее двадцать полноценных золотых монет чеканки Морского Союза.

— Книга заклинаний? — без особого интереса поинтересовался библиотекарь. Понять его можно было: за свою жизнь он имел дело с таким количеством гримуаров и волшебных книг, кропотливо собираемых кланом Дайкар и соседними с ним кланами Сива и Татгем, с каким сталкиваются разве что учащиеся великих магических Орденов и послушники не менее великих религиозных сект. Наверное, только библиотекарь Школы Магии мог превзойти его по наплевательскому отношению к книгам заклинаний. К тому же магом старик не был и тем более не интересовался особенностями обращения с многообразными магическими потоками, пронзающими реальность Равалона.

— Нет, это скорее историческая книга. — Понтей заметил ожидаемую реакцию: библиотекарь с повышенным вниманием уставился на томик. Этого в людях Живущий в Ночи тоже не совсем понимал. Ну почему на старости лет они начинают глубоко интересоваться тем, что было давным-давно? Не тогда, когда можно было бы извлечь уроки из прошлого и с юных лет жить, зная, что к чему может привести, а именно тогда, когда уже мало что можно изменить. Нет, он не понимал этого.

Он, например, перечитал все книги библиотеки Сива еще даже до Посвящения Светом.

— И о чем она? — спросил старик, раскрывая «Сентенции» и заинтересованно всматриваясь в первую гравюру, на которой было изображено шествие существ, напоминавших Серых эльфов, увитых виноградными лозами и с огромными чашами в руках.

— О древних обрядах и божествах, имена которых помнят только ученые мужи или нынешние Бессмертные. Написана в Золотой век Роланской империи Третьим историком императора Нетаорона из рода Кезарей Флагием Венецием.

— Так-так... — Библиотекарь перевернул страницу. — Как я понимаю, здесь изображено приношение даров некоему божеству?

— Не просто приношение даров. Флагий Венеций объясняет, что сакральный смысл в изображениях не позволялось передавать, и жрецы прятали тайное значение при помощи символов. Например, приношение смертного в жертву богу представлялось в знаковой форме треснувшего кувшина, и это означало жизнь смертного — хрупкую и с отметиной смерти.

— Подождите, молодой господин. Но тогда... — Брови старика поползли вверх. — Но здесь... Здесь даже не десятки... Здесь около сотни этих самых кувшинов... Это жертва богу? Не убогу? Богу?

— Кровавая жертва, — кивнул Понтей. — Флагий упоминает, что в Железном веке империи культы Солнца и Земли могли убивать до трехсот рабов за один ритуал. Часто убивали детей, в том числе из бла-

городных семей. И жертвы именно богам, потому что убогам поклонялись отдельные племена или семьи, но никогда империя не одобряла веру в Нижние Реальности в целом.

— С ума сойти, — пробормотал библиотекарь, продолжая листать «Сентенции» и находя все новые и новые картинки с жертвоприношениями. — А вот здесь прямо изображен жрец, пронзающий женщину кривым кинжалом. Никакой символики.

— Жрец Анубиямануриса, бога смерти, Флагий пишет, что со временем новые боги начали теснить старых, и одна из причин — меньше кровавых жертв в собственную честь. Людям легче с богами, которым требовалась одна жертва в месяц, а не сто. А в дальнейшем боги и вовсе перешли на животных и дары. Только культ Анубиямануриса продолжал требовать крови, но жизнь уже можно было и не отдавать. Но, впрочем, об Анубияманурисе вам, человеку, должно быть известно больше. Это ваш бог, а не наш.

— Да, вы поклоняетесь только Ночи, — рассеянно ответил библиотекарь, пытаясь разобрать надпись на макатыни, языке уже исчезнувшей Роланской империи. Макатынь он не знал, но как каждый библиотекарь скорее бы признался в свальном грехе с животными, чем в том, что не может прочесть надпись в книге.

— Мир все-таки меняется, — сказал Понтей. — Боги людей требовали крови для себя в таких размерах, о которых мы, упыри, в то время даже и не мечтали. И не только людей. Флагий упоминает кровавые культы гномов, эльфов, орков... Ну, орки Восточных степей до сих пор поклоняются Изначальной Тьме и убогам, так что они не в счет. Многие народы прошли путь кровавого поклонения. Теперь многое изменилось, и не только в Серединных Землях, но и во всем Равалоне уже не найдешь таких богов, которые требуют сотни жертв для своей силы. Так что новые времена все-таки приходят. Перемены происходят.

— Да уж, да уж... Дед рассказывал, что его дед рассказывал, что рассказывал ему его дед, но я считал это сказками для детей... — Старик захопнул книгу и протянул ее упырю. — Сложно представить, какие были боги у вас, упырей, если у людей и прочих были такие боги. Эльфы? Интересно, не знал о них такого...

Понтей вздрогнул от неожиданности, принимая «Сентенции». Надо же, как ловко человек сформулировал главное, даже не заметив этого. Или заметив? Понтей присмотрелся, но старик вел себя как обычно, сел за стол и начал оформлять книги, которые Понтей хотел взять.

Хорошо.

Не придется его убирать. В смысле, отсылать подальше, от вездесущих лап тайной службы. Чтобы старик не попал в эти лапы. Иначе возникнут проблемы с Дайкар. Они сами не разбираются в своей библиотеке и дорожат стариком как ценным работником. Никто из Дайкар не собирался работать с книгами, но и отдавать их тому же клану Сива они не намеревались, смутно догадываясь, что скупаемая ими бумага с письменами все-таки обладает какой-то ценностью.

А было бы куда как проще, если бы передали библиотеку Сива. Как

другие кланы. Вот Нугаро отдали свою. И Татгем. Понимают, что они — кулаки Царствия Ночи, но они также понимают, что у Лангарэа должна быть голова. И Сива вполне заслуживает быть этой головой.

— Пятнадцать экземпляров, — сказал библиотекарь, скрипя пером в толстенном журнале.

Понтей знал, что если заглянуть в него, то за последний месяц там будет только его имя.

Дайкар не особо приветствовали чтение. Из семи благородных искусств они считали нужным только астрономию и только лишь потому, что расположение звезд влияло на их Силу Крови. А в целом этот клан — сборище неграмотных и недалководидных упырей, мечтающих о битвах и попойках, словно они были Дикими или, что хуже, Безбашенными Топорами, этими грязными наемниками живых. Дайкар повезло лишь в одном. Именно поэтому им даже дали место в Совете Идущих Следом. Седьмой из Одиннадцати был Дайкаром, и именно своему клану он повелел хранить... Впрочем, об этом лучше не думать.

Понтей улыбнулся.

— Кстати, я...

Библиотека затряслась, откуда-то накатился гул, словно небо расколол перун Заваса, бога грома, расколол и ударил по земле, пытаясь пробурить ее до самого Сердца Мира. Несколько стеллажей рухнуло. Шелест разлетающихся страниц слился с криком библиотекаря, упавшего на пол и с ужасом смотревшего на падающий на него стеллаж. Однако Понтей успел оттащить старика прежде, чем громоздкая конструкция, вытесанная из цельного куска дерева, грохнулась на пол.

— Что это? — Сердце библиотекаря застучало часто-часто, а кровь помчалась быстрее, чем обычно.

Понтей остро почувствовал не только эти изменения, но также и кислотатый запах страха. Старик очень испугался, что уйдет из жизни, не успев совершить нужные обряды, и жестокосердный Анубияманурис не просто оборвет его существование, но и заставит его душу пройти первый круг Нижних Реальностей, прежде чем отправит в Посмертие.

Люди — жалкие существа. Живущие в Ночи даже могут их жалеть.

Но...

— Даже не представляю, — прошипел Понтей, отталкивая старика от себя. Слишком сильный запах крови. От него мутнеет ум. Нужно много сил, чтобы сдержать трансформу.

...Но не жалеют.

Пусть люди сами себя жалеют. У Живущих в Ночи и своих проблем полно.

Понтей поспешил к выходу. Он не обращал внимания на то, что книги, с трудом найденные им в безднах библиотеки Дайкар, растворяются в массе разлетающихся фолиантов. Ему было все равно, что толчки и дрожь земли не только не уменьшаются, но еще и увеличиваются. Ему было плевать, что библиотекарь схватился за сердце и начал тяжело дышать.

Сейчас Понтея Нах-Хаш Сива, признанного специалиста в магическом искусстве, интересовало лишь одно.

Почему...

Он начал подниматься по лестнице, которая ходила ходуном, хоть и была сделана гномами, живущими в Лангарэе.

Почему он...

Библиотека находилась под землей, как и большинство строений клана Дайкар. Они до сих пор строили дома, как их предки, хоть Купол и ограждал от Воздействия. Только небольшая пристройка с выходом находилась снаружи. Кто-то называл это приверженностью традициям. Сива считали это глупостью. Живущие в Ночи должны эволюционировать. И когда-нибудь им не будет страшен Враг Ночи.

Понтей подошел к выходу и взялся за дверную ручку, мелко дрожавшую, словно за дверью были шутники-гремлины, решившие подергать ее.

Почему он не чувствует никаких пульсаций Силы Живущих в Ночи, не ощущает никаких проявлений Силы Крови, постоянное присутствие которой в Лангарэе всегда остро переживают маги-упыри?

Это... Это было невозможно. Было. Вот именно. Лучше, наверное, сказать, что это считалось невозможным.

Понтей повернул ручку и надавил на дверь, но она не открывалась, будто с другой стороны ее держали, но отнюдь не гремлины, а по меньшей мере огры. Упырь оскалил клыки, которые начали расти помимо его воли, правая рука дернулась, увеличиваясь в размерах и покрываясь мелкой сеточкой тонких порезов. Понтей размахнулся и ударил.

В общем, наверное, перестарался...

Примерно так же, как хоббит, решивший поохотиться на ворон и прикупивший по этому случаю Свиток Огненной Бездны у мага. И в итоге ни ворон, ни леса. Или, в случае с Понтеем, ни двери, ни куски стены, в которую дверь была встроена.

...Частичная трансформа. Сила Крови клана Сива. Сила Крови, которая позволяла не просто концентрировать все способности своего упыринового облика в отдельной части тела, но и давала возможность обращаться с тонкими потоками чар, которые были доступны бытию Живущих в Ночи...

В образовавшуюся дыру тут же влетел ветер, остервенело набросившийся на скрючившегося от боли Понтея — отдача от Силы Крови, чтоб ее! — и отправивший на штурм библиотеки свои фаланги. С трудом удержавшись на ногах — таков был напор ветра, — упырь, рукой прикрыв лицо от несущейся с ветром земли, шагнул наружу.

— Хозяин Нах-Хаш!

Два охранника — человек и упырь — бросились ему навстречу. Даже Живущий в Ночи двигался неуклюже, противостоя взбесившемуся аэру. Что уж говорить о человеке, который чуть не упал, но успел схватиться за фонарный столб, которые поставили для живых, видевших в ночи не так зорко, как не-живые. Впрочем, фонари уже не светили, тоже не устояв перед буйством Стихии.

— Хозяин, осторожнее!

Упырь показывал рукой на небо, при этом его лицо было перекошено так, что можно было подумать, что он, дитя Ночи, не-живой, силой превосходящий пятерых простых смертных, испугался. Не просто испугался. Готов был впасть в истерику, будто нашкодивший мальчишка, которого для разговора позвал отец, а отец — тот еще зверь.

Понтей посмотрел на небо. Нет, он не испугался. Он просто был ошеломлен.

Пурпурное небо сейчас была черно, как та Изначальная Тьма, которой поклоняются кочевники-орки. Будто Ночь лично решила сойти к своим детям и посмотреть, как у них дела, и по этому случаю поменяла свой звездный плащ на парадное черное платье. Но Сил Ночи не чувствовалось в этой скрывшей небо накидке. Проклятье! Понтей вообще не ощущал никакой магии в происходящем.

А затем его взгляд уперся в черные воронки, вертящиеся в небе. Сначала неторопливо, потом все ускоряясь и ускоряясь, эти провалы в черной бесконечности начинали втягиваться внутрь. Снова затряслась земля, и теперь даже Понтей упал, не удержавшись на ногах. Охранник-человек закричал, его вдруг окружил свистящий вихрь, потащивший в сторону поселения Дайкар, на краю которого стояла библиотека. Охранник-упырь успел схватить его за ногу, но внезапно из-под земли вырвался травяной стебель с ярко-красными цветками, прямо под ногой человека, и начисто разрезал ее. Так, что даже не брызнула кровь, а человек не успел закричать, только в ужасе устоялся на обрубок конечности. А затем земля вздыбилась, словно огромный крот полез посмотреть, что это творится там, наверху, и охранник, который оказался прямо в центре вспучившейся земли, наконец заорал. Его крик перебивал хруст, идущий из-под земли, словно там кто-то грыз Кости Мира.

И наконец брызнула кровь.

А земляной хребет внезапно ударил в небо фонтаном песка, грязи и камней, точно в черную воронку, которая вертелась над ним вместе с прекратившим вопить человеком. Густое облако пыли было подхвачено сумасшедшим ветром, но не разнеслось во все стороны, а закружилось вокруг странной колонны, тянувшейся от земли до неба. Этот вихрь, наоборот, крутился, выворачивая фонарные столбы и деревья и вгрызаясь в остатки библиотечной постройки, что одиноко возвышались над нижними помещениями. За собой движущаяся колонна оставляла глубокую борозду, которая уходила в глубь подземных недр метров на десять, точно стремилась докопаться до хтонических богов, но бросила это дело на полпути.

И, насколько мог видеть Понтей, такие колонны одна за другой вырастали в поселении, круша все, что попадалось. Ему даже показалось, что он слышит крики... но, наверное, ему это показалось: поселение за километр от библиотеки, а усиление слуха не входило в Силу Крови Сива.

— Хозяин!

Оставшийся охранник трансформировался. Грудная клетка и таз расширились, покрывшись глубокими кровотокающими разрезами, руки удлинились до колен, лоб вытянулся вверх, заостряясь, челюсть

выдвинулась вперед, ряд острых зубов достиг раздувшегося носа. Упырь схватил Понтея, прижал его к груди и побежал. Возросшая сила Живущего в Ночи позволяла выдерживать напоры ветра. Не-живой бежал в противоположную от разрушавших поселение Дайкар и библиотеку колонн, и Понтей вдруг понял, что единственная зона, которая не была затронута странным разрушительным явлением, — Храм Ночи.

А когда понял...

— Быстрее! — заорал он. — Быстрее к Храму, и молись всем Одиннадцати, чтобы мы успели!

— Это великолепно.

Сидя на земле и перебирая рукой траву, легко колышущуюся под ласками нежного ветерка, Тавил смотрел в небо. Черный небосвод, словно облепленный гигантским вороньем, восхищал Тавила своей простотой и в то же время невероятной мощью. Энтелехия Ахеса была великолепной. Если вспомнить, то из их четверки именно Ахес дольше всего продержался против Эваны тогда...

Хотя об Эване Тавил вспоминать не любил. И обо всем, что с ней связано.

— Твои Похороны грандиозны. — Тавил вырвал стебелек из окружения его собратьев и задумчиво разжевал его. — Поселение полностью разрушено, смертные уничтожены, а вот упыри еще сопротивляются. Впрочем, Дайкар ничего не могут противопоставить нашей силе.

Он снова провел рукой по траве, и снова тихий шепот заполнил все его нутро. Этот шепот не только рассказывал, он и показывал, как...

...Как обезумевший человек хватается своего ребенка и бежит в дом, но в последний момент их затягивает прямо в ненасытную пасть всепоглощающего смерча из воздуха и земли, той земли, по которой он спокойно ходил еще сегодня, а сейчас летит прямо в эпицентр ужаса, захлебываясь пониманием, что ничего не может сделать, — и нет спасения ни ему, ни ребенку...

...Как трансформировавшийся Дайкар с ревом бросается на черную колонну, пытаясь Внутренним Взором отыскать в ней слабые места и разрушить, нанося удары, — и слишком поздно понимает, что не видит он эти слабые места, и верхнюю часть туловища упыря сносит засасываемым в черный вихрь фонарным столбом, щедро оросив двух гоблинов упыриной кровью. Впрочем, гоблинам тоже осталось жить недолго...

...Как упыри бегут в свои подземные дома, думая, что там они спасутся. Но там, где черная колонна не может достать до нужной глубины, там получивших надежду ждет новое отчаяние: навстречу им, разнося деревянные полы и стены, устремляются лозы с красными цветками, и подземные дома становятся скользкими от разлившейся повсюду крови. Где-то пытаются сопротивляться и живые, и не-живые, но лозы быстрее и замаха меча живого, и удара упыря Дайкар в трансформе, который, умирая, пытается понять, почему отказывает Сила Крови. И не понимает...

...Как двое бегут по полю, и вокруг ничего и никого, а пытающаяся преследовать их лоза вдруг начинает сохнуть от жары, но не потому, что ее обнаружили и обрубили, а потому, что кто-то щедро плеснул защитной магией Огня, от всей души, не заботясь, попадут чары на кого-то или нет, словно гномий повар, трясущий солонкой и заявляющий, что соли много не бывает...

Тавил отдернул руку, скривился. Что это было? Он вскочил. Рядом неподвижно стояла массивная фигура Ахеса. Сейчас, когда он управлял таким фронтом своей энтелехии, его невозможно оторвать от работы. С теми двумя упырями, один из которых владеет магией, придется разобраться лично. Интересно, что среди Дайкар делает упырь другого клана? Мастер ничего не говорил о Живущих в Ночи, которые способны управлять магической Силой. Таких упоминала Эвана... брр... да, Эвана. И говорила она о них с известной долей уважения.

Как их там? Сима? Сина? А, ладно. Какая разница? Какая разница, кого убивать — Сима или Сина.

— Возникла неприятная ситуация. — Тавил обращался к Ахесу. — Я отлучусь ненадолго, а ты, как закончишь, присоединяйся ко мне.

Сказал — и исчез.

Осталась только колышущаяся трава и неподвижная фигура Ахеса.

— Что там происходит? — храмоохранитель Вашат, Живущий в Ночи Среднего ранга, обеспокоенно глядявался в даль. Его Внутренний Взор не позволял заглядывать далеко, так что он мог всего лишь заметить непонятное темное пятно в небе над поселением, и только.

— Спокойнее. — Второй храмоохранитель Уканкар с неодобрением посмотрел на товарища. Конечно, не совсем понятно, почему вдруг возникло это темное пятно и почему охватывает странное чувство, когда пытаешься использовать Силу Крови. Но ведь с ними командир Фатанкар, Высший, который сейчас внимательно глядит в сторону поселения. Именно ему решать, что делать и какие приказы отдавать. А им, как храмоохранителям, следует этим приказам следовать.

Храм Ночи Дайкар, один из самых известных в Лангарэе, был воздвигнут в первые годы правления Второго и отличался от остальных Храмов Царствия Ночи своей архитектурой. Обычно постройка в виде простилия с четырьмя поддерживающими портик колоннами или амфипростиля с колоннами у главного входа и противоположной стороны служила входом в находящиеся под землей храмовые комнаты с символическими скульптурами Ночи. Храм Ночи Дайкар представлял собой массивное трехъярусное здание. Первый ярус выглядел как диптер с огромным количеством колонн и антаблементами над колоннами, с украшенными статуями Ночи фронтонами; этот диптер, через который паломники могли перейти на второй ярус, внутри был украшен сложными росписями из Книги Ночи. Здесь не было ни одного изображения или статуи, только руны упырей, снизу вверх повествующие об их истории от возникновения мира до сегодняшних дней. Второй ярус встречал крупными формами, подчиняя посетителя монументально-

сти окружающего пространства. Размах и величие одинакового повсюду крупного однородного масштаба подчеркивали вертикальный ритм, уносящий вошедшего к потолку второго яруса с его двойными капителями. Здесь были изображены Одиннадцать, которые основали Лангарэй, и их гигантские изображения, тянувшиеся от пола к хорам, должны были внушать почитание и благоговение. А если храмовые жрецы позволяли пройти в крайний левый угол, где была спрятана небольшая низкая дверца, то посетитель обретал возможность попасть на третий ярус. Малая высота дверного проема заставляла его кланяться независимо от воли — так выказывалось почтение стоящим перед входом скульптурам Одиннадцати. Третий ярус был полон бесконечным количеством круглящихся форм малых арок, коробовых сводов нартекса и дугового орнамента пола из синей плитки, которые словно обручами охватывали стоящую в центре массивную скульптуру Ночи, изображенную в виде скрытой под развевающимся плащом фигуры с протянутыми вперед руками. Народ сюда пускали только по праздникам, в основном здесь бывали члены благородных Семей, и то лишь те, кто вел свой род от одного из Одиннадцати.

Иначе говоря, это было нечто колоссальное, нечто настолько архитектурно несовместимое и аляповатое, что поражало воображение и выглядело как возвышенное и даже слегка потустороннее. А так как оценщиков из сопредельных королевств в Лангарэй не приглашали, то данный Храм считался жемчужиной архитектурной мысли и техники Живущих в Ночи. Конечно, кто-то мог сказать архитектору, что его творение является воплощением декоративной безвкусицы и отсутствия чувства меры в пропорциях и симметрии, но архитектор по совместительству являлся чемпионом клана Вишмаган, главной военной силы Лангарэя, и пока что в Царствии Ночи никто не осмелился даже помыслить, что Храм не является шедевром упыриного искусства.

Многие живые удивлялись — как Дайкар, эти забияки и драчуны, умудрились возвести такое грандиозное великолепие? Но все было просто: во время строительства Храма территория под ним принадлежала клану Сива. Создав огромный высокий Храм Ночи над землей, Живущие в Ночи как бы дали обещание: придет время — и мы посетим его днем, под лучами солнца, этого извечного врага милосердной Ночи. А потом Дайкар неожиданно получили Храм в свое владение. Сива отдали его без всяких ответных даров, и этот щедрый подарок долго обсуждался среди кланов.

— Не могу поверить!!! — внезапно прорычал Фатанкар, выходя из Внутреннего Взора. — Этого не может быть!

Теперь забеспокоился и Уканкар. Вывести из себя командира могло только что-то экстраординарное. Например, неистово поклоняющиеся Солнцу жрецы Ночи. Или вернувшиеся к жизни Одиннадцать. Или личное пришествие Ночи. Или поменявшиеся местами небо и земля. Или...

В общем, малое количество событий могло вывести из себя Высшего Фатанкара. Видя обеспокоенность командира, заволновались и остальные десять храмоохранителей.

— Может, стоит сообщить жрецам? — спросил Кивод, помощник Фатанкара, второй Высший в отряде.

— Стоит, — сказал командир. — А заодно послать сообщение в ближайший город. Здесь нужны Бродящие.

— Бродящие? — выдохнули десять упырей одновременно.

— Да. Уканкар, Шимла, Визаар, вы отправляетесь к ближайшему посту Сива: они смогут послать весточку быстрее, чем кто-либо. Вашат, Гримоу, Клатак, вы — к жрецам. Главное — найдите Фиранта. Он знает, что делать. Остальные — принимайте трансформу.

— Все так серьезно? — спросил Кивод.

— Серьезней только бог смерти, — ответил Фатанкар, оставив в сторону ритуальное копьё и отправляясь к фронтонам на восточную сторону диоптера, где хранилось оружие для упырей в трансформе. Однако командир храмоохранителей успел сделать только несколько шагов. Едкий смешок, раздавшийся из темноты от группы скульптур, указывающих на разные ипостаси Ночи — Ночь Милосердную, Ночь Карающую и Ночь Размышляющую, — заставил Фатанкара замереть и дать сигнал своим упырям остановиться.

— Ты все правильно сказал, мертвый. Только никто из вас никуда отсюда не уйдет.

Фатанкар зарычал, трансформируясь. Остальные храмоохранители последовали его примеру. Если трансформу начал принимать сам Фатанкар... Думать нет времени, надо действовать!

— А вас ровно одиннадцать. Прямо как этих ваших Одиннадцать придурков-кровососов.

— Покажись! — взревел Фатанкар. Происходило что-то странное — его Внутренний Взор не мог обнаружить никого среди скульптур.

— Покажусь, — легко согласился таинственный собеседник. — Мне понравилось убивать таких, как вы. Конечно, я покажусь.

Вынырнувшая из темноты фигура на фоне команды изменившихся упырей выглядела нелепо. Невысокий, среднего телосложения, в широком зеленом плаще с капюшоном. Возвышающиеся над ним Живущие в Ночи смотрелись как огры перед хоббитами. Осознав это, Вашат засмеялся:

— Ничтожество! Как ты смеешь оскорблять наших предков и думать, что сможешь сражаться наравне с нами?

Живущие в Ночи одобрительно заревели — им понравились слова Вашата. Один лишь Фатанкар держался настороженно, внимательно следя за пришельцем.

— Думать, что я буду сражаться наравне с вами? — удивленно переспросил тот и рассмеялся.

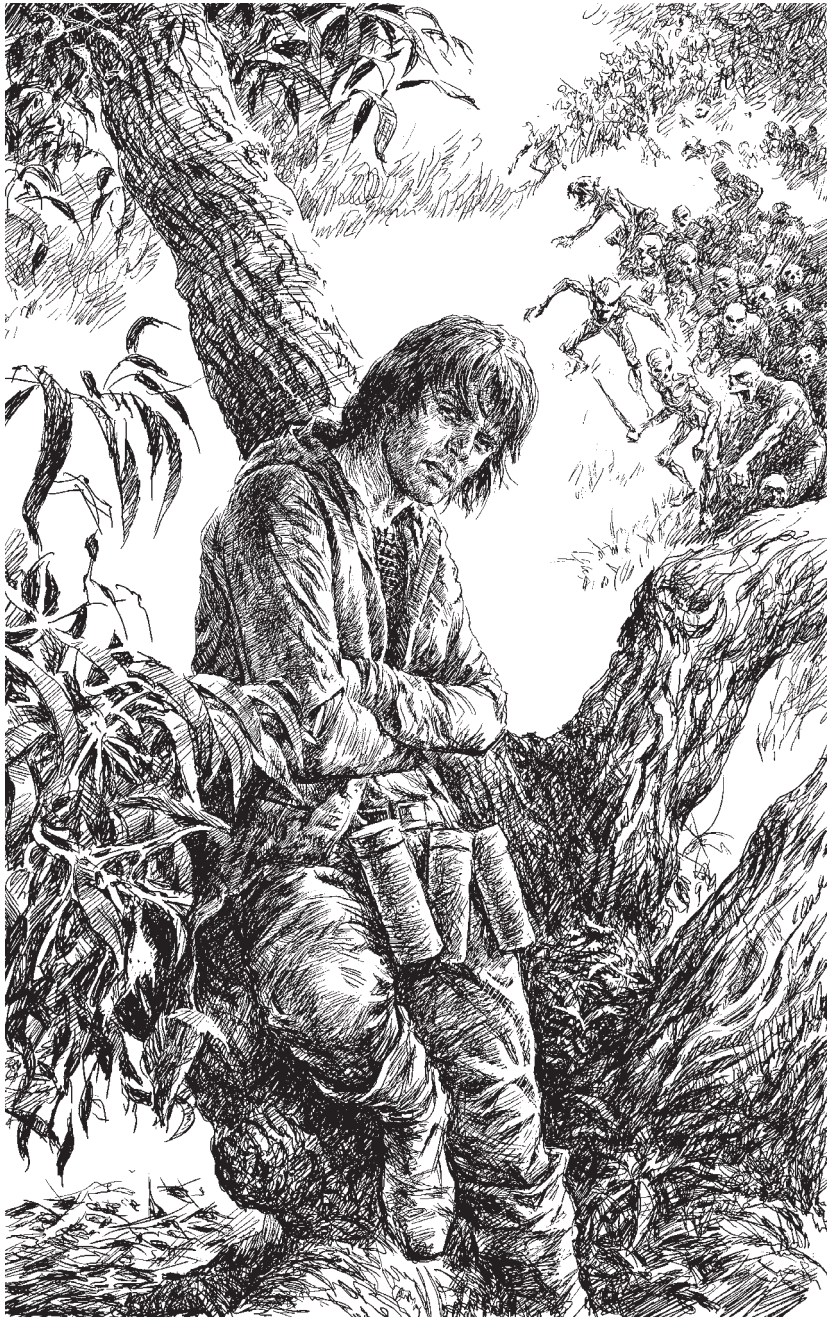
«Отвлекся!» — мелькнула мысль у Вашата, и упырь, не обратив внимания на предостерегающий окрик командира, бросился на врага... Хотя нет, какой же это враг? Это добыча.

Законная добыча.

Удар прямо в шею, коронный удар Дайкар: голова противника отлетает назад, оставляя за собой кровавую радугу, в которой сплетаются эфирные, аурные, астральные и физические уровни.

• Проклятая кровь.
Пробуждение •

ПРОЛОГ

Раваз Дэй да Фетис смотрел на небо. В небе за Куполом жмурилось Солнце, ненавистный упырям Проклятый Путник. Пелена, защищающая упырей от Глаза Дня и непрошенных гостей, то и дело вздрагивала и местами окрашивала небо в фиолетовый.

В голове роились мысли. Разные. Хотелось высказаться, но Раваз молчал. Первый Незримый пришел беседовать не с ним. Он говорит с Вазаоном.

На сад семьи Нах-Хаш, где трое Живущих в Ночи неторопливо прогуливались, перед прибытием Первого Незримого молчаливые аколиты Постигающих Ночь наложили защитные заклятия, не позволяющие подслушивать и подсматривать. Можно не сомневаться — никто не узнает содержание разговора Вазаона и Первого Незримого: магия Постигающих Ночь являлась сильнейшей в Царствии Ночи.

— Подведем итоги. — Лицо Первого Незримого скрывала простая маска, вроде тех, что надевали на выступлениях актеры Морского Союза. Подобные маски носили и остальные Незримые.

Вазаон подумал, что, если вдруг с ними что-то случится, никто об этом даже не узнает. И тут же прогнал эту мысль. Думать о таком в присутствии Первого Незримого не просто кощунственно. Опасно. Смертельно опасно.

— Итак, — продолжил Первый, — неизвестные проникли в Лангарэй и ограбили Храм Ночи клана Дайкар. Понтей собрал команду и вызвал боевого мага из Школы Магии. Они отправились в погоню. Вы реализовали Соглашение, и войска Элибинера, Талора и Майоранга перекрыли выход из Границы. Чуть позже кланы Атан и Вишмаган пустили по следу команды Главу Истребителей и Порченую Кровь. Я ничего существенного не упустил?

— Нет, — ответил Вазаон.

Раваз хмуро посмотрел в сторону. Ничего существенного. Конечно, ночная схватка с Атанами и Вишмаганам, когда погибли Виан-ом и Киул-зай-Сат, — это для Первого несущественно. Он мыслит глобальными масштабами.

— Тогда, Вазаон, Раваз, вам будет интересно узнать последние вести из Границы от духов-наблюдателей Постигающих Ночь. — Первый Незримый остановился. — Сведения пришли недавно, и я немедленно от-

правился к вам. Итак, незадолго до рассвета в Лес карлу вторглись. Сначала двое неизвестных, а за ними следом Понтей Нах-Хаш Сива, Вадлар Коби Фетис и боевой маг.

— А остальные? — не удержался Раваз.

— Духи-наблюдатели расположены только в ключевых точках Границы. Постигающие Ночь не знают, где остальные члены команды и что с ними случилось.

Это прозвучало почти как приговор.

— Теперь судьба Лангарэя зависит от твоего сына, Вазаон. — Первый Незримый, казалось, усмехнулся. — Как ты думаешь, он справится?

— Если бы только Лангарэя, — вздохнул Сива. — Не только Царствие Ночи, весь Равалон в опасности. И, отвечая на ваш вопрос, Первый: я не знаю. Теперь, когда они в Диренуриане, я не знаю, но хотелось бы надеяться.

Раваз снова посмотрел на небо.

Мир в опасности. Но небу, кажется, было все равно.

Глава первая ДИСПОЗИЦИИ

Что больше всего меня раздражает в моей работе? Наличие, отсутствие отпуска.

Анубияманурус, бог смерти Серединных Земель

Она не понимала, что с ней. Она не помнила, кто она. Она не узнавала того, кто был рядом, того, кого чувствовала рядом.

Что-то произошло. Что-то страшное. Чего она боялась... Нет, не боялась, а остерегалась, но не думала, что подобное случится. Подобное чему?

Неприятная сухость во рту. Глаза будто засыпаны песком. Руки... она попыталась поднять одну. Ничего не вышло. С ногами то же самое. Что с ней случилось?

— Иукена...

Иукена. Это ее имя. Так ее зовут. Так ее звали. Потому что она умерла. Уже в третий раз. Иукена. Имя из небытия. Уютного небытия, где она уже три раза была. Что это? Воспоминания? Как странно...

— Пойми, Иу, нас просто уничтожат, сотрут с лица Равалона, развеют память о нас или превратят в памяти всех поголовно в тупых Диких, которым нужна только человеческая кровь, — бормотал черноволосый упырь. Он положил голову ей на колени, и она взъерошила ему волосы, вполуха слушая слова, которыми он любил делиться с ней. — Если мы не изменимся, такие, как мы сейчас, мы не нужны этому миру. Маги утверждают, что есть другие миры, бесконечное множество миров, что в этих мирах все иное, не такое, как у нас. Я думал — а вдруг существует мир, где мы, упыри, не испытываем Жажды, где Проклятый Путник, испепеляющий Глаз Дня, не страшит нас, где люди для нас не еда, где

мы такие же смертные, как и все, и если нас ненавидят и боятся, то по тем же причинам, что и других. Просто мы должны стать носферату, все мы обязаны ими стать, а потом превзойти даже Бродящих под Солнцем. И не кровь людей вознесет нас так высоко, нет, нужно найти иной путь. Или нас не станет. И уничтожат нас не потому, что мы не-живые, что мы кровососы, что мы не такие. Восточные орки, к слову, не лучше, а хуже нас, потому что в своей степи они сразу норуют затащить других смертных в котел, а мы позволили им жить в нашем Царствии Ночи. Нас уничтожат потому, что у нас есть богатства, есть ресурсы, есть магические Источники, есть послушные крестьяне, ремесленники и торговцы, которые всегда нужны другим государствам. Если в Роланских королевствах или Западном Пределе возникнет перенаселение, начнется голод, переизбыток дворянства и магов, то против нас объявят какой-нибудь светоносный поход и бросят все силы, чтобы стереть нас с лица Равалона... Да, я уже это говорил. И будут убивать, будут резать даже детей, чтобы мы озверели и уничтожили как можно больше тех, кого послали против нас. Тогда о наших зверствах можно будет раструбить по всему миру, убеждая всех, что с такими чудовищами мирно договориться нельзя и что другого выхода не было. Скажут, что так должно быть, что пришло время очистить землю, переполненную грехами упырей. И поверь, боги пошлют своим верующим немало знамений с призывом убивать каждого Живущего в Ночи, университетские профессора напишут немало трактатов и докажут, что вся мировая история вела именно к этому событию, рыцарские ордена провозгласят необходимость истребить нечисть, живущую благодаря человеческой крови. Все так и будет, поверь. Я читал много книг, старинных свитков, древних манускриптов. Так уничтожили не один народ, не одну страну. Это называется «цивилизационный процесс» — и горе Лангарэю, начнись он у нас.

Почему-то казалось, неважно, что он говорит, а важно, что говорит именно он, черноволосый Живущий в Ночи, из-за которого она стала не-живой, из-за которого нашла смысл жизни, из-за которого узнала, что такое...

Как его имя?

Это важно...

Его имя важно...

Надо вспомнить...

Надо все вспомнить...

— Иукена.

Она вздрогнула и открыла глаза. Каазад-ум обеспокоенно смотрел на нее, поднеся надрезанную ладонь к ее губам. Капля крови пробежала по коже и капнула на язык. Она непроизвольно сглотнула.

Запахи.

Они навалились сразу со всех сторон. Десятки запахов, которые были — она готова поклясться — разные по форме и цвету. Запах был у всего. Это был не один запах, а сотни оттенков, придающие каждой вещи вокруг уникальность. Земля пахла теплом и липкими крошками, шустрыми и подвижными, но все равно липкими. Каазад-ум был

огромным стальным шаром, за которым прятались другие запахи, уловимые лишь тем, что они есть, и больше ничего. А Солнце... Солнце пахло потрескавшейся кожей и зудом в зубах. Зуд в зубах старался добраться до нее даже сейчас, сквозь тепло липких крошек. Они, по всей видимости, находились в вырытой Каазад-умом норе, будто Дикие, которые в давние времена спасались от Проклятого Путника, закапываясь в землю, если не находили подходящие пещеры.

Значит, вот так живут Нугаро? Таков для них мир? С ума сойти...

— Ты кричала. Я начал опасаться, что Воздействие нанесло тебе более сильное повреждение, чем я предполагал раньше. Поэтому посмел поделиться кровью. Прости меня.

— Не... за что...

Она не понимала, почему упыри так трясутся за чистоту своих Линий Крови. Почему, когда упырица из одного клана рожает от упыря из другого клана, то это приветствуется, а вот обмен кровью, укус — под запретом? Говорили, что перемешивание Сил Крови увеличивает шанс появления Порченной Крови. Но никто не знал этого наверняка. Понтей утверждал, что это не доказано, что так повелели Одиннадцать Величайших, перед тем как уйти в Сон. И никто не смел спросить — почему.

Понтей.

— Каазад?

— Да?

— Что произошло? Где я?

Запахов было столько, что она терялась в них. Конечно, ведь она не Нугаро, с детства приученная к различению нюансов. Нет, она не Нугаро. Она Татгем. Она Гений Крови Татгем. И она победила в своей последней схватке. А если рядом Каазад-ум Шанэ Нугаро — значит, он тоже победил. И отомстил за Огула.

Зря Понтей боялся.

— Я подобрал тебя, когда ты потеряла сознание и Глаз Дня мог нанести тебе большой вред. Мне тоже было плохо, но я ведь Высший, а ты Средняя. Я побоялся отнести тебя в Лес карлу, мог не успеть, поэтому вырыл нору прямо в степи. Мы и сейчас в ней. Я одел тебя и... и поделился с тобой кровью. Тебе вроде стало лучше. А потом ты снова начала кричать.

Иукена поморщилась. Пусть даже в бессознательном состоянии, но она старалась не проявлять слабость на виду у смертных.

— Остальных я не видел, — предупреждая следующий вопрос, сказал Каазад-ум. — Их запахи уходили в сторону Диренуриана и обратно не возвращались. Видимо, они до сих пор там.

— Что же они... возьятся? — Боль прострелила бок, и Татгем поморщилась. Нет, попытку встать пока лучше оставить.

По стальному шару внезапно пробежала дрожь, и легкий запах пойманной рыбы всколыхнул тепло. Она взглянула на Нугаро. Каазад-ум с тревогой смотрел вверх, подвинув к себе перевязь с Клинками Ночи. Они, кстати, пахли как вишни.

— Кто-то идет, — сказал Каазад-ум. — Это Живущие в Ночи. Их

двое. Но это не Понтей и не Вадлар. Хотя один из них Высочайший. А второй...

Нугаро неожиданно задохнулся и схватился руками за нос.

— О Великая Ночь, какая вонь! — изумленно прошептал он. — Что это за запах?

Иукена забеспокоилась:

— Они найдут нас?

— Не знаю. Лучше бы не нашли...

А потом Каазад-ум замолчал, наверное истратив запас слов на сегодня. Он достал оба Клинка и держал их наготове, напряженно прислушиваясь и принюхиваясь. Татгем понимала, что неожиданное появление двух упырей не сулит ничего хорошего. Они спокойно подвергают себя Воздействию — значит, это поднабравшиеся опыта носферату, а им непросто покинуть Лангарэй. О Вадларе мало кто знал, что он Высочайший, поэтому он частенько без разрешения выбирался за пределы Царствия Ночи. Но два Бродящих под Солнцем в одном месте, да еще при том, что рядом группа, отправленная за Ожерельем Керашата...

Дождь! Вот в чем дело!

Дождь перестал не потому, что они почти настигли похитителей, а потому, что их хотели предупредить! Им давали знать, что дела пошли не так, как было задумано, их просили быть осторожнее!

Значит, упыри посланы за ними из Лангарэя. И то, что их всего двое, говорит о том, что они опасны. Чрезвычайно опасны. Двоих не стали бы посылать, если бы те, кто их послал, сомневались, что они вдвоем справятся.

— Каазад, это враги.

— Знаю, — ответил Нугаро. — Это Вишмаган и Атан.

Иукена вздрогнула, зашипев от боли. Проклятье! Вишмаган и Атан, их главные оппоненты в Царствии Ночи! Что же стряслось? Неужели план пяти кланов раскрыт? Но тогда их миссия теряет смысл! Успокоиться. Если бы план рассекретили, тут было бы не два носферату, а двадцать, и все из Братства Крови. А они, даже с Клинками Ночи, не справятся со сплоченной боевой командой. Тем более что Иукена даже подняться не может, не то что участвовать в схватке.

Вот проклятье! А она-то решила, что стало лучше, что она скажет Понтею, как она поняла...

— Они близко. — Каазад смотрел на вход в их убежище. Не заметить его посреди степи невозможно, а все Живущие в Ночи отлично знают, что это за норы.

Вишмаган. Костяная Маска — их Сила Крови — это способность покрывать свое тело костяной сеткой, которая становится продолжением скелета и может наращивать на себе острые костяные шипы. Это не все: внутри костяного покрова бежит яд, убивающий мгновенно. Стоит кости царапнуть противника, и шипы тут же впрыснут яд под кожу. Опасные враги, особенно в ближнем бою.

Атан. Непобедимый Змей — их Сила Крови — умение перевоплощаться в четырехное и четырехрукое существо невероятной физиче-

ской силы. Слюна Атан подобна кислоте. Сражаться с ними в ближнем бою тяжело.

Будь Иукена в порядке, и Вишмаган и Атан не представляли бы для нее серьезной опасности. Она просто расстреляла бы их, не дав приблизиться. Ночью, конечно, не днем, не под этим ужасным Воздействием.

Что же делать? Каазад — мастер ближнего боя, контактник. С Высочайшими Вишмаганом и Атаном ему не справиться. Впрочем, у него есть Клинки Ночи, что сильно увеличивает шансы на победу. Действительно, сабли могут прибавить ему сил, и тогда он способен противостоять сразу двум носферату. Даже под Воздействием. Понтей создал великопепное оружие. Оно помогает Нугаро моментально одолеть врагов.

— Они совсем рядом. — Каазад-ум стиснул рукояти.

Теперь и Иукена обоняла запахи тех двоих, что были наверху. От одного пахло сочными апельсинами, зачем-то посыпанными корицей, другой... Неужели существует такой отвратительный запах? А ведь она получила Силы Крови Нугаро совсем чуть-чуть. Как же, должно быть, раздражает это зловоние Каазада! От другого пахло телом, внутри которого устроили свалку отходов вперемешку с запахами мертвых деревьев и застоявшейся воды. Это было ужасно.

Каазад вдруг прижал Иукену к стене. И тут же мощный удар сверху, точно посередине, пробил «потолок», и в отверстие хлынул солнечный свет. Иукену затрясло, ее начало подташнивать. Да, ее не доставали прямые лучи Глаза Дня, но даже такая малость стала мучительной для упырицы.

— Кто бы там ни был, выходи, — раздался насмешливый голос сверху. — А если боитесь Проклятого Путника, мы дадим вам защитные плащи.

Тот, кто говорил, врал. От голоса веяло сладким, как сахар, обманом. Их убьют — в этом не было сомнений. К запаху апельсинов с корицей примешался запах холода и черноты. Почему-то Иукена знала, что так для Нугаро пахнет жажда убивать.

Каазад начал меняться. Трансформа обратила его в крупное, покрытое густой шерстью существо, похожее на волка. Он взглянул на Татгем и прорычал:

— Я буду драться. Оставайся здесь.

— Каазад... — Приступ боли скрутил Иукену, и она замолчала, бессильно наблюдая, как Нугаро, крутанув саблями, на эфесах которых ярко запылали многогранники, ловко выпрыгнул в дыру, проделанную врагами.

Она ничем не могла ему помочь. Но с ним была Сила Крови Нугаро и Клинки Ночи Понтея.

С этим можно было рассчитывать на победу.

«Только не оставляй меня одну, — думала Иукена. — Только не смей оставлять меня одну».

Каазад выпрыгнул прямо возле Вишмагана, тут же атаковав. Воздействие немного ослабило его контроль над Концентраторами Ночи, и сабли выплеснули магическую энергию, которой оказалось достаточ-

но только для того, чтобы отшвырнуть мгновенно принявшего трансформу Вишмагана на десять метров от норы. Каазаду еще не встречались упыри, способные в считанные секунды обратиться к Силе Крови. Он всего лишь успел заметить, как у Вишмагана раздулась голова и его челюсть словно бы покинула рот, превратившись в клыкастую костяную маску размером с лицо. От нее по направлению вниз начался рост костяного каркаса, защищающего тело. На руках эта конструкция покрывалась длинными острыми костями. Вот этими костями и защитил себя Вишмаган, отразив удар полыхающих магическим светом сабель.

Второй упырь, Атан, стоял возле входа в нору и не проявлял ни малейшего желания помочь своему напарнику. Они так самоуверенны? Ладно, это к лучшему. Не придется рассредоточивать внимание на двоих противников. Тогда сразу Двойной Волчий Скок, о котором Вишмаган не знает. Бить в спину, потому что сейчас не время для демонстрации воинской чести, сейчас время — убить и выжить.

Каазад сотворил искусственное тело и бросил его впереди себя, на костяные «клинки» Вишмагана, более известные как Костяные Пики. Сначала оба тела, почти слившиеся в движении, мчались рядом, но потом они разделятся и нанесут смертельный удар. В клане Нугаро уже давно рассчитали, как можно бороться с бойцами Вишмаган. Пока те пронзали своими Пиками искусственное тело Нугаро, впрыскивая в него яд, настоящее должно было ударить сзади, в спину, которую Вишмаган не защищал, уверенный, что покончил с противником. Несколько схваток, о которых власти и Вишмаганы так никогда и не узнали, доказали правильность подобной техники. Так сражаться и побеждать воинов лучшего военного клана Лангарэя умели только Нугаро.

Искусственный Каазад нападал на Вишмагана сбоку, отвлекая его и заставляя занять позицию, выгодную для настоящего Каазада. Вот Вишмаган уже занес руку для удара, готовясь встретить атакующего, вот он приготовил другую руку для защиты...

Сейчас!

Каазад-ум в Волчьем Скоке переместился за спину врага, целясь в просвет между переплетениями костей. Вокруг сабли сверкнул треугольник, закружившийся в декариновом круге с такой скоростью, что стал неразличим. Вращение магических энергий должно было усилить эффект колющего удара и пронзить даже защиту вокруг сердца.

Внезапно что-то изменилось. Исчез один из запахов. Понять, какой именно, мешало Воздействие. Оно вообще мешало. Каазад пропустил удар в живот, и его отбросило назад. Прокатившись по земле, он одним махом вскочил, готовясь к веерной защите. А Вишмаган уже мчался на него, занеся обе руки для удара. Как враг сумел контратаковать? Нет времени обдумывать это сейчас, надо уходить. Нугаро потянулся к искусственному телу, готовясь перебросить себя в него. И понял, что тела нет. Оно оказалось разрушено. Не распалось на части, нет: даже части были уничтожены. Как это произошло? Ведь он же видел: Вишмаган не бил по телу и Атан все так же оставался на месте. Кто же уничтожил его искусственное тело? Магия? Но запаха волшебства не было.

Каазад начал отступать. С Вишмаганом нельзя вступать в ближний

бой. Он опытный боец, и Каазад даже с Клинками Ночи для него не соперник. Нельзя позволить ему оказаться рядом.

Но с ним не получится, как с Олексом. Он не будет ждать, пока Каазад разругит свою шерсть и направит ее в него. Какая ирония! Сразись Вишмаган с Олексом, то наверняка проиграл бы, ведь яд, главное оружие Вишмаганов, оказался бы бесполезным. А Каазад, победивший Олекса, должен опасаться именно этого.

Но как же было уничтожено искусственное тело? Неужели Вишмаган так быстр в атаке, что Каазад даже не заметил удара?

Они пробежали метров тридцать, когда Нугаро создал новое искусственное тело. Теперь он собирался воспользоваться другой тактикой боя. Если в первый раз не сработала техника, созданная специально для сражений с Вишмаганами, то во второй раз она точно не сработает.

Он начал обходить Вишмагана по кругу с двух сторон сразу. Теперь надо напасть в один и тот же миг, вложив в удар сабель всю мощь, как в конце схватки с Олексом. Вишмаган вынужден будет защищаться от атаки с разных сторон, он не сможет тут же контратаковать, а потом не сможет контратаковать вообще. Вихрь энергий обратит его в ничто. И тогда останется разобраться с Атаном.

Вишмаган видел, что на него нападают два Нугаро. Однако вместо того чтобы принять защитную стойку, он раскинул руки в стороны, точно преступник, распятый на роланском кресте. И прежде чем Каазад успел подумать, зачем он это делает...

Боль в области солнечного сплетения. И сразу онемение. Нугаро с недоумением посмотрел вниз. Чуть выше пупка косо торчала белая кость. Можно было и не тянуться к искусственному телу, он видел, что оно распадается, получив такую же кость в живот.

Ноги подкосились, и Каазад-ум упал на колени. Он полностью перестал чувствовать нижнюю часть тела. Стало трудно дышать. Яд начал действовать. Когда остановится сердце, Сила Крови уйдет и не будет защищать его тело. И тогда оно просто сгорит. Проклятое Воздействие! Он не успел заметить, как враг послал в него свои кости.

Вишмаган оказался рядом. За костяной маской на лице светились темные глаза.

— Три кости, Нугаро. Я потратил на тебя три Пики. Можешь гордиться. Ты первый Живущий в Ночи, на истребление которого мне понадобилось три мои кости.

Истребление... Истребитель. Вишмаган-Истребитель. Сомнений быть не может — Гиюр Ваар-Дигуаш Вишмаган. Главный Истребитель Блуждающей Крови. Так вот на что он способен. А ведь вроде ни один Вишмаган, как было известно Нугаро и другим кланам, не обладал способностью отделять кости от своего костяного покрова. А этот умеет. Как?

Живот онемел полностью, и теперь онемение поднималось к груди.

В руке Гиюра появился стилет. Лунное серебро...

— Ты умрешь скоро, Нугаро, но я лично хочу тебя прикончить. Будешь в Посмертии рассказывать, что тебя убил сам Гиюр. Пусть завидуют.

Каазад задыхался, воздуха не хватало. Вишмаган приставил стилет к его горлу и...

— Они очень ценны? — Каазад-ум рассматривал сабли, особенно уделяя внимание многогранникам. — Их сила является тайной?

— Да, — кивнул Понтей.

— Тогда они никогда не должны попасть в руки нашим врагам, ведь так?

— К чему ты клонишь?

— Я считаю, что они должны исчезнуть, если я проиграю.

— Ты отличный боец...

— Но есть и лучше. Ты же слышал о Меченосцах?

— Даже видел. Но с Клинками Ночи ты можешь потягаться и с ними.

— Но не с боевым магом, ведь так?

— Да. Не буду тебе врать. Боевого мага ты не одолеешь.

— Тогда ты должен понимать, Понтей, почему я настаиваю на этом. Я Нугаро. Мы не терпим поражений. И отказа от тебя я не приму. Если ты хочешь, чтобы я принял эти Клинки, то сделай, как я прошу.

— И чего же именно ты хочешь?

— Если надо мной одержат победу, то это победа должна стать последней для моего врага. Так что...

Да. Так что...

Каазад из последних сил сжал кулаки. Многогранники запыхали всеми цветами радуги и магии. Гиюр немедля воткнул стилет в горло Нугаро, из раны тут же полыхнуло холодное пламя. Горло начало распадаться, не в силах противостоять Стихии, враждебной сущности упырей. А вокруг умирающего Нугаро и Вишмагана завертелась красная пентаграмма, из углов которой вверх начали подниматься Знаки Огня. Tiurgus — Сполох, Hager — Вспышка, Naio — Искра, Panido — Пыл, Ojen — Жар. Шестой Знак, Verken — Пламя, возник над головой Гиюра. Вишмаган сузил глаза, пытаясь одолеть невидимые путы, что оплели его после возникновения пентаграммы. Он посмотрел на Каазада, голову которого уже сжирало пламя, и встретился с его торжествующим взглядом. Пасть Нугаро не могла изобразить улыбку, но его глаза...

— Чтoб тебя... — пробормотал Гиюр.

Гигантский огненный шар распух в пентаграмме, синим пламенем сжигая все, к чему прикоснулся.

Иукена изo всех сил старалась подняться и взять лук. Она должна помочь. Каазад-ум — хороший воин, но два носферату... Упырица даже смогла дотянуться до лука. А после этого в нору спустился Атан. Она замерла, глядя на него. Запах тления и гноя заполонил пространство. О Ночь, неужели все Атаны так пахнут?

Он склонил голову набок. Молод, очень молод. Иукене исполнилось тридцать, что для упыря почти и не возраст, но она была Пережденной, и возраст души пока соответствовал ее физическому об-

лику. А этот упырь, которому, кажется, около сорока, по упыриным меркам совсем юнец. Почти мальчишка. Понтей был лет на тридцать пять старше, когда они встретились.

Атан неторопливо приблизился. Он кутался в огромный плащ, под которым была хламида с широкими рукавами. Как ему только не жарко? Что за дурацкая мысль...

Иукена стиснула зубы. Двигайся, раздери тебя тысяча убогов, тупая упырица!

Атан протянул руку. И забрал у нее лук. Она попыталась удержать его, но не смогла. Упырь же отошел на середину и положил лук прямо в столп солнечного света. Посмотрел на нее и погрозил пальцем.

— Оставайся здесь, — неожиданно печальным голосом сказал он. — Не смей выходить, если хочешь жить.

И вышел из норы. Просто оставил Иукену лежать возле стены и смотреть ему вслед. Мысли перемешались. Она не могла понять, почему он оставил ее в живых. Он должен был убить ее. Если они посланы на перехват их отряда, то они никого не должны оставить в живых. Им нужно только Ожерелье Керашата. А он оставил ее в живых...

Запах Каазада резко исчез. А вместо него появился запах огня, резкий, неприятный, напоминающий запах жженных листьев. В груди сдавило — чужие кровавые тельца начали беспорядочно двигаться.

Не может быть... Каазад-ум... Ошибки быть не могло.

Иукена заплакала. Не способна помочь, обуза... Он спас ей жизнь! Почему же он должен потерять свою?! Это несправедливо, Ночь! Это несправедливо! Она плакала, как когда-то, давным-давно, когда останки ее отца убирали с улицы, а она лежала дома на кровати и рыдала — безудержно и горько.

Гиюр моргал, снова привыкая к свету Проклятого Путника. Безумствующее синее пламя, что стремилось обратить его в пепел, исчезло. Заклинание развеялось.

— Вы могли погибнуть.

Гиюр вздрогнул. За его спиной стоял Кедар, неторопливо поправляя рукава. Вишмаган покосился за плечо. Понятно, Порченная Кровь помог ему.

— Этот огонь совсем не понравился моей Коже. — Кедар склонил голову и обиженно добавил: — А еще мне пришлось бежать, а я не люблю бегать. Больше не попадайте в магические ловушки.

— Больше не буду, — пробормотал Гиюр. Он внутренне содрогнулся — от тела Нугаро не осталось даже пепла. Убоги побери, если бы не Порченная Кровь с его Кожей, то карьера Главного Истребителя Блуждающей Крови могла бы резко оборваться.

— Что второй упырь? Мертв?

Гиюр собрался. Нужно идти дальше. Кедар четко взял след, сейчас он вел к Лесу карлу. С этими могут быть проблемы. Конечно, Кедар справится с Лесной магией, но прикрывать при этом Гиюра он не будет успевать.

— Нет.

— Что? — Вишмаган непонимающе посмотрел на Атана. — Что значит «нет»?

— Я не стал убивать ее, — пожал плечами Кедар. — Она не опасна.

— Ты с ума сошел?! — Гиор разозлился. — Немедленно убей ее! Мы должны уничтожить каждого на нашем пути!

— Ну вот... — обиженно протянул Кедар, и Вишмагану вдруг стало не по себе. — И вы меня полоумным считаете. Может, я зря вас спас?

Гиор отвернулся. Он еще не покинул трансформу, а Кедар не призывал свою Порченую Силу Крови. Нет, так думать не стоит, убогов Атаныш после обучения стал еще опаснее. У Гиора мало шансов против него.

— Тогда я сам убью ее. — Вишмаган шагнул к норе и не заметил, как Кедар опередил его. Склонил голову на правое плечо и смотрит будто в сторону, но Гиор знал: за каждым его движением внимательно наблюдают.

— Нельзя убивать, — спокойно сказал Кедар и поднял правую руку.

Гиор сдержал непреодолимое желание ударить Костяными Пиками, чтобы защититься. И правильно сделал, что сдержал. Кедар просто указал в сторону Диренуриана.

— Там сейчас происходит что-то очень интересное. Нам не стоит задерживаться. А она умрет — в свое время. Так что давайте продолжим путь. И не будем ссориться, хорошо?

«С тобой поссориться, как же». — Гиор сглотнул. Безопасней плюнуть в лицо Правящему Вишмаган, чем расстроить Кедара. Раньше, говорят, он вообще был бешеный, оставлял трупы за собой только потому, что зевота напала и ему это не нравилось. Да уж, Жарах действительно сумел найти хорошего учителя для этого ублюдка. До сих пор он полностью слушался Гиора и возроптал только сейчас, когда понадобилось убить упырицу.

Ладно, это не принципиально. Когда они заберут то, за чем отправился отряд изменников, и вернуться в Лангарэй, судьба этой девки будет решена. В Царстве Ночи ей уже не вернуться, ее объявят Блуждающей, и он лично отправит за ней Истребителей. Так что сейчас ее можно оставить в покое и не напрягать Кедара.

— Хорошо, продолжим путь, — кивнул Гиор. — Да, а что ты имел в виду, говоря, что в Диренуриане происходит что-то интересное?

— Там Живущие в Ночи, — сказал Кедар, повернувшись лицом в сторону Леса карлу. — Много Живущих в Ночи. Я бы даже сказал — слишком много. Больше, чем вы мне говорили.

— Что? — удивился Вишмаган. — Что значит — «много»?

— Тысячи четыре-пять, — пожал плечами Кедар. — Точно сказать не могу. Большинство Дикие, но есть и Низшие, и Средние, и Высокие, и Высочайшие.

— Спали меня Проклятый Путник, что за убоговщина?! — Гиор не на шутку встревожился. — Откуда посреди дня столько Живущих в Ночи, да еще к тому же и Диких?

— Я не знаю. — Кедар радостно посмотрел на Вишмагана. — Но их же тоже можно убивать, правда? Не только карлу, но и их?

— Не знаю, — озадаченно произнес Гиор. — Я совершенно ничего не понимаю. Разберемся на месте. Идем!

После утреннего проникновения пограничные посты Диренуриана усилили, даже разбудили спящих дендотов. Происходило нечто значительное, это было понятно всем. Ходили слухи, что нарушителей до сих пор не схватили и где-то в центре сосредотачивают войска. Поговаривали даже о введении военного положения, а это было уже куда как серьезно.

Лиссаэр проверил, легко ли вынимается меч из ножен, зачем-то несколько раз тронул тетиву, видимо, чтобы не думать о всяких глупостях. В центре, возле Первых Врат-кустов, жила его семья, и не за безопасным менилиором, а за его пределами, как и многие другие. Это правильно, Сеятели и Верховные Сеятели должны быть защищены лучше, они основа и надежда Диренуриана. Но каждый раз, думая о недавно родившей жене и маленьком сыне, Лиссаэр хотел, чтобы они оказались там, за Первым менилиором, даже если придется нарушить Уложения Кроны. И как бы это ни было кощунственно, когда кто-то в очередной раз упоминал о сборе воинов и магов в центре, он только и думал о безопасности своих родных, а не о Сеятелях.

Три Стража, сцепившись корнями, покачивались возле самой границы, там, где начиналась испорченная магией земля, называемая карлу Кеере — Сожженные Владения. Другие смертные называли ее Границей, но каждый истинно верующий карлу знал, что это временное название, что это именно Сожженные Владения, Владения Леса, которые вскоре вернутся в его Лесное Царство. Все территории, что сейчас занимали другие расы, назывались Ере — Владениями. Когда-то давно повсюду был один Лес, Единосущий и Изначальный. И придет время, когда снова будет только Он, Великий и Единый Лес, Кавиизархти'ере.

Солнце недавно покинуло зенит и теперь утопало в пине облаков. Лиссаэр улыбнулся. В этом периметре можно опасаться только упырей со стороны Границы. А откуда им взяться в такое время дня? Чистое самоубийство для кровососов. Только опытные носферату осмелятся пересечь Кеере при свете Солнца, но эти слишком любят жизнь, чтобы рисковать. Так что его отряду досталась легкая работенка. Другое дело, ночная смена. Та будет вздрагивать от каждого шороха в Кеере, в любой шевельнувшейся травинке подозревая кровососа.

Сработал сигнал тревоги, и Лиссаэр, схватив лук, бросился к месту для стрельбы. Все зоны границы Диренуриана покрывал ушиарх, пятиметровый магический кустарник, внутри которого было полным-полно ловушек. Внутри кустарника обычно находились специально выращенные кусты, формой напоминающие сферу, внутри которой располагался стрелок. Сферы-кусты, зуэти, имели длинный, наполненный магией корень, который мог создавать для стрелка около пятисот стрел. Благодаря этому же корню зуэти могли передвигаться в определенном пространстве кустарника, так что один стрелок был способен охватить участок в пятьдесят метров, создавая иллюзию, что под лес-

ным покровом скрывается целый отряд карлу. И пока неприятель трагил стрелы и заклятия, расстреливая пустые заросли, лучник спокойно уходил из области обстрела, продолжая поражать цель. А подоспевавшее подкрепление успевало закрепиться и встретить врага во всеоружии.

Вторгнувшиеся этим утром в Диренуриан смогли обойти магию ушиарх. После этого Верховные Сеятели усилили магическую мощь кустарников и послали больше воинов в зууэти. Так что теперь на каждые десять метров ушиарх приходилось по лучнику. Лиссаэр считал, что это, конечно, перебор. Трех дендотов на их периметре вполне хватило бы на неприятельский полк.

Зууэти поднялся наверх, к верхушке ушиарх. Неподалеку можно было заметить зууэти Тириона и Зиураша. Лиссаэр напряженно вглядывался в бескрайние степи Кеере, но так и не увидел того, что вызвало сигнал тревоги. Тогда он потянулся к находящейся над головой красной розе с крупными лепестками, равномерно покрытыми рунами, отогнул лепесток с руной Talk и спросил:

— Тирион, ты кого-нибудь видишь?

— Нет. — Молчание. — Зиураш и Виссиэль тоже.

— Тогда что это была за тревога?.. — начал Лиссаэр, но его перебил голос командира Эллиона, транслировавшийся во все зууэти, судя по эху, доносившемуся из лепестка связи с Тирионом.

— Всем охранителям двадцатого периметра! Срочно переместиться в восемнадцатый периметр! Прорыв границы! Охранители восемнадцатого периметра не справляются! Враг уже внутри ушиарх!

Лиссаэр не поверил своим ушам. На восемнадцатом периметре было даже не три, а четыре дендота. Что ж это за враг такой, который так стремительно, что не заметили другие дендоты, одолел Стражей?

Корень отсоединился от зууэти, и сфера-куст начала быстро перемещаться сквозь кустарник. Рядом мелькали другие зууэти. Судя по окраске, некоторые были вызваны даже из двадцать первого периметра.

Без магической подпитки зууэти может продержаться минут двадцать. Отсоединение сферы-куста от района его ушиарх могло происходить только в экстренных случаях. Что же стряслось в восемнадцатом периметре?

— О Лесные Угодья! — послышался голос Тириона, прибывшего в восемнадцатый периметр первым.

Лиссаэр вернулся на место лепесток. Энергию зууэти нужно сохранять, а то, что увидел Тирион, вскоре увидит и он.

— Чтоб Дракон Корней сожрал меня! — Лиссаэр не смог сдержаться.

И было от чего.

Один дендот валялся на земле, разорванный почти напополам. Его корни вяло подергивались, а ветки вообще не шевелились. Два других молчаливо сражались с третьим, который почему-то атаковал Стражей со странным визгом. Части ушиарх восемнадцатого периметра не было, другая горела, третья наполнилась криками и звуками боя. А прямо перед ушиарх, на территории, что принадлежала Кеере, бесились монстры, напоминающие диковинных зверей: высокие и низкие, покрытые шер-

стью и совершенно лысые, с длинными руками и ногами или вообще без рук, одни пасти на множестве ножек, с крыльями и рогами, воющие и кричащие, разной окраски, которую только можно представить. Небольшими группами монстры направлялись в ушиарх. Лиссаэр насчитал тридцать видов чудищ, после чего сбился. А ведь он не дошел и до трети!

Стрела легла на тетиву. Прицелиться — послать стрелу — увидеть, как она попала в цель, прямо в грудь высоченного монстра, каланчой нависшего над своими собратьями и глупо щелкающего широкой челюстью. Лиссаэр хмыкнул, когда следом за его стрелой в голову урода вонзилась еще чья-то. Элементарная цель. Понятное дело, что его выбрали несколько стрелков.

Монстр покачнулся и упал на копошащихся под ним тварей. Лиссаэр выбрал следующую цель — приземистого пузатого карлика с огромной клыкастой пастью — и выбил ему глаз. Другие стрелки били так же метко, увеличивая количество убитых монстров.

«Что за ерунда? И как эти смогли прорвать защиту ушиарх и проникнуть вовнутрь? — недоумевал Лиссаэр. — Почему так быстро пал восемнадцатый периметр, если мы уже уложили почти всех монстров?»

Дендот, напавший на собратьев, воздел свои ветки кверху и обрушил их на ближайшего Стража. Тот затрещал, на коре образовались щели, из которых брызнула зеленая жидкость. Дендот-предатель попытался повторить удар, но другой Страж выбросил в его сторону ветвь, и она обернулась вокруг дендота, сдавив его изо всех сил. Дендота скрутило, он поломался во многих местах, его рот, похожий на дупло, раскрылся, и он застонал-зашелестел. Обвинившая его ветка задвигалась с огромной скоростью, и дендот распадался на куски, будто разрезанный пилой.

«В чем же дело? — недоумевал Лиссаэр, когда стрела проткнула последнего монстра и он упал в груду мертвых тел. — Восемнадцатые сами должны были отбить атаку!»

Он удивлялся до тех пор, пока не увидел, как поднимается высоченный монстр, пронзенный его стрелой и стрелой другого карлу. Как одним движением обламывает стрелы и направляется в сторону леса. Это настолько поразило Лиссаэра, что он не заметил, как вскочил и побежал к Стражам другой монстр, тощий и низкий. Торчавшая из его головы стрела ему ни капли не мешала. Он успел добежать до ближайшего Стража и прыгнуть, когда стрелки опомнились. Шесть стрел почти одновременно вонзились в спину монстра, но это не остановило его, и он запрыгнул прямо в крону Стража. Темное облако тотчас накрыло голову дендота, а Лиссаэру почему-то показалось, что он видит, как в это облако тянутся разноцветные нити. Видение продолжалось недолго, облако исчезло вместе с монстром. А Страж повернулся к раненому собрату и со всей силы пронзил его своими ветвями. Когда тело дендота снизу доверху покрылось ранами, Страж напрягся, развел ветки в сторону, и дендота разорвало на куски. Сам же Страж направился к ушиарх. Туда, куда уже спешили восставшие из мертвых монстры. В них снова стреляли, никто не мазал, но те не обращали внимания на попада-

ния, ускоряясь на бегу. Вот первые ряды ворвались в ушиарх, сверкнули октаринном ловушки, и пламя охватило монстров, попавших в западню. Но тут в кустарник вломился дендот и принял все магические удары на себя.

«Да что же это такое?! — Лиссаэр посылал стрелу за стрелой, понимая, что это бесполезно. — Почему они не дохнут? Нам с ними не справиться! Здесь нужны маги! Почему их до сих пор нет?»

Из красной розы вдруг донесся незнакомый голос:

— Всем выжившим в восемнадцатом периметре! Приказываю отступить! Немедленно покинуть зону! Отправляйтесь в седьмой периметр и там помогите магам сдержать атаку! Немедленно! Всем, кто...

Связь оборвалась. Понятно, восемнадцатый периметр считается потерянным. Значит, сюда введут войска, подчиненные лично Верховным Сеятелям. Лиссаэр положил лук рядом и потянулся к цветку управления. Седьмой периметр далеко, энергии после такой стрельбы может и не хватить. Нужно рассчитать...

Прямо перед его зууэти, продравшись сквозь колючие кусты, возник монстр, которого он подстрелил еще в самом начале. Лиссаэр замер, не зная, что делать. Монстр вдруг приник к сфере и обнял ее, начал светиться изнутри. Лиссаэр запаниковал, бросив зууэти резко в сторону, но сфера даже не сдвинулась с места. Свечение становилось все ярче и ярче. Несколько стрел воткнулись в монстра — кто-то из карлу попытался прийти Лиссаэру на помощь.

Неожиданно монстр, до этого бессмысленно поводящий головой из стороны в сторону, остановил взгляд на крохотном проеме в переплетениях зууэти. Но Лиссаэр готов был поклясться, что монстр смотрит сквозь это отверстие прямо на него. Тварь начала раскрывать свою пасть, демонстрируя ряды мелких клыков, тело монстра вдруг стало раздуваться.

— Великие Леса... — пробормотал Лиссаэр. — Спасите и сохраните вашего сына и верного слугу, спасите и сохраните жизнь его...

Монстр засветился невыносимо ярко и вдруг взорвался, огненной волной накрыв ушиарх и все, что его окружало в радиусе нескольких километров. Но Лиссаэр этого уже не видел.

Вадлар прислушался. За дверью бегали стражники, звучали отрывистые команды. Вот протащили что-то тяжелое. Он посмотрел на Понтея, который после приступа злости и отчаяния снова впал в беспамятство.

Он смотрел на Понтея и вспоминал...

...Мало кто рискует связываться с детьми Повелевающего кланом. С детьми особ, приближенных к Повелевающим, та же история. Вадлар был средним ребенком в семье Раваза Дэй да Фетис, Главного Советника Повелевающего клана Фетис. И это многое значило. Старший брат должен был стать следующим Советником, в младшей сестре, как сказали бы люди, родители души не чаяли. Души не чаяли — это так, к слову, откуда у упырей душа?.. Вадлар был сам по себе. Упыреньш, предоставленный собственной свободе. Делай что хочешь — родители

слишком заняты старшим и младшей, чтобы обратить на тебя внимание. Он злился. Часто дрался с братом — и остановился, когда чуть не убил его, потому что, как оказалось, лучше владел Силой Крови Фетис. Издевался над сестрой, получая нагоняи от родителей и втайне радуясь даже этому, — и перестал, когда понял, что потерял ее навсегда. Когда она смотрела на него, в ее взгляде ничего не отражалось.

Со злости Вадлар убил несколько людей, полностью осушив их, но даже эту экссангвинацию замяли, сославшись на период совершеннолетия и обуявшую его Жажду. Он кричал, он требовал, чтобы его наказали, ведь он нарушил Законы Крови, ведь он контролировал себя, свою проклятую Жажду, ведь он убил людей, чтобы убить, и ему понравилось выпивать их, ему хочется еще, и он сделает это снова!..

Отец отослал Вадлара к Границе. Служить в прикупольном войске, смешанной армии живых и не-живых. Здесь Вадлар снова демонстративно выпил человека, но в этот раз его чуть не прикончили свои же — Живущие в Ночи. Когда люди и гоблины вытащили Вадлара из его личного склепа, он, тогда еще Средний, думал, что погибнет, что Воздействие прихлопнет его как назойливого комара, но носферату из клана Уккар разогнал толпу, пригрозив наказанием, и отправил Вадлара в казарму. Фетис только обрадовался, что все позади, как два Средних из клана Вириш прижали его к полу, не давая пошевелиться, а Уккар приблизился и сделал несколько аккуратных разрезов. Из ранок потекла кровь, кровь Вадлара — и он подумал, что сошел с ума, сошел с ума из-за Воздействия, ведь такого просто не может быть...

— Почувствуй на себе, каково людям, — сказал Уккар. — И осознай. А заодно пойми, что здесь, возле Границы, они — наши боевые товарищи, очень ценные днем.

— Да это же люди! — крикнул Вадлар. — Просто люди! Наша еда!

— Думай, — спокойно сказал Уккар, делая новый надрез, потому что старые регенерировали. — Думай — и пытайся понять.

Уккар все резал и резал, не давая крови остановиться. И сумасбродное время с текущей кровью неторопливо высасывало жизнь...

Умереть ему не дали.

Он был молод и глуп. И ничего тогда не понял. И его перевели на другой пост, где не было людей, только представители других рас. Впрочем, урок пошел впрок. Когда Жажда усиливалась, Вадлар просто вспоминал экзекуцию, — и она тут же проходила.

А потом на пост напали. Днем. Отряд религиозных фанатиков, с которыми был чародей, прорвавший Пелену. Они пришли убивать кровососов, что не имеют души, и Вадлар, с трудом державший меч, в тот день чуть не умер снова. Но погиб не он, а лесной тролль. Его живот пробил арбалетный болт с разрывным заклятием, предназначавшийся Вадлару. Тролль почему-то защитил его, хотя мог этого не делать.

Фанатиков тогда всех убили. Вадлар стоял над телом тролля и пытался понять, мучительно пытался понять — и не мог.

— У него здесь семья, — сказал командир прикупольного отряда, Эттир из клана Рохху. — Думаешь, почему живой отдал жизнь за не-живого? Потому что у него здесь семья. Мы даем им землю и работу.

Мы защищаем их от голода, болезней и войн. Если нам нужна кровь — мы предлагаем им компенсацию. Почему бы и ему не защитить того, кто будет защищать его детей? Знаешь, ведь и чудовища должны как-то выживать. — Эттир посмотрел на гномов, что несли тела погибших. — Вот мы и выживаем, давая защиту, а они взамен защищают нас.

...Бескрайние просторы степи толкают на размышления, когда нечего делать. А делать, когда заканчивались тренировки, было нечего всегда. Только думать. И в голову лезли странные мысли. Может, поэтому пограничники не похожи на остальных Живущих в Ночи, тех, кто стиснут границами городов и стенами дворцов, которые ограничивают их кругозор? Что стоит выйти за поставленную самим собой стену? Зато можно увидеть бесконечность, при виде которой становится совсем дурно. Но это не плохо, нет. Вадлар часто думал о том, кто он и зачем пришел в этот мир? Пить кровь людей и лет через двести стать носферату? А потом? Продолжать пить кровь людей уже не по необходимости, а как деликатес? А потом? Умереть, потому что закончится срок, отсчитанный для тебя Ночью? И все? Хищник убивает добычу, пожирает ее, кормит своих детей и умирает. Мы, Живущие в Ночи, как эти хищники? Мы — тупые звери, которые способны только жрать и совокупляться? Тогда чем я лучше волка, который мешает жить деревне и на которого объявляют травлю? Ничем. И когда на меня объявят травлю — я должен умереть, потому что меня будут убивать как дикого зверя. Как дикого, да... Смешно. Как Дикого — вот как меня будут убивать. Так, как мы убиваем их, если доведется повстречать. И меня в конце концов убьют. Как безмозглую тварь, от которой я произошел и от которой ничем не отличаюсь.

Или я должен жить, ни о чем не думая? Жить, как должен жить Живущий в Ночи — зная о своем превосходстве над смертными и тупо радуясь этому? А в чем мое превосходство, если я о нем говорю и ничего не делаю, чтобы подтвердить его? В чем превосходство сильного, избивающего слабого? В силе? Зачем ему эта сила? Зачем быть сильным? Почему мы сильнее людей? Потому что пьем их кровь? Потому что можем легко убить их? Потому что захоти мы — и слабые будут ползать перед нами на коленях? Разве это сила? Разве это значит быть сильным? И почему слабый может защитить сильного? Неужели сильный сам не способен этого сделать?

Тогда вообще зачем я? Зачем меня защищать? Чтобы защищал я? Как волки могут стать защитниками овец? Как? Это же противно природе, естественным законам, что установил Тварец!

Я ведь уже знаю, что это такое — выпить человека до дна. Это сладко. Очень сладко. С этим не сравнится даже секс, который я пробовал во всевозможных вариациях. Может быть, лишь тот секс с этим может сравниться, во время которого выпиваешь человеческую женщину, — именно так я убил одну.

От этого не избавиться. Как и от памяти о том, как текла из меня кровь, как капля за каплей меня покидала жизнь. И слова Уккара: «Пойми». Пойми, да?

Кажется, я понял. Кажется. Потому, что чем больше я смотрел в даль степи, по ту сторону Купола, тем меньше понимал этот мир.

...В следующей стычке, когда в Лангарэй проникли контрабандисты, приглашенные кем-то из знати, кто им, скорее всего, и помог пройти сквозь Купол, Вадлар, используя Силу Крови, защитил человека, которого чуть не проткнуло копьём. Контрабандисты прошли по районам, контролируемым разными постами, и за ними послали смешанный отряд, где были и люди. Вот одного из них Вадлар и спас.

...Он поднялся по службе до командира отряда, когда за ним приехал отец. Раваз Дэй да Фетис высокомерно прошел мимо построенных для встречи пограничников и подошел к сыну.

— Собирайся, — бросил он. — Мы немедленно уезжаем домой.

Вадлар поковырял в носу, вызвав смешки у товарищей по службе. Раваз Дэй и бровью не повел.

— А не хочу, — заявил Вадлар. — Мне и здесь нравится. Погода хорошая, загорать можно постоянно.

Кто-то закашлялся и заткнулся, получив в бок. Раваз Дэй нахмурился:

— Предупреждаю, сын, я не буду повторять еще раз. Собирайся и поехали.

— Если ты совершал такой длинный вояж, только чтобы на отказ сына развернуться и уехать, ты бы скорей отправился поохотиться на диких свиней, — сказал Вадлар. — Так что не пугай, отец. Уж поверь, я пуганный.

Раваз Дэй вздохнул и как-то внезапно осунулся.

— Твоя сестра... — прошептал он. — Лирана умирает... Проси все, что хочешь, но едем со мной, прошу.

— А мне много и не надо, — проворчал Вадлар. — Власть над миром и чего-нибудь покушать.

Раваз Дэй поднял голову, сверкнув глазами. «Сопляк!» — так и читалось у него на лице. Казалось, что он сейчас ударит Вадлара.

— Вообще-то вещи у меня уже собраны. И парни помогли притащить их к твоей карете, — сообщил Вадлар, почесывая ухо. — Неужели ты думаешь, что я не понимаю, что просто так ты бы сюда не поехал? Да, отец, плохо ты меня знаешь. Даже Гурис — и тот знает лучше.

— Кто такой Гурис? — как и ожидалось, спросил Раваз Дэй.

— Наша собака отрядная, — радостно сообщил Вадлар. — Не веришь, что он меня знает лучше? Ну, давай вы будете по очереди на мои вопросы отвечать, что ли...

...Когда они уезжали, Гурис бежал за каретой, захлебываясь от лая. Вадлар выглядывал в окно и думал, опять и опять думал о том, что если даже волки изменились, став собаками, которые стерегут овец, то почему же не может измениться он?

...Сестра умирала от странной болезни, которую не могли излечить ни доктора, ни маги, приглашенные из Школы Магии. От болезни, что передавалась в их роду из поколения в поколение, и никто не знал, кто будет следующим.

— Брат. — Доран Коби Фетис сдержанно поклонился.

— Братушечка! — Вадлар полез обниматься, обильно брызгая слюной, стараясь попасть на камзол Дорана. — Сколько лет, сколько зим!

Сестра выглядела плохо. Она похудела, ее бледную кожу покрыли бурые пятна. Роскошные волосы цвета воронова крыла превратились в паклю. Голубые глаза будто посерели. Она переводила взгляд с одного на другого, но Вадлар мог поклясться, что Лирана никого не узнает.

— Ни моя Кровь, ни Кровь вашей матери не подошла, — тихо сказал отец. — Кровь Дорана тоже. Вся надежда только на тебя.

— Угу. И вот так всегда. Помнится, спасал я недавно мир от уничтожения, так та же самая история...

— Прекрати! — не выдержал Доран. — Как можно так вести себя в такой момент?! Как ты, сын Главного Советника Фетис, можешь себя так вести?!

— Могу вести себя еще хуже. Хотите?

— Сволочь, — прошипел Доран, развернулся и вышел из комнаты, растолкав столпившихся на входе отцовских Апостолов.

— Ну и в чем суть процедуры?

— Твою Кровь прогонят через ее тело, — объяснил отец. — Всю. Конечно, в том случае, если она подойдет. Не беспокойся, ты не заразишься. Болезнь — она не щадит только одного в семье.

...Странное чувство. Кровь покидает тело, а ты не умираешь. Не паришь над бранным телом невидимым духом, имея шанс наконец-то безнаказанно глазеть на груди девушек, а лежишь на кровати и смотришь в потолок. На котором, понятное дело, нет ни одной женской груди.

Сестра бредила, говоря непонятно что и непонятно о ком. В зале, пронизанном магией и запахами трав, были только он и Лирана. До конца Обмена заходить в него посторонним было запрещено.

— Вад...

Вадлар наострил уши. Вад — так Лирана называла его в сопливом детстве, когда они были не разлей вода, когда он был в восторге от младшей сестренки.

— Вад...

Ну-ну, и что же Лирана скажет?

— Ненавижу...

...

— Ненавижу... Вад... Ненавижу...

Вот убогство.

Он ухмыльнулся. А чего ждать от упырицы, если самым безобидным по отношению к ней был случай, когда ее, сопливую девчущку, он своими руками бросил в кормушку для свиней, специально позаимствованную для этого в ближайшей к их замку деревне? Вряд ли ему стоило ожидать нечто вроде: «Братик, я так тебя люблю! Давай повторим!»

Все закономерно. Все, убоги дери, закономерно.

Когда Лирана заснет, надо нарисовать ей бороду и усы несмываемыми красками. Вот так вот. А то ненавидит, видите ли...

Внутри, под слоями насмешек и ухмылок, было больно. Очень больно. Но он не позволял себе спуститься туда. Нет. Он не тот Вадлар Коби Фетис, что отправлялся в прикупольный отряд. Да, он тот, что

убивал людей, как дурак. Да, он тот, кто, как дурак, теперь об этом жалеет — что совершенно недостойно Живущего в Ночи. Люди — пища. Законы Крови регулируют процессы принятия пищи. Настоящий упырь может пожалеть только о том, что его поймали во время нарушения Законов Крови. А все остальное — глупость, глупость, глупость. Но нынешний Вадлар Коби Фетис глуп. Неисправимо глуп. Глуп, как пес, что радуется, когда радуется хозяин, печалится, когда печалится хозяин, и охраняет имущество хозяина ценой своей жизни. Беда у глупого Вадлара только одна — он знал, что должен охранять, но у него не было хозяина...

...Дверь отворилась с одного пинка. Со стороны могло показаться, что тот, кто вышиб ее, весьма силен — дверь была сделана из железа и содержала волшебные вставки. На самом деле Вадлар прибегнул к Силе Крови и убрал петли, державшие дверь на косяке. Подтолкнуть дверь и наблюдать, как она падает, — проще простого.

Молодые Живущие в Ночи смотрели на Вадлара, горделиво входящего в тайную комнату, находящуюся глубоко под подземными переходами. Хотя «тайная» — слишком громко сказано для задрипанной комнатенки с неумело нарисованными Знаками и Фигурами Ночи на стенах. Вадлар обнаружил ее в два счета, и можно было только удивляться, как Законодатели Крови ее до сих пор не нашли.

Один из упыреных оказался сыном третьего заместителя Пятого Главы Законодателей, и Вадлар понял, что за чары скрывали эту комнатенку.

Тьфу, ну как же убого...

Девственница, привязанная к деревянному кругу, была традиционно раздета, традиционно белокура и имела традиционно большую грудь. Хей-хей, была бы она Живущей в Ночи — Вадлар бы уже кружил вокруг нее в традиционном заигрывании. Но девушка была человеком. К тому же в данный момент к плотским утехам Вадлар расположен не был.

«Еще не начали», — отметил Вадлар, не почувствовав ритуального запаха крови.

— Кто здесь главный? — нагло спросил он, обводя упыреных взглядом.

Среди Живущих в Ночи, в комнату их набилось штук тридцать пять (ты посмотри, сколько придурков собралось Законы Крови нарушать!), началось движение. Придя в себя, вперед выдвинулся Вишмаган. О, это уже посерьезнее! Примерно одних лет с Вадларом, явно тренированный. Нужно внимательно следить за ним, хоть он и молод для полноценного владения Костяной Маской, но получить дозу смертельного яда сегодня днем Фетис не собирался.

— Я главный! — дерзко ответил Вишмаган, глядя прямо в глаза Вадлару.

Это зря. Не за глазами Вадлара ему надо было следить...

Вишмаган вдруг отшатнулся назад, словно баюкая правую руку, ко-

торая внезапно обвисла и стала необычайно мягкой, как будто из нее вынули кости.

Вадлар широко и дружелюбно улыбнулся. Применения Силы Крови Фетис на небольших предметах — например на руке — получались у него лучше всего. Теперь Вишмаган поймет, что с Вадларом лучше не связываться. Но нужно еще что-то, для закрепления...

Из толпы вынырнули два здоровяка. Ирха и Сива. Ну, в самый раз. Самое оно — для закрепления!

Он даже позволил Ирха завершить трансформу. А потом, быстро увернувшись от удлинившихся рук, схвативших воздух за спиной, взял Ирха за два торчащих, будто крюки, нароста возле живота, повернулся, нагибаясь, и впечатал голову Ирха в пол, используя вдобавок его вес. Хо-хо, кровушка потекла...

Частично трансформировав себя, Сива обрушил на Вадлара огромную ладонь: собирался прихлопнуть его как насекомое. Недолго думая Вадлар снова использовал Силу Крови — и Сива завыл, когда его нехилая ладонка оказалась пробитой в десяти местах, а кинжалы, пронзившие ладонь, стали тяжелее камня и пригнули Сива к полу. Мощный удар ногой в голову сразу вырубил его.

«Надо будет в сапоги еще чего-нибудь тяжелого положить!» — Вадлар ухмыльнулся. Два сосунка против прошедшего прикупольную школу сражений. Результат для осведомленного ясен сразу.

— Отныне здесь главный я! — подбоченившись, сообщил Вадлар. — Каждый, кто не согласен, пускай прямо сейчас присоединяется к оппозиции. — Фетис благодушно махнул рукой на Ирха и Сива. — Итак, кто собирается продолжить дебаты о легитимности новой власти? Никто? Отлично!

Он прошел мимо молчаливых упыренышей и принялся освобождать девушку. Удара в спину можно было не опасаться. Он знал: стая признала нового вожака.

«Звери... Какие же мы все-таки еще звери...»

Он взвалил девушку на плечо и, развернувшись, встретился с ненавидящим взглядом Вишмагана. Этот тоже признал — но не смирился.

«Ну слава Ночи!»

— Ты! — Вишмаган вздрогнул, но ответил вызывающим взглядом. — Ты будешь моим главным помощником, понял? А теперь пошли со мной. Все остальные — по домам и спать, ясно? Ах да, и приберитесь здесь. В следующий раз в нашей компании будут гости! Наденьте что-нибудь понаряднее и почистите зубы! До встречи через неделю! Не забывай, ты идешь со мной, — напомнил он Вишмагану.

...Они вышли с нижних уровней Подземного Города, когда Вишмаган наконец заговорил.

— Что все это значит? — требовательно спросил он. — Собираешься сдать нас Законодателям или Братству? А смысл? Половину сразу отпустят, а вторую напоят магически созданной кровью и после этого отпустят.

— О нет, — осклабился Вадлар. — Хрена тебе. Ты когда-нибудь видел, как восходит Глаз Дня?

— Нет, конечно. — Вишмагана передернуло.

— А имеешь представление?

— Более-менее.

— Так вот, дружок... Да, кстати, отныне ты зовешься «дружок» — именно так будут величать моих помощников. В общем, я для вас, детишек, — восход Проклятого Путника. И вы или будете выживать со мной, или...

— Или? Ты нас сожжешь? — ухмыльнулся упырь, уныло покосившись на правую руку.

— Нет, дружок. Будете жить как раньше. Нудно, скучно, из ночи в ночь одно и то же. Возможно, ваши выходки не выйдут за рамки дозволенного и вас никогда не поймают. Но вам надоест. Или вы сойдете с ума и начнете выпивать людей без остановки, убивая при этом других смертных. И тогда вами займутся Братья и Истребители.

— Мы просто хотели попробовать крови с Ночным Благом... — неуверенно произнес Вишмаган. Тихая ярость последних слов Вадлара заставила его подумать о том, что...

Впрочем, Вадлар не знал, о чем подумал Вишмаган.

— Поверь, дружок, если выпить человека, — захочется еще и еще. А потом тебя убьют. И не люди или другие. Нет. Тебя убьют свои же. — Вадлар сплюнул на землю. — Чтобы жить дальше как хочется.

— Откуда ты знаешь... про «выпить человека»?

Вадлар ждал этого вопроса. Он и говорил-то с Вишмаганом только ради этого.

— Потому что выпил. И не одного.

Вишмаган смерил его взглядом.

— И ты жив, — подытожил он.

— Я — да, — согласился Вадлар. — Но не моя сестра и не три деревни, что подчинялись моему роду.

...Лирана выжила. И сошла с ума. Этого никто не заметил: мать и отец были слишком счастливы, Доран был занят, временно исполняя обязанности отца, а Вадлар... Вадлар, восстановившись, сразу же покинул дворец и отправился в город, где и нажрался пивом так, что обогатил семью трактирщика на несколько поколений, благо денег из отцовской сокровищницы взял предостаточно. Он пил и пил, пьянея так, что с ревом бросался на живых, а потом хохотал и заставлял их пить с собой, пил так, что лежа блевал, и, не вставая из блевотины, пил снова.

Ненавижу...

Ведь было все равно. Ведь было все равно, все равно, все равно... Ну почему он не Дикий, неразумный Дикий, Дикий, который только выживает — но не живет?

Ненавижу...

Во дворец он вернулся через пять дней, распугивая встречных запахом. Одни Апостолы стойко выдержали присутствие Вадлара.

— Что за вид? — мрачно спросил отец, выйдя из комнаты, где лежала Лирана. — Ты же носишь имя Коби! Постыдился бы!

— Перед кем? — поинтересовался Вадлар. — Ты прикажешь — и все забудут. А кто не забудет — тех я начну обнимать.

— Иди прими ванну, — приказал Раваз Дэй. — И вот еще что... Ты можешь остаться здесь... если хочешь.

— Конечно, хочу, — хмыкнул Вадлар. — Я же столько тайных ходов в твою сокровищницу знаю...

...Сначала исчезли несколько дровосеков. Посчитали, что во всем виноваты расплотившиеся волки, и устроили облаву. Но потом, когда из деревень начали пропадать маленькие дети, забили тревогу.

Отец все время твердил, что об этом не должен узнать Совет Идущих Следом, Доран собирал группы для поиска преступника-упыря, а Вадлар...

Вадлар продолжал обогащать трактирщиков в городе. Чтобы напиться, Живущему в Ночи нужно выпить очень много...

Поиски ни к чему не привели, а люди продолжали исчезать. Нашли трупы гоблинов. Мрачный Доран доложил, что из них будто выпили всю кровь, а потом вернули ее обратно, забрызгав тела.

— Точно он не знал, что их нельзя пить.

— Странно. — Отец нахмурился. — Похоже на Дикого. Но жрецы Ночи уверяют, что Дикого в окрестностях нет.

...По деревням и городам, что принадлежали клану Фетис, поползли слухи. И отца вызвали к Повелевающему. Спустя три дня приехали Законодатели, Брат Крови и Истребитель.

Вадлар столкнулся с ними, когда выходил в город на очередную пьянку. Пятеро Высоких из клана Сайфиал, Высший из клана Роху и Высочайший из клана Таабил. От них несло такой ощутимой угрозой, что Вадлар проглотил шутку о кандалах на поясе у Таабила и уступил им дорогу. С этими лучше не связываться...

Вадлар вернулся быстро. Из-за приезда Законодателей трактиры закрылись, и даже обещание сровнять их с землей не заставило трактирщиков открыть свои заведения. Законодателей боялись больше, нежели пьющего упыря, который даже в самом жутком опьянении не пытался никого укусить...

Что за убожество? Внутренний двор замка напоминал поле боя. Везде дымились воронки как от попадания огненными шарами. Пристройки возле ворот почти все разрушены, а по двору металась Апостолы в доспехах и с оружием. Из конюшни вышел Доран — злой, очень злой.

— В чем дело, братишка?

— Пошел ты! — огрызнулся Доран, пытаюсь пройти мимо. Не смог — Вадлар железной хваткой сжал его плечо.

— Я спросил — в чем дело? — прищурился Вадлар.

— Лирана... — зло бросил брат. — Она прикончила одного Законодателя и сбегала. Истребитель сказал, что люди исчезли из-за нее.

Ладонь Вадлара сама собой разжалась, и Доран быстро отошел от брата. Фетис непонимающе смотрел перед собой. Лирана. Сестренка. Что же с тобой произошло?

Никто не обратил внимания на то, что Вадлар покинул дворец. Только Истребитель долго искал кандалы и так и не нашел их, но даже Доран не связал их исчезновение с братом.

...Он нашел ее. Нашел, выпустив на свободу Жажду, сдерживать ко-

тору удалось психотравмой, нанесенной Уккаром тупому упыре-ншу. Разом навалилось и желание крови, сумасшедшее, почти непреодолимое желание — и фантомная боль от порезов, боль, которую он никак не мог забыть. Боль схлестнулась с желанием, и разум на карачках выполз с поля сражения, не понимая, как он выжил, но особо этим не опечаленный...

Он просто шел, подчинившись инстинкту. Древнему, могучему, темному инстинкту, что дремлет в каждом Живущем в Ночи. Он боялся, что, попадись на пути человек, — и он разорвет ему горло, хлебная кровь. Да что там человек! Попадись живой другой расы — и он бы искал в нем столь необходимую ему человеческую кровь, разодрал бы его на куски!

За это, кстати, упырей другие расы и ненавидят. По крайней мере, так думал Вадлар.

...И когда он подходил к той деревне, то чуть не сошел с ума. Жажда взревела, одним махом снося боль с поля боя, и принялась догонять разум. Он тогда сделал то, что поклялся больше никогда не делать.

Применил Силу Крови Фетис на себе.

Это ненадолго помогло. Разум сумел спрятаться от Жажды, и она, недовольно бурча, скрылась в темной бездне.

Он вошел в деревню, понимая, что в ней никого нет. Понимая, что ее жители не просто покинули свои дома. Понимая, что Законодатели, Брат Крови и Истребитель скоро бы обратили внимание на эту деревню. Потому что у сестры оказался удивительный талант. При помощи Силы Крови она скрыла следы своего кровавого пиршества, поглотив даже некротические отпечатки.

На такое не был способен даже Вадлар. И ближайшие три столетия не будет способен.

Она убила Бродящего под Солнцем, напомнил себе Фетис. Сайфиали. Нужно быть предельно осторожным.

Лирана сидела возле дома старосты, держалась руками за голову и тихонько напевала какую-то песенку. Вадлар прислушался. Колыбельная. Колыбельная, позаимствованная у эльфов, колыбельная, которую в детстве им часто пела мать.

Вадлар достал кандалы. Он слышал, что Истребители Блуждающей Крови используют их, когда надо доставить упыря в Лангарэй и там передать Суду Крови. Они ограничивают Силу Крови Живущего в Ночи и делают упыря совершенно беспомощным.

...На что надеялся он, Средний, приближаясь к убийце Высокого? К той, которая владела Силой Крови лучше, чем он? Ответа на этот вопрос он не знал до сих пор...

— Лирана...

Она продолжала петь, не обращая на него внимания.

— Лирана... Это я... Вадлар... Ты помнишь меня?

А ведь может вспомнить сначала такое, за что сразу убьет...

— Лирана...

Она опустила руки и посмотрела на него, продолжая напевать. И, встретившись с ней взглядом, Вадлар понял...

...его Кровь нельзя было давать ей...

...та Жажда, Жажда, что познала осушение человека полностью, передалась ей вместе с Кровью...

...и она, которая даже еще не прошла Посвящения Светом, полностью окунулась в эту Жажду...

...и Жажда забрала ее разум, Жажда стала ее разумом...

...а кровь давала Силу, которую она не могла понять...

...она просто хотела человеческой крови, просто пить ее, выпивая людей, и она обманывала всех, чтобы они не узнали...

...и не могла остановиться...

...ей просто не попался на пути Уккар, который спас бы ее...

...ненавижу...

Его отшвырнуло назад, он упал. Живот был пробит копьем, письмена на нем указывали, что оно позаимствовано из отцовской оружейной. Особой оружейной — предназначенной для войн с другими Живущими в Ночи. Сразу стало тошнить. Вадлар схватился за древко. Руку словно обожгло огнем. Проклятая магия!

Лирана поднялась и, покачиваясь, направилась к нему. Колыбельная продолжала тихо звучать. Пустые глаза ничего не видели перед собой — ее вела Жажда.

А он даже не мог прибегнуть к Силе Крови!

Звякнули кандалы, которые он уронил при падении. Он обернулся.

Таабил, одетый в странный струящийся доспех, подобрал кандалы и прицепил их на пояс. Лирана остановилась.

— Молодец, — сказал Истребитель Вадлару. — Не смог бы без тебя найти ее так быстро. В следующий раз, когда будешь воровать вещи Истребителя, помни, что на них стоят Метки.

Хвалит он, видите ли, лучше бы копьё из живота вытащил...

— Ей повезло, что я первым нашел ее. Так что ты и в этом случае молодец. Законодатели бы доставили ее в Совет для Суда, Брат потребовал бы ее исследовать, а я убью ее быстро и без мучений.

...убью ее быстро...

— Что? — Истребитель изумленно посмотрел вниз. Вадлар сумел схватить его за ноги и отпускать не собирался. — С таким ранением? Удивительно. Молодец! Но ты ничего не изменишь. Она все равно умрет. Кроме этой деревни погибли еще две, знаешь об этом? Это не считая Сайфиаила. Никто и ничто не спасет ее. Даже если твой отец начнет нести чушь о взрослении и Первой Жажде. Столько людей и других живых — она не забудет этого никогда. И ее Жажда. Ты что, не видишь? Она уже меняется. Она выпила столько крови, что подобна в Силе носферату — а ее тело к этому не готово. Для нее самой лучше умереть.

— Не... нет... — прохрипел Вадлар.

Это он виноват. Только он. И он должен спасти ее. Свою сестру. Свою младшую сестренку.

— Глупец, — вздохнул Таабил. И точным ударом кулака вырубил его.

Вадлар не видел, как Истребитель убил Лирану. И был ему за это благодарен. Кто знает, что произошло бы, наблюдай он за смертью сестры?..

В смерти Лираны виновен только он. Он, самонадеянный упырь, поделившийся с ней Кровью, что несла в себе проклятие, еще более страшное, чем наследственная болезнь семьи. Проклятие, которое унесло жизнь его сестры, жизнь живых, вассалов клана Фетис, которых Лирана как будущий представитель рода суверена должна была оберегать и защищать. Проклятие, которое заслужил только он, но не она...

Понятное дело, ничего этого Вадлар Вишмагану не рассказал.

— Будете придуриваться дальше — и помрете раньше положенного срока. А мне вас стало жалко. Вот и решил спасти. Да, дружок, может, тебе кости-то вернуть на место?

— Было бы неплохо, — буркнул Вишмаган.

Гордый. Это хорошо. Вадлар тоже был гордым.

...Через неделю он пришел не один, а с девушкой, которую спас. Из компании упыря появилась только половина, остальные побоялись.

— Кто она? — спросил Вадлар, переводя взгляд с одного лица на другое.

Они молчали.

— Дружок.

— Отвечать, когда главный спрашивает!!! — рявкнул Вишмаган, да так, что Вадлар чуть не подпрыгнул от неожиданности. Надо же, а он просто показал ему два приемчика из прикупольного арсенала. Эх, что с Вишмагана возьмешь — вояки, они и в Махапоне вояки.

— Живая? — неуверенно произнес юный Дариш.

— Живая, — согласился Вадлар. — А мы кто?

— Не-живые, — увереннее сказал Дариш.

— Не-живые, — согласился Вадлар. — А она кто?

— А?

— Дружок.

— Живо отвечать!!!

— Так мы уже сказали!

— Дружок.

— Заткнуться!!! Отвечать!!!

Упырята растерялись, не понимая, какую из команд Вишмагана выполнять.

Фетис вздохнул и спросил:

— Является ли эта девушка нашей слугой и подвластной нам по Закону Крови?

— Да, — снова первым сказал Дариш.

— Являемся ли мы ее хозяевами и повелителями по Закону Крови?

— Да, — наперебой сказали упырята.

— И что мы как ее хозяева и повелители должны с ней делать?

Молчание.

— Должны ли мы пить ее кровь без ее согласия, если она наша слуга, которую обязаны мы как хозяева охранять и награждать за ее служение? Неужели считаете вы, что награда эта — выпить кровь, полностью оусив ее? Неужели думаете, что так познаете вы Ночь?

Молчание.

- Кружева
Бессмертия •

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Джетуш Малауш Сабиирский, известный в чародейском обществе Равалона как Земной маг, разошелся не на шутку. Уступать он не собирался. Его соперник, впрочем, тоже не сдавался.

— Учитывая нанесенный вами ущерб, гильдия вынуждена сократить оплату вдвое, то есть в пределах аванса...

— А сократить себя гильдия не хочет?

— Понесенные убытки превышают возможный доход в будущем на...

— Может, тебя в лягушку превратить? Болот вокруг много, скучать не придется! И кувшинки, говорят, здесь красивые! Будешь наслаждаться прекрасным до конца жизни!

— Мы вынуждены вновь указать, что угроза оказалась не той, которую гильдия ожидала...

— Вы наняли нас зачистить район от нечисти! И если ваша гильдия разницы между стригуном и глишайником не видит, то это проблемы гильдии, а не Школы!

— Согласно договору, вы должны были уничтожить нечисть, но никак не принадлежащие гильдии здания...

— Я могу еще поуничтожать принадлежащие гильдии здания! Вот это вот, например, где ты так уютно устроился! Мало ли, может, у вас тут спор глишайника полно!

И Джетуш демонстративно закатал рукава рубахи. Магу его уровня не требовалось доставать из ауры заранее приготовленное заклятие. Он просто создал его, не прибегая к тщательно хранимым запасам. Извивающиеся огоньки покрыли сжимающиеся пальцы, и Земной маг сунул ярко запылавший кулак чуть ли не под нос крепко сбитому гному, представителю Торговой гильдии Великой Франкии. Сунул прямо в ярко-рыжую бороду, и только воля Джетуша не дала бороде вспыхнуть.

Глаза гнома сузились. Он наверняка чувствовал жар, исходящий от кулака Магистра, он наверняка понимал, что маг... гм... разочарован отказом гильдии выплатить оставшуюся после аванса сумму за выполненную работу, он наверняка осознавал, что волшебник вполне может реализовать свои обещания и по поводу лягушки, и по поводу здания, и вообще. Он наверняка все это чувствовал и понимал. Тем не менее...

— Гильдия спешит напомнить, что Номос Конклава, кроме строго оговоренных случаев, запрещает воздействие на решения свободных смертных магией или ее производными.

М-да. Нашла коса на камень.

При упоминании Конклава Земной маг поморщился. Джетуш не особо жаловал Высший совет магов. Впрочем, не только он. Школа Магии и Конклав вообще недолюбливали друг друга. Конклав жаждал полного контроля над всеми магическими сообществами Равалона, Школа же отстаивала идеалы свободного развития и плюрализма волшебных практик. Конклав, конечно, могущественнее, но по развитию магических технологий Школа впереди мира всего. Поэтому Конклаву приходилось терпеть Школу, так как большинство заклинаний и артефактов ему поставляла именно она. В свою очередь Школа была вынуждена соглашаться с привилегированным положением Конклава в магическом мире: большую часть наиболее денежных заказов она получала от него.

Уолт Намина Ракура уныло посмотрел в окно. За окном распростерлось небо, серое и тоскливое, как и городишко, куда их занесло. Джетуш Малауш Сабиирский, наставник Уолта и по совместительству командир отряда боевых магов, посланного во Франкию разобраться с нечистью, тревожащей склады местной Торговой гильдии, спорил с гномом о том, насколько уничтожение склада вписывается в пункт «Об ущербе» заключенного со Школой Магии контракта. По представлениям Джетуша вполне вписывалось. Гном настаивал на противоположной точке зрения. И вот уже час как они не могли прийти к компромиссу.

Уолт сдержал печальный вздох и скучающе оглядел комнату. Кабинет как кабинет. Стол, два шкафа с пожелтевшими от времени свитками, три ящика в левом углу. На столе чернильница и толстенная книга. Широкое окно выходит на запад, открывая взору черепичные крыши невзрачных домишек. На потолке баталия: красные рыцари молотят белых рыцарей, а на них взирает суровый небожитель. Непонятно, что хотел изобразить художник. Рыцари различались только цветом доспехов, и то ли Добро побеждало Зло, то ли Зло одерживало верх над Добром. Впрочем, Уолт предполагал, что есть и третий вариант интерпретации: разницы нет, а смертные — игрушки в руках богов.

Еще на правой стене висел портрет Дурана Чернобородого, древнего гномьего короля, который, согласно мифам гномов, некогда правил всем Равалоном. Держа в руках тяжелый молот, Дуран сурово смотрел на недовольного Джетуша. Король гномов, казалось, готовился сойти с картины и молотом доказать правоту своего собрата. Золото — это то, что ценили гномы во все времена. Как говорится, гном скорее безвозмездно отдаст бабушку оркам, чем золото на доброе дело. Ох, не зря именно этого представителя гильдии назначили для подтверждения выполнения договора Школой. Уолту гном не понравился сразу, как только Магистр его увидел. Много чего хотелось сказать бородачу, а еще больше хотелось сделать — в основном огнешарами.

Стараясь не разеваться, Уолт принялся мысленно разбирать каби-

нет на части и представлять его как потенциальную магическую систему. Вот, например, угол кабинета. Абстрагируемся. Геометрически этот угол — просто три соединенные под прямыми углами линии. Три — это число. Ну а числа издревле несут в себе тайный смысл и сакральные значения. Тройка в повседневном обращении, как и всякое число, означает количественную меру вещей, но в магии символизирует уровни эфира — субстанции волшебства. Единица, символ единства и могущества Тварца, в магии означает скрытую мощь и целостность эфира. Двойка, символ созданного Мира, обладает значением манифестации эфира в феноменах, когда волшебство проявляет себя в вещах, изначально не магических. Тройка, символ объединения Тварца и сотворенного им Мультиверсума миров, означает синтез единицы и двойки, или, иначе говоря, является символом магических объектов. Угол комнаты, следовательно, при соответствующей установке сознания мага может быть использован как усилитель при создании волшебных предметов. Ну а если без установки сознания, то главное тут — добавить соответствующие компоненты: особые растения вроде каменного цветка из Малахитовой горы, что находится в Великой гряде, или воду, настоянную на разрыв-траве в свете полной луны в течение полугода. Однако это старые, шаманские методы. Современные маги намного дальше продвинулись в управлении Силой, добившись мастерства контроля эфира на уровне мыслеформ.

Пока Уолт от скуки анализировал кабинет как потенциальный очаг чародейства, Джетуш продолжал хмуриться, грозно глядя на бородатого смертного. Убирать огонь он не спешил, но кулак от лица гнома отодвинул.

— Я хочу поговорить с вашим главным, — сказал Земной маг.

— Он отправился в столицу для заключения договора о поставках соли в Завидию.

— Когда?

— Вчера.

— Тогда хочу пообщаться с его заместителем.

— Он приболел.

— И давно ему нездоровится?

— Со вчерашнего вечера.

— Тогда желаю видеть ответственного за наем боевых магов.

— Таковым назначен я.

— Дайте угадаю. Вчера?

Гном утвердительно кивнул.

— Ах вот как... — Джетуш задумчиво прищурился и, погасив пламя, постукал пальцами по столешнице. Уолт отлично знал: когда Джетуш Малауш Сабиирский, экселенц магии Стихии Земли, вот так щурится, то ничего хорошего ожидать не стоит. Это так же верно, как то, что треугольник в круге у шаманов-орков означает энергии Земли. Уолт помнил, что во время студенчества это прищуривание заканчивалось мытьем стойбиц мантикор, а во время аспирантуры — заговором невероятного отвращения к пиву на целый месяц, избавиться от которого не получалось ни у кого из аспирантов.

— В таком случае, я хотел бы попросить вас просмотреть контракт еще раз и засвидетельствовать, что все пункты, кроме вызвавшего разногласия, выполнены, — с этими словами Джетуш подsunул под нос гному стандартный контракт Школы. Бумага из дорожущего белого дерева кроме чернил содержала в себе и магию: строчки, которые читал гном, подсвечивались и как бы увеличивались, приближаясь к лицу. Как утверждали разработчики с кафедры магического письма, сделано это было для удобства чтения. Как предполагали все остальные Магистры, сделано это было ради показухи. Впрочем, новшество свое дело делало: магическая бумага раскупалась на «ура», принося немалый доход Школе.

— В принципе... — неуверенно, пытаясь понять, в чем подвох, произнес гном, — все выполнено. Нечисть уничтожена. Однако я еще раз напомню, что гильдию не устраивает разрушение склада, которое никак не вписывается в рамки настоящего контракта.

Уолт не выдержал и вздохнул. Гном с опаской покосился на него. За все время нахождения в кабинете Уолт только и делал, что молчал и загадочно смотрел куда-то за спину гнома. Гном из-за этого нервничал, хотя старался не подавать виду. Еще бы. Джетуш специально заставил Уолта вырядиться в церемониальный наряд боевого мага. А это значило, что уже битый час Уолт торчал в этой комнате, закутавшись в иссиня-черный плащ, поверх которого на груди красовалась тяжеленная и вдобавок к этому гудящая цепь с ярко-красным рубином посередине. В правой руке Уолт держал здоровый, превышающий его рост посох с имитацией черепа дракона на навершии. В глазницах черепа клубились октариновые огоньки, а по клыкам пробегали разряды молний. В левой руке Магистра расположилась огромная книга, на которой большими гномьими рунами Джетуш написал «Заклинания Жестокой Смерти». На самом деле фолиант носил название «Кухня народов Равалона», но тяжесть книги, по мнению Уолта, делала ее неплохим наступательным оружием.

Земной маг собирался этим маскарадом надавить на психику представителя гильдии, однако тот при виде Уолта только слегка побледнел и зачем-то подвинул чернильницу поближе. Гном оказался упрямым. Оставшуюся сумму оплаты он все так же отказывался выдавать, хоть и нервничал, — и вся роль Ракуры свелась к тому, что он как пугало торчал посреди кабинета.

«Наставнику стоило бы меня уже давно отпустить. Понятно же, что толку от меня как от камня молока... — уныло думал Уолт. — Пользы никакой. Зачем меня вообще мучить, продолжать держать тут наряженным? Это же гном ему деньги не отдает, а не я! Боги, вы несправедливы!»

Услышь боги обвинение молодого мага, скорее всего, просто пожали бы плечами. Большинство из них было уверено, что несправедливо мироздание, в котором одни боги попивают нектар и амриту, занимая должности в Высшем Пантеоне, а другие вкалывают как ломовые лошади, поддерживая порядок в мире смертных.

— То есть вы подтверждаете, что нечисть была нами уничтожена? — вкрадчиво спросил Джетуш.

— Да, это я подтверждаю...

— Не могли бы вы тогда любезно расписаться здесь и вот здесь? Не беспокойтесь, эти пункты никоим образом не касаются раздела «Об ущербе», вы сами имели возможность в этом убедиться, прочитав контракт. Более того, когда вы подпишете эти оба пункта, я откажусь от своих требований, признаю разрушение склада, и моя команда немедленно покинет ваш славный город.

Гном взглядом впился в бумагу. Он не доверял Земному магу, и, по мнению Уолта, правильно делал. Но слова Джетуша о пунктах, не затрагивающих раздел «Об ущербе», являлись чистой правдой. Первый касался использования магии в рамках, разрешенных Конклавом. Второй — истребления нечисти, ради чего гильдия и подрядила боевых магов, уверяя, что необходимо уничтожить новую разновидность стригуна ползучего, с которой никак не могли разобраться местные чародеи. Понятное дело, что не могли. Потому что это оказался не стригун, а глишайник, на который совершенно не действовали методы, идеальные против стригуна.

Сероватая вязкая масса, таившая души погибших в трясилах, заполнила склады Торговой гильдии — ее привлек запах болотистой руды. Собственно, вывозя руду, гильдия и обнаружила «стригуна». Прибыв на место, Магистры сразу поняли ошибку местных волшебников и расправились с проблемой за один день. Но для этого понадобилось собрать весь глишайник на одном складе, а после сжечь его, и не просто сжечь, а провести сложный обряд, призывающий в Стихию Огня частичку эфира Богов. Только таким пламенем можно было избавиться от данного вида нечисти. И местные чародеи, разобравшись, с чем имеют дело, потратили бы кучу времени, собирая все необходимые для обряда компоненты. Джетуш просто отправил запрос в Школу, и ему в течение часа через мини-портал прислали все необходимое. В сущности, плевое дело.

— Мне надо еще раз прочитать контракт... — начал гном, но Джетуш перебил его.

— Экселенц Уолт, подойдите сюда, пожалуйста, — позвал Земной маг подопечного.

Сбитый с толку «экселенцем» и обращением на «вы», Ракура приблизился к столу, продолжая смотреть за спину гнома. Гном покрылся потом и мелко задрожал.

«А он не просто нервничает, он боится... — отметил Уолт. — Хотя чего во мне страшного? Боевой маг как боевой маг...»

— Уважаемый... кстати, я забыл, как вы представились в начале нашего разговора? — Джетуш озабоченно посмотрел на гнома, а сам незаметно подтолкнул Уолта ближе к столу, отчего Намина Ракура вообще навис над бородатым крепышом.

— Турбин Скильдигссон... — пролепетал гном, с ужасом уставившись на Уолта.

— Видите ли, уважаемый Турбин, мы по нашей обоюдной глупости отнимаем время у экселенца Уолта, который уже сегодня должен начать исследовать различия между костяными гончими, возникающими

из мертвых людей и из мертвых гномов. Для этого он должен вскрыть гнома-преступника, чтобы получить тело со свежими некроиспарениями, но вот беда: если он не успеет вернуться в Школу, преступника вздернут, не дожидаясь экселенца. А это повредит его исследованию. Впрочем, уважаемый Турбин, экселенц Уолт является Черным магом, дипломированным самим Конклавом, так что, в случае чего, мы можем поискать преступника и в городе...

Гном побледнел.

— У нас... в тюрьме у нас нет... гномов...

— Вот как? — Джетуш покачал головой. — Ну, дипломированный Конклавом Черный маг всегда найдет выход из положения, не так ли, уважаемый Турбин?

— Я... — гном сглотнул. — Вы покинете город незамедлительно, если я распишусь под этими пунктами?

— Это в наших интересах, — заверил его Джетуш. — Посмотрите на экселенца, он так недоволен!

Лицо Уолта действительно выражало недовольство, но лишь потому, что Джетуш наступил ему на ногу. Ракура понимал, что нужно терпеть, но от понимания легче не становилось.

— Хорошо, хорошо! — Гном схватил бумагу и быстро расписался. — Вы действительно согласны с претензией гильдии, что...

— Да плевать. — Джетуш выхватил контракт и спокойно вышел из кабинета. Скорчив напоследок злобную рожу (гном чуть не свалился со стула), Уолт последовал за наставником к лестнице.

— Это нормально? — спросил он, догнав Земного мага, уже спускающегося на первый этаж.

— Что — нормально? — уточнил Джетуш.

— Что мы уходим без оплаты. И вообще, что это было?

— Уолт, ты забыл, чему тебя все это время учили? Что дозволено дипломированному Конклавом Черному магу? Только не надо перечислять все в подробностях, давай основную суть.

— Если суть, то... Черный маг в случае непосредственной необходимости имеет право использовать любого смертного, за исключением дворян, для своих чар.

— Вот именно, Уолт. А этот гном точно не из дворян. Дворяне, знаешь ли, в торговых гильдиях не служат, а если и служат, то всеми способами показывают свое происхождение, чтобы окружающие знали, с кем имеют дело.

— Но я не Черный маг.

— Ты об этом знаешь. Я об этом знаю. Но Турбин, мать его, Скильдигссон не знает. А я вдобавок вчера заставил Бертрана пройтись по всем местным тавернам и по секрету рассказать, что в нашей команде есть Черный маг, только благодаря которому мы и справились с нечистью. Слухи в этом скверном городишке быстрее мысли, погонишься за ними — не догонишь. Думаю, они достигли ушей Скильдигссона задолго до нашего прихода.

— Но денег мы все равно не получили, — заметил Уолт, догадываясь, к чему клонит наставник.

— Не получили. Зато у нас на руках доказательство того, что работу по уничтожению нечисти мы целиком и полностью выполнили. — Джетуш потряс в воздухе контрактом.

— И? — все еще не уверенный в догадке, спросил Уолт.

— Уолт, ты меня разочаровываешь. Ты что, не выспался? С тех пор, как ты занялся магией крови, такое чувство, что стал хуже соображать!

— Простите. Но весь этот маскарад довольно-таки тяжел, и все время, находясь в этом одеянии, я мечтал только об одном — поскорее его снять.

— Ладно. Поясняю. Нечисть мы уничтожили — это раз. Гильдия сие подтвердила — это два. Если здесь вдруг снова появится глишайник, то нашей вины в случившемся не будет — это три.

Уолт едва удержался от горестного вздоха. Догадка была верной, но какого убога он в ней сомневался? Да, прав наставник. Заиклившись на сложной проблеме, связанной с изучением магии крови, Уолт стал невнимательным к другим делам. Ведь что тут непонятного? Джетуш отказался выбивать деньги из гильдии, но не потому, что сдался. Просто на складах снова появится глишайник. Доказать, что к этому приложили руку боевые маги, гильдия не в силах, слишком противоречивы и туманны причины возникновения нечисти. А вот снова нанять Школу хитрые торгаши не смогут. Да и другие чародеи, принадлежащие иным волшебным гильдиям и орденам, если возьмутся за работу, то затребуют огромные деньги вперед. К тому времени Земной маг оставит Торговую гильдию Великой Франкии на весь Равалон.

Конечно, кто-то скажет, что Джетуш ведет себя мелочно: великий маг (действительно великий, один из лучших в Равалоне) обиделся на каких-то там лавочников. Но, как говаривал Эвиледаризарукерадин, нынешний Архиректор Школы Магии, главное, чтобы прецедента не было. Пытающийся обмануть Школу должен надолго запомнить, что такого делать не стоит.

Кто-кто, а нынешний глава любил перестраховываться. Недаром незадолго до того, как предыдущий Архиректор назвал его преемником, волшебник Эвиледар, один из лучших чародеев Школы, официально, с соответствующими религиозными службами и записями, поменял свое имя. Поскольку каждый, кто занимал пост Архиректора, представлял для завистников наглядную мишень для проклятий, в том числе магических, Эвиледар недолго думая усложнил собственное именование настолько, что каждый, кто пытался проклясть его, скорее сломал бы язык, чем выговорил имя новоиспеченного главы. Магических анафем с тех пор Архиректор Эвиледаризарукерадин особо не опасался. Соответствующие ритуалы требовали величайшего напряжения Локусов Души с быстрой сменой мыслеобразов и вербальных формул. А на простые пожелания провалиться в Нижние Реальности или Тартарарам Архиректору было плевать с высокой башни. Для мага его уровня они не являлись тем, о чем следует беспокоиться.

— Он мог понять мою задумку, но ты своим видом отвлекал его и не давал сосредоточиться, — продолжал объяснять Джетуш, хотя Ракура

уже разобрался в планах наставника. — Как Черный маг, которому нужны свежие гномьи кости, ты мог заинтересоваться именно им.

— Вы иногда меня пугаете, — покачал головой Уолт.

— Иногда? — скептически поднял брови Джетуш. — Лучше прямо скажи — иногда я тебя не пугаю.

— Так было в студенческие годы, — возразил Уолт. — Сейчас я уже не боюсь вас.

— А зря, — хмыкнул Джетуш.

Они прошли пустующий зал на первом этаже. В первый день, когда боевые маги приехали в город, зал наполнился импозантными смертными, заключающими сделки друг с другом и с представителями гильдии. Судьба тысяч золотых зависела от произнесенных здесь слов. Но со вчерашнего дня, когда весь город узнал, что гильдия не собирается выплачивать оставшуюся по контракту сумму, зал пустовал. Никто не рисковал заглянуть в представительство гильдии в тот момент, когда там будут находиться боевые маги, не получившие заработанные деньги.

Кто хуже гнома в вопросе золота? Правильно, боевой маг.

А самые худшие — боевые маги-гномы.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Вы быстро, — сказала Эльза, когда они вышли из здания Торговой гильдии. — Мы ожидали вас часа через три.

— Это почему же? — живо заинтересовался Джетуш.

— Да потому что там гном. А вы, учитель, от гнома отличаетесь только тем, что родились человеком.

Джетуш Сабиирский задумчиво посмотрел на подчиненную. Высокий, полноватый и лысый — его в первый раз в жизни сравнивали с гномом. Но Уолт признал, что Эльза права. Чем-то неуловимым Джетуш походил на подгорного жителя, и это «чем-то» присутствовало в Земном маге и раньше, просто Уолт не обращал внимания.

— А когда гномы спорят из-за денег, то жди Великой Подгорной войны, не меньше. — Эльза улыбнулась. При виде ее улыбки Уолт почувствовал, как на душе становится легче, и едва сдержался, чтобы не улыбнуться в ответ. Ксанс и Бивас не сдержались и заулыбались, точно дети, получившие конфеты. Даже Джетуш усмехнулся.

Статная, с белокурыми волосами, тщательно уложенными в толстую косу, с гармоничным, точно у эльфийки, лицом, с пронзительным взглядом ярко-голубых глаз — Эльза ар-Тагифаль слыла первой красавицей среди боевых волшебниц Школы Магии. Впрочем, состязаться ей было почти не с кем. Дворяне редко отдавали своих дочерей на кафедру боевой магии, а купцы спешили пристроить дочерей на факультет повседневного волшебства. Будущие жены, по мнению негоциантов, должны были следить за порядком в доме, а не гоняться за нечистью по лесам. Так что ар-Тагифаль была той из немногих, кто по велению родителей, по стечению обстоятельств или просто по глупости вступил в ряды студентов, готовящихся положить свою жизнь на ал-

тарь боевой магии. В случае Эльзы, внучки королевского боевого мага Олории, причиной поступления послужило желание деда получить достойную замену на своем посту. Сыновья и внуки олорийского чародея способностями к Высокому Искусству не радовали, а внучка неожиданно продемонстрировала такой Дар, что Конклав пристально следил за ее ростом как мага с младенческих лет. Иными словами, Эльза была гением, рождающимся раз в столетие. Однако, как ни странно, своими способностями не кичилась, и вообще отличалась спокойным и добрым нравом. Горстка завистниц называла ар-Тагифаль тайным агентом Конклава, втирающимся в доверие к Магистрам, чтобы разведать секреты Школы Магии. А то зачем ей быть доброжелательной и общительной, кроме как для того, чтобы навредить ближнему своему? Уолт только хмыкал, слыша очередное шептание недоброжелательниц по углам Школы.

Стоявшая рядом с Эльзой Дайра Грантер фыркнула и посмотрела на парней как на баранов. Черные волосы аспидами тонких кос падали на спину, бледная кожа обтягивала скулы, глаза, словно темные омуты, где завелась нечисть. Угрюмая как кендер за решеткой. Полная противоположность Эльзы. Разве что способности к Искусству тоже на высоте. Насколько знал Уолт, Дайра была бастардом одного из герцогов Тагбора, и на кафедру боевой магии девушку отдали не без мысли, что какая-нибудь магическая дрянь слопает ее сразу после окончания Школы. Мол, руки у родственничков останутся чистыми, и боги не рассердятся. В Тагборе все боятся гнева богов. Только прелюбодейству, по всей видимости, гнев Бессмертных не мешает. Особенно аристократам.

В отличие от Эльзы Дайра гением не была, но упорства и настойчивости ей было не занимать. А еще она плевать хотела на окружающих, особенно на более слабых в Искусстве. Это, впрочем, не мешало ей быть одним из лучших магов среди аспирантов кафедры боевой магии. Боевые заклинания давались магичке с такой легкостью, что большая часть учащихся от зависти грызла шляпы, а оставшаяся мрачно наблюдала за успехами Темной Бести — так Дайру прозвали на кафедре. Ее не любили. Сложно любить смертную, которая при первом же знакомстве сообщает, что видела вас и ваши взгляды на жизнь даже не в гробу, а в Посмертии Тысячи Болей. Уолт знал, что Эльза, сумевшая найти общий язык со всеми сокурсниками и учителями, не смогла подружиться с Дайрой. Он лично был свидетелем крайне «милой» беседы, когда ар-Тагифаль предложила Темной Бести совместно отметить сдачу зачета по курсу огненной магии, а та в ответ буркнула, что если она захочет когда-нибудь бессмысленно потратить время в компании идиотов и полудурков, то обязательно попросит Эльзу организовать вечеринку.

Недоброжелатели Грантер называли ее эмиссаром Космического Зла. И Уолт с ними не соглашался лишь потому, что в Космическое Зло не верил.

— Война, как ты могла видеть, Эльза, не началась. — Джетуш забрал у Уолта посох и книгу и отправил их в сумку со сжатым пространством, которую быстро поднес Бивас Олорийский. Всю операцию по очистке складов от нечисти Бивас проскучал: ему выпала почетная роль держа-

теля чаши, в которую сливали кровь из рассеченного горла свиньи. Именно так устанавливалась связь с Небесным Градом, откуда должен был прийти Эфир Богов.

— Жаль, командир, — вздохнул Бивас. — Я уж надеялся на хорошую драчку с этими парнями, но не вышло. Скучное задание.

— Я надеюсь на скорое наступление эпохи, в которой боевые маги будут выполнять только такие скучные задания, Бивас. — Джетуш вздохнул. — Но покада есть Нижние Реальности, это вряд ли произойдет.

— А можно и это в сумку? — спросил Уолт, стягивая с себя цепь. Наставник благосклонно кивнул, и церемониальная хрень полетела следом за посохом и книгой.

— Где Бертран? — спросил Джетуш, обнаружив, что из подчиненных ему шести аспирантов присутствуют только пятеро.

— Ищет подходящее место для открытия портала, как вы и приказали, — ответил Ксанс Вильведаираноэн, высокий и худой Ночной эльф. В отличие от Биваса, того еще забияки, весь ход операции Ксанса полностью устроил. Как и Джетуш Сабиирский, эльф считал, что лучшими временами для боевой магии будут те, когда она станет совершенно не нужна. Уолт вообще не понимал, как при таком подходе Ксанс является одним из перспективных разработчиков новых и модификаций старых боевых заклинаний.

— До сих пор ищет? Странно, когда мы сюда прибыли, здесь было полным-полно идеальных мест для Перехода. — Джетуш нахмурился.

— Может, он просто не способен выполнить даже простенькое задание, — пробурчала Дайра. Наставник хмуро посмотрел на нее, но ничего не ответил. После того случая, когда Джетуш случайно застал Грантер, издевающуюся над слабо развитыми Локусами Души кумбхандки из Махапопы, и залепил Бестию пощечину, Дайра старалась при нем особо не проявлять свой характер, но натура то и дело брала свое.

— Значит, так, — Земной маг огляделся и прищурился. — Бивас, Ксанс. Найдите Бертрана и возвращайтесь в гостиницу. Мне не хотелось этого делать, но я открою Переход в Школу прямо оттуда. Эльза, ты пойдешь со мной, поможешь с настройкой заклинаний.

— А что делать мне, учитель? — уныло спросила Грантер. Так уныло, что Уолт почувствовал, как нудный и тоскливый день становится еще нуднее и тоскливее.

— Ты... — Джетуш прищурился. — На тебя, Дайра, ложится самое ответственное задание. — Земной маг по локоть засунул руку в сумку, которую продолжал держать открытой Бивас. Когда он вытащил руку обратно, в кулаке держал нечто смердящее и слизистое. Уолт знал, что это. Знала и Дайра.

— Глишайник... — она поморщилась. — Но разве мы не уничтожили его?

— Я взял несколько экземпляров для кафедры неестественной зоологии. Они все время жалуются, что кафедра боевой магии не предоставляет после заданий образцы для изучения. Думал преподнести подарок, но, видимо, снова придется слушать их нытье.

— И что я должна делать?

— Все очень просто. Отнеси это к складам гильдии и оставь там, — и

Джетуш, быстрее, чем Дайра поняла, что он делает, схватил ее за руку и переложил слизь в ладонь.

Магичка чуть не выпустила глишайник от неожиданности и омерзения, но профессионализм взял верх над ее чувствами. Гордо кривясь, словно императрица, обнаружившая в своем супе таракана, Дайра удержала слизь в руке и спросила:

— А что будет, если меня заметят?

— Ничего, — ответил Джетуш. — Если попытаются остановить, можешь их усыпить. У тебя это хорошо получается, я знаю.

— А зачем ей это делать, командир? — не понимая, что происходит, спросил Бивас.

Джетуш поднял большой палец левой руки вверх и громогласно объявил:

— Для вселенской справедливости!

— А... — сказал Бивас. — Тогда ясно. Мы можем приступить к выполнению задания?

— Можете, — кивнул Джетуш. Ксанс и Бивас тут же разбежались в разные стороны, на ходу призывая мелких духов для розыска Бертрана. Силы на таких духов тратится немного, по сравнению с элементариями — так уж и вовсе ничего, но и радиус поиска у них ограниченный, метров сто вокруг призвавшего. Впрочем, городишко небольшой, и вполне можно обойтись подобными существами.

Дайра направилась в сторону складов Торговой гильдии, окутала себя заклинанием Отвода Глаз. Хорошо окутала, отличная завеса. Уолт смог проследить за ней лишь потому, что знал, какие Дайра использовала заклятия. Бестия не Бестия, но свое дело она знает. Вот только жаль, что обычно из таких нелюдимых смертных и получаются первоклассные *дикие* Черные маги и чернокнижники, избавиться от которых Конклав поручает вот как раз Уолту. То есть не самому Уолту, а вообще боевым магам, но в первую очередь Конклав использует против нарушивших Номосы чародеев волшебников Школы Магии. Что поделалась, боевые маги Школы лучшие в своем деле.

— Кстати, Уолт, и для тебя имеется задание.

— Какое? — спросил Ракура, втайне надеясь, что наставник прикажет отправиться в гостиницу, забраться в мягкую постель и поваляться до открытия портала.

— А вон оно, твое задание, — Джетуш посмотрел налево. — Стоит и ждет тебя.

«Да провались ты в Нижние Реальности!» — в сердцах подумал Ракура, проследив за взглядом Земного мага. Улыбчивый человеческий юноша в церемониальной райтоглорвинской одежде стоял на углу представительства гильдии и радостно пялился на магов, будто они собирались подарить ему дворец. Жрец Грозного Добряка пристал к Магистрам как репейник на второй день пребывания отряда в городе, пытаясь вести душеспасительные беседы и донести мысль, что было бы неплохо отречься от суеты мирской жизни и уйти навсегда в монастырь. Бивас, жутко раздраженный тем, что жрец в первую очередь обращается к нему, порывался набить богослужителю морду или хотя бы наколдовать муравьев ему

в штаны. Как и всякий олориец, почтения к религии Бивас совершенно не испытывал. Уолт с трудом сдержал товарища, напомнив, что Грозный Добряк из тех богов, которые ревностно следят за паствой, зловредностью и злопамятностью превосходя даже убогов.

В руках жрец держал стопку листков. Такая же стопка валялась в гостиничном номере, где остановились Магистры. Вчера от нечего делать Уолт пролистал ее, обнаружив лишь знакомые по детству в райтогловинском монастыре сентенции о Лестнице Совершенства, о Милосердном и Справедливом Ликах, о магии, которая ежели идет не от Грозного Добряка, то является как минимум ерундой и бессмыслицей. Помнится, одной из причин, побудившей Уолта сбегать из монастыря именно в Школу Магии, были рассуждения святого отца Урвянкера, чистокровного райтогловина, с пеной у рта осуждавшего магов, которые берут Силу из природы, от иных богов или, не приведя Грозный Добряк, от убогов, и вообще творят всякие магические непотребства, например, просвещают или лечат смертных. В глазах юного Ракуры жизнь чародеев предстала как полная противоположность жизни, царившей в монастыре. Воспользовавшись удобным случаем, он с десятью товарищами, такими же подкидышами, сбежал. Все они стремились в Школу Магии, однако добрался до нее только Уолт. Остальных поймал отец-надзиратель, отправленный по следам беглецов.

— Иди, пообщайся. И не смотри на меня так, ты отлично знаешь, что боевым магам со жрецами богов лучше не ссориться.

— Боюсь, я не в настроении, учитель, — осторожно сказал Уолт, жаждущий оказаться вовлеченным в религиозный диспут примерно так же, как водяной — прыгнуть в костер.

— Ты из нас лучше всех знаешь, как можно сказать гадость райтогловину, делая вид, что просто интересуешься основами веры. К тому же я видел, как ты просматривал его бумажки.

— Ксанс их тоже просматривал...

— Ксанс новую комбинацию огненных заклятий хотел испытать на подходящем материале. В общем, не спорь. Иди, обменяйся любезностями, выслушай, чего он хочет, как-нибудь вежливо отвадь — и сразу в гостиницу.

— Вежливость не гарантирую, — пробурчал Уолт.

— По крайней мере, ты знаешь, о чем с ним говорить.

Уолт, уже не сдерживаясь, вздохнул. Да уж, знает. Райтогловинины и жрецы Грозного Добряка из других рас старательно вбивали догматы веры в юные головы. Ошибись хоть раз, произнеси молитву, которая длится два часа, — и здоровайся с розгами. Забудь хоть одно из Святых Именований Грозного Добряка, количество которых около трехсот — и приветствуй темный чулан дня на два-три. А уж если не удержишься и неосторожно выругаешься в адрес и райтогловинов, и монастыря, и самого Грозного Добряка — о, здесь в дело вступят младшие экзекуторы, которые изгонят из молодых мыслей все следы присутствия убоговской силы, подвинувшей на богохульство. И изгонят ведь, так изгонят, что если захочешь проклясть еще раз, то скорее язык себе откусишь.

Уолту повезло: он ни разу не общался с младшими экзекуторами.

А вот веселый и улыбчивый Джонатан, не успевший вовремя прервать шутку о Грозном Добряке и двух эльфийках, после каморки экзекуции перестал и веселиться, и улыбаться. Что с ним делали — он никому не рассказывал. Боялся. Он вообще с тех пор всего боялся. И от этого младшие экзекуторы выглядели еще страшнее. Куда ужаснее тех магов, которых клял Урвянкер.

Уолту запомнились это чувство. Чувство ужасной неизвестности. Он сбежал от этого чувства в Школу Магии и был счастлив, что его приняли. Просто был счастлив. До тех пор, пока не пришло время Тиэсс-но-Карана. Но это уже дела не касается.

Джетуш и Эльза отправились в гостиницу, а Уолт направился к жрецу. Богослужитель, такое ощущение, задрожал от предвкушения беседы. «Ну-ну, — мелькнула мысль, — и что мне сейчас будут втюхивать?»

Наставник конечно же прав. В целом магам лучше не ссориться со жрецами. Одним из источников магических энергий для заклятий как раз являются боги и их Истоки Силы в Равалоне. Но Уолту просто не хотелось разговаривать с богослужителем.

«Великий Перводвижитель, — уныло подумал Магистр, наблюдая, как жрец сам поспешил навстречу. — Ну что я ему скажу? Что предпочитаю верить в себя и близких друзей, а не полагаться на далекие сверхъестественные силы? Что для меня нет разницы между Грозным Добряком райтоглорвинов и Невидимым Розовым Единорогом ааргхов? Что как маг я уважаю божественные силы, но при этом стараюсь их особо не беспокоить, ибо в мире должно быть Равновесие? Да я сам в эту чушь о Равновесии не верю! Наставник, ну что я вам такого сделал?!»

— Приветствую вас в очередной раз и спешу спросить: ознакомились ли вы с литературой, которую я предоставил многоуважаемым магам? — жрец с ожиданием уставился на Ракуру.

Уолт сомневался, что скверно отпечатанные откровения жрецов Грозного Добряка можно называть «литературой». Чуть не сообщив, как собирался ознакомиться с литературой Ксанс, Уолт сдержанно кивнул.

— И какие мысли возникли у вас по прочтении?

«Гм, — подумал Уолт, — лучше тебе не знать...»

— Неоднозначные, — решил кратко ответить Магистр.

— Давайте поговорим о магии, — предложил жрец.

— Ну давайте. — Ракуре стало интересно, что богослужитель, который только получает Силу от Бессмертного, но не копит и не перерабатывает ее сам, может рассказать магу о волшебстве. Ладно, минут пять — десять можно и послушать, а там «вспомнить» о неотложном деле — и в гостиницу.

— Не задумывались ли вы, что магия заставляет смертного возгордиться и забыть о своем месте в мире? Не думали ли вы, что магия, раскрывая внешний мир, скрывает мир внутренний? Не казалось ли вам, что магия принесла в мир больше зла, нежели добра? Не возникало ли у вас когда-нибудь мысли о том, что если бы Тварец видел в магии путь совершенствования мира, то все смертные были бы чародеями, но на деле магия подвластна лишь некоторым? Не считали ли вы когда-нибудь, что религиозная вера и магический разум вполне совместимы, но

только если помнить, что магия не есть суть смертных, а один из способов их пребывания в мире? Не хотелось ли вам...

— Так, стоп! — Уолт замахал руками, прерывая жреца. Кое-что в этих вопросах ему абсолютно не понравилось. Парень вроде неглупый, взгляд искренний, но, по всей видимости, о работе магов имеет представление только из лекций какого-нибудь Урвянкера. Надо ему кое-что объяснить. — Я, конечно, все понимаю. Маги и гордятся своими способностями, и злоупотребляют ими, но... Простите, не напомните своего имени?

— Отец Игнасс, — улыбаясь во весь рот, сказал жрец.

— Отец Игнасс, почему вы решили, что магия принесла в мир больше зла, нежели добра? Разве вам не известно, что чары и лекарства от многих болезней создали маги, и вот уже несколько столетий только благодаря Конклаву не возникает эпидемий?

— Знаю, — продолжая улыбаться, кивнул богослужитель. — Но разве не маги создали ужасные заклинания, от которых гибли тысячи и десятки тысяч во время войн?

— Эта проблема уже давно отрегулирована Конклавом. Во время войн маги используют только вспомогательное волшебство, но не боевое. — Уолт не сдержался и добавил: — К тому же в предыдущие эпохи не только чародеи, но и служители Бессмертных не раз и не два обрушивали на простых смертных разрушительную Силу. И сейчас им даже Конклав, которому подчиняются волшебники, не указ.

— Грозный Добряк осуждает всех собратьев, которые позволяют своим слугам использовать силу для нападения, а не защиты, — скорбно сообщил отец Игнасс, но тут же снова заулыбался и спросил: — Но не будете же вы отрицать, что именно маги породили свободомыслие?

— Гм... Не совсем понимаю, что плохого в свободомыслии?

— Оно лишает ориентиров! — воодушевленно воскликнул жрец. — Мысль, что движется хаотично и случайно, не знает центра, который дает ей смысл!

— Свобода и есть этот центр, — раздраженно ответил Ракура, начиная подозревать, что его против воли втягивают в никому не нужный спор.

— Но кем дарована эта свобода? — Парень выжидательно уставился на мага.

— Мне кажется, я отлично знаю, к какому выводу вы хотите меня подвести, — сказал Уолт. Шаблонность слов жреца полностью разочаровала Ракуру. До такого не достучишься. Глупо было даже пытаться.

— Знаете? — удивился жрец.

— Магия есть выход за пределы дозволенного смертным. Выход за пределы есть нарушение. Нарушение есть разрушение. Разрушение есть убогопоклонение и отрицание Совершенства Тварца. Ну а это есть прямой путь на костер, ежели не повезет родиться райтоглорвином-вольнодумцем.

— Все не совсем так, как вы говорите... — начал богослужитель, но Уолт перебил его.

— Да неужели? — Магистр прищурился. — А не сказано ли Грозным Добряком святому Седрику, что любой верный, на шаг отступивший от

предписаний, не достоин посмертия в раю и отправится в Нижние Реальности, будь он хоть до конца жизни благочестивым? А не вещал ли Глас на Одинокой горе, что спасутся те, кто примет Силу лишь Грозного Добряка, а иные, пусть и добрые дела творящие, сгинут вместе с убогами в Бездне?

— Вы знакомы с Писанием? — обрадовался жрец, совершенно проигнорировав тон Уолта. Магистр чуть не застонал. Ну ради чего он тут старается? Парень фанатик. Вера превыше разума и все такое.

— Не поймите меня неправильно, — богослужитель вдруг погрузнел и стал выглядеть старше. Уолт насторожился. — Я... я понимаю, что маги никогда не увидят ту реальность, которая открывается верующему сердцу. Даже верующим магам это тяжело. Мы видим мир по-разному, понимаете?

— Мир один, — ответил Уолт. — Граней много. Не хочется, чтобы все разнообразие было сведено к чему-то одному.

— Я, — жрец зачем-то огляделся по сторонам, — раньше тоже был магом. Да-да, учился в Ордене Пентакля! — поспешно добавил он, заметив сомнение в глазах Уолта. — И я знаю: маги и ученые досконально разобрали физику тела смертных, вскрыв удивительные возможности организма и психики, открыв такие единицы его бытия, которые раньше невозможно было представить. Маги и мудрецы полностью изучили метафизику духа, разобрав строение ауры, структуру Локусов Души, архитектонику тонких планов и пути жизненных духов. Но еще я знаю, что ни маги, ни кто-либо иной не смогли познать, что есть душа, для чего Тварец создал наш мир и какая цель у каждого из нас. Магические искусства не могут дать ответы на эти вопросы!

— Душа — это то, что заставляет двигаться тело, — пробормотал Уолт, немного опешивший от страстной речи богослужителя. Бывший маг? Гм...

— Простите, что?

— Так определяя душу Агрисотэл. Философ, не маг. Простите, отец Игнасс, но мы с вами не пойдем друг друга. Я верю в то, что маги нужны миру, и это их личное дело, откуда брать Силу. Вы в это не верите. Приводить доказательства мы можем бесконечно, убеждать друг друга имеем возможность столько же, но оба упрямеем лбами в этот предел — веру. А вера штука скользкая и до безобразия упрямая.

— Многоуважаемый Магистр, дело не только в вере. — Жрец вздохнул. — Дело в том, откуда идет вера, в ее источнике.

— Для моей веры мне вполне хватает вот этого, — Уолт постучал себя по лбу. — Собственной головы на плечах и разума.

— А сердце?

— Что — сердце? — нахмурился Уолт.

— Разве можно обойтись без сердца?

— Некролюды обходятся, — сказал Уолт. — Андеды обходятся. Андеды, правда, безмозглые, но некролюды вполне разумны. Они, как вам должно быть известно, и государство в Загравии построили, и вполне мирно живут, не помышляя о завоевании ближайших стран, хотя кому, как не им, устраивать войны?

— Печально, что на каждый мой вопрос отвечает ваш разум, а не душа, — вздохнул жрец. — Может, вы просто не хотите услышать ее?

И тут Уолт разозлился. Да что этот парень может знать о *его* душе? Да жрец даже и догадаться не может, что она собой представляет! А если бы смог, то бежал бы сейчас отсюда, сверкая пятками.

Жрец осторожно отступил на шаг, напряженно глядя в Ракуру. Спohвагившись, Магистр попытался выглядеть как можно безразличнее. Парень ни в чем не виноват. Неизвестно, что заставило мага стать жрецом, но это его выбор. Уолт, конечно, подобного не одобрял, но это мнение Уолта. Пусть Игнасс хоть вешается, если захочет. Главное, чтобы другим смертным не навредил своим поступком.

— Простите, отец Игнасс, но мне пора, — делая вид, что прислушивается к чему-то, сказал Ракура. — Наша работа здесь выполнена, и мы возвращаемся в Школу.

— Благослови вас Грозный Добряк за славное деяние, — богослужитель улыбнулся, осеняя Уолта крестом. Магистр слабо улыбнулся. Райтогловрины утверждают, что крест означает соединение двух противоположных путей (а именно Грозной и Доброй Ипостаси) и является изначальным символом Грозного Добряка. Но любой интересующийся магосемиотикой или магическими символами знает, что крест использовался еще Магами-Драконами для обозначения единства Неба и Земли, мира горнего и дольнего. А о множестве других магических систем можно было и не вспоминать: в той или иной мере они основывались на чарах Магов-Драконов, которые и обучили смертных волшебству.

— Однако подумайте еще раз о нашем разговоре, — попросил жрец. — Это сущая малость, разве нет?

— Подумаю, — сказал Магистр.

Ага, как же. Уолт собирался забыть и задание, и жреца, как только отряд вернется в Школу. Думать он собирался только о магии крови и, иногда, о пиве. Или наоборот, кто знает.

Магистр уходил, а жрец стоял и внимательно смотрел ему вслед. Когда маг скрылся из виду, богослужитель ухмыльнулся, выбросил буклеты и поспешил следом за чародеем. Неожиданно он словно растворился в воздухе. Успей Магистр заметить происшедшее с отцом Игнассом, он бы удивился, узнав вязь заклятий, которую до этого использовала Дайра. Аура жреца не являла ни малейшего намека на такой же, как у Грантер, уровень оперирования Силой. Но Уолт не видел. Вообще никто не видел: улица пустовала, а каменные одно- и двухэтажные дома взирали на нее закрытыми ставнями. Город притих и затаился, словно чувствовал, что в его обыденность готовится вторгнуться нечто необычное.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Создание портала из ничего — долгое и нудное занятие. Это относится к любому заклинанию, но когда дело касается Переходов, то нужно учитывать еще и фактор сопротивляемости пространства. Заклина-

ние представляет собой совокупность заклятий, простых преобразований эфира в более сложные. Эфир разными способами проявляет себя в материи, сознании, информации, времени, пространстве и прочем. Что касается пространства, то тут дело осложняется тем, что постоянно приходится принимать во внимание три его разных вида: пространство всего мира, пространство вещей этого мира и пространство сознания, пребывающего в мире и оперирующего вещами. Вообще создание Перехода дело неблагодарное, если он не закреплен специальными ритуалами или не является естественным источником. Портальные Свитки обычно помогают избежать проблем с первым при отсутствии второго, представляя собой компактную форму длительной магической церемонии по преобразованию пространства. Однако Конклав запрещал использование портальных Свитков в пределах определенных территорий Равалона. Как всегда особо не распространяясь о причинах. Нет, маги уровня Архиректора наверняка знали эти причины, но чародеи вроде Уолта могли только догадываться.

Город Террокс, где отряд Магистров выполнял задание, располагался как раз на запретной для портальных Свитков территории. Переходы в Терроксе разрешалось создавать только вручную. Впрочем, как заметил Джетуш, для открытия портала в городе было полно идеальных мест. Естественные источники Переходов практически встречались на каждом шагу. И внезапно оказалось, что все они исчезли.

Семеро боевых магов сидели в гостиничном номере и думали. Сидели, точнее, только шестеро. Джетуш расхаживал по комнате и думал. Уолт, Ксанс, Бивас, Бертран и Эльза расселись за круглым столом посреди комнаты. Дайра демонстративно расположилась в кресле в углу комнаты, подальше от остальных.

Уолт снял с себя плащ и наконец-то остался в простой одежде. Штаны и сапоги, рубаха и камзол — что еще надо боевому магу? Только побольше боевых заклятий в ауре и верные товарищи. Сумка со Свитками рядом, складной магический посох под рукой, в одном из Локусов Души заботливо приготовлен схрон с Острым Запасом, и так приготовлен, что, сработай рядом даже орб, пожиратель магии, Уолт все равно с легкостью достал бы меч из привязанного к ауре субпространства. Ну и еще пара магических секретов за пазухой — в переносном смысле слова, разумеется.

Бивас и Бертран были одеты, как и Ракура. Ксанс по неизбывной традиции Ночных эльфов носил облегающую серую одежду с кучей серебряных вставок. Только в левом ухе эльфа поблескивала золотая сережка, которая на самом деле была не украшением, а мощным штурмовым заклинанием.

Эльза предпочитала давать знать, что она Магистр. Обтягивающие кожаные штаны, по которым змеились надписи из рун, неизменно приковывали взгляды местных мужчин, для которых женщина и ворох юбок были неразрывными понятиями. Вместо сорочки магичка носила сплетенную из мелких колец кольчугу. Кольчужная рубашка была создана из мягкого мифрила, сплава, недавно открытого гномами. Он стоил безумное количество денег из-за своих качеств, делающих его

практически невесомым, но не менее крепким, чем традиционный мифрил. Именно поэтому кольчуга не наносила вреда коже Эльзы. Поверх кольчуги магичка надела легкую куртку с символом Школы Магии на рукавах — изображением скрещенных волшебных посохов на фоне рун «Sholias» и «Maagir». На поясе в ножнах висел маленький кинжал из солнечного золота. Еще одна безумно дорогая вещь. Что ж, внучка королевского боевого мага Олории могла себе позволить подобное. К тому же Уолт должен был признать, что ей идет этот стиль.

Дайра куталась в плащ, такой же, от которого недавно избавился Уолт. В ее случае Ракура тоже вынужден был признать: черный Бести шел. Казалось, будто вокруг Дайры клубилась тьма. Это сильно подчеркивало тот образ, который Грантер стремилась создать. И образ подходил ей, что уж тут поделать. Мрачная, но симпатичная.

Джетуш тоже носил плащ, но не черный, а красный, расписанный самыми разнообразными символами Стихии Земли: от простых пиктограмм карликов до сложных иероглифов Земных эльфов.

Уолт рассеянно вертел в руках ритуальную фигурку бога Гурмеса, Хозяина Всех Путей. Фигурка божка по форме была идентична гурмам, мраморным колоннам с каменной головой на вершине, которые стояли на каждой дороге в Роланских королевствах. Наследие сгинувшей в веках Роланской империи пережило своих создателей. Давно никто не строит новые тракты, давно никто не ставит новые гурмы, но все равно каменные головы следят за всем, что творится на путях новых государств. И дают возможность магам создавать порталы из любой точки Роланских королевств. Однако почему-то сейчас фигурка не сработала. Эльза и Джетуш провели обряд, создали заклинание — и ничего. Преобразованная ноэзисом чародеев Сила влилась в статуэтку, стремясь использовать ее ноэму, однако гиле пространства даже не шелохнулось.

Совершенно ничего. Прямо как в исследованиях Уолта. Два года он корпел над магическими структурами крови, пытаясь выполнить обещание, данное после боя с одним из самых ужасных чудовищ, с которыми Намина Ракура когда-либо встречался. Целый год Уолту казалось, что он продвинулся дальше своего предшественника, но неожиданно возникли препятствия, преодолеть которые арсенал современной теории и практики магии крови не помогал. А ведь не за горами был конец аспирантуры, экзаменационный Вызов Воплощения элементарей и защита кандидатской. Не говоря уже о множестве иных мелочей, связанных с различными проверками Уолта на пригодность профессии боевого мага. И самая худшая из них — это та, которая с Великими боевыми заклинаниями...

Намина Ракура печально вздохнул. Как тут не вздохнуть, тем более печально? Из Великих боевых заклинаний он сумел овладеть только Разъяренным Фениксом, да и то было запрещено Конклавом. Однако когда толпы Тварей рвутся к Алым равнинам, а вас только двое, на запреты особо не обращаешь внимания. Джетуш обучил Уолта Фениксу за считанные дни, но те дни Ракура не забудет никогда. Такого насилия над Локусами Души нельзя забыть.

— Послушайте, мне одному кажется наше нынешнее задание дово-

льно-таки странным? — вдруг спросил Бертран. Рыжеволосый, плечистый, на лице — печать десятков поколений северян, хирды которых радостно грабили все, что попадалось им на пути. Бертран замечательно смотрелся бы в гуще сражения, рубя своих врагов напополам, от плеча до поясицы. Однако Бертран был миролюбив, а в боевой магии предпочитал больше всего теоретический ее аспект.

— Понимаете, мне город сразу показался подозрительным, — продолжил Бертран. — Ну как бы объяснить... Он же никакой!

Уолт согласно кивнул. Город действительно был никакой. Серые дома, серые улицы, серые площади. Только огромные склады гильдии выбивались из серого бытия города, колоссами возвышаясь над домами. Даже ратуша, центр городской власти как-никак, выглядела неприметной. В первый день пребывания боевых магов в Терроксе бургомистр, в чьи обязанности входила встреча официально прибывших чародеев, сам пришел в гостиницу и скромненько поскребся в двери. Тихая, меланхоличная личность, по сути. Он печально поприветствовал Магистров, будто уже тогда догадывался, что им за работу полностью не заплатят (а может, знал, ведь представительство гильдии под боком не первый год), и осведомился, не нужно ли им чего. Фигурой и тоном голоса он прямо-таки умолял, чтобы нужно ничего не оказалось. Уолту его даже стало жалко, хотя чего жалеть первое лицо города? Магистры ничего не потребовали, и бургомистр, печально улыбнувшись, пригласил их заходить в ратушу, если будет время. Фигура и тон при этом не изменились.

И вроде пересечение дорог рядом, все условия для развития, но жизнь здесь кипела только в представительстве Торговой гильдии. Смертных на улицах было мало, раз-два и обчелся, а в гостинице номер занимали только они, Магистры, да приезжие купцы. Хотя, стоит отметить, по вечерам в кабаках сидела масса народу, и гулял люд обычно всю ночь.

— Не обращайтесь внимания, — отмахнулся Джетуш. — Обыкновенный город контрабандистов. А гильдия им потворствует, доля у нее в этом несомненно. Однако думаю, до королевских служб кое-какая информация скоро дойдет, — он нехорошо улыбнулся.

Уолт невольно посочувствовал Торговой гильдии Великой Франкии. Джетуш был оскорблен — а оскорблять Земного мага остерегались даже Младшие Владыки элементарей. В магическом мире все знали историю о том, как исчезла гора Арай из Ничейных земель вместе с Каменными Змеями, посмеявшимися над смертным, который по-хорошему предложил им никогда больше не появляться вблизи южных деревень Когессы и не посягать на крестьянский скот и самих крестьян. В горе еще оставался *отпечаток* бога, некогда обитавшего в ней и исчезнувшего по непонятной причине, и Каменные Змеи всю пользовались остатками его Силы. Точнее, пользовались, пока на склонах Арая не появился Джетуш Малауш Сабиирский.

— Надо понять, почему пропали потенции порталов, — сказал Ксанс. — С чем это связано. Дело может быть и не в нас, не так ли?

— Думаешь, совпадение? — недоверчиво спросил Бертран.

— Может, и совпадение, — не дав ответить Ксансу, сказал Дже-

туш. — Я уже проверил. Никакой волшбы, направленной против нас. Потенции порталов исчезли... ну, если прибегнуть к метафоре, то они исчезли, как иссякнувший родник. Природа забрала их обратно в свое лоно. Никакой магии.

— А если это не магия смертных? — Уолт выразительно помахал фигуркой.

— Боги? Зачем им это понадобилось?

— А вот это мы и должны понять, прежде чем... прежде чем начнутся другие странности. — Уолт поставил фигурку на стол. Да, если это Бессмертные, то лучше заранее подготовиться.

— На Прорыв не похоже, — задумчиво продолжил Ракура. Остальные аспиранты с завистью покосились на него, даже Дайра. Он был единственным из них, кто участвовал в закрытии Прорыва Тварей. А для боевого мага закрыть Прорыв означало многое. Это практически сдача всех тестов на квалификацию, разве что неофициальная. Считалось, что Уолт получил доступ в некоторые недоступные для общего пользования отделы библиотеки Школы как раз по причине закрытия Прорыва на Алых равнинах. Ошибались, правда, но Уолт поддерживал эту версию. Знать, за какие заслуги перед Школой Архиректор позволил Ракуре листать некоторые запретные фолианты, широкой общест-венности было незачем. Совершенно.

— Если ты имеешь в виду классический Прорыв, то да, не похоже, — сказал Джетуш. — Однако сразу замечу, что и на неклассический тоже. Если, правда, нам не повезло повстречать новую разновидность.

— Фюсис, боги, убоги, — перечислил Уолт. — Если Фюсис, то, как я понимаю, мы спокойно можем покинуть город в дилижансе. Если боги, то я живо поймаю святошу и заставлю его испросить для нас защиты у Грозного Добряка. Пообещаю ему, что раскаюсь, приму постриг и уйду миссионером в Преднебесную империю, обращать тэнгу в истинную веру. А если убоги, то опять же обратимся к святоше, и стоит Разрушителью здесь появиться, как Грозный Добряк самолично явится отдубасить нарушителя Договора. Он их, если не знаете, очень не любит.

— В последнем случае от Террокса камня на камне не останется, — покачал головой Джетуш. — Нет, Уолт, если это Бессмертные забавляются, то нам нужно уходить подальше от города. Жителей наши проблемы затронуть не должны.

— Если только... — вдруг сказала Дайра и замолчала.

— Да, Дайра? У тебя есть версия?

Стоит заметить, что Джетуш, хоть и был холоден с Грантер, но не игнорировал. Уолта Дайра раздражала, и ему нередко приходилось сдерживать эмоции, если он был вынужден общаться с Бестией. Гордость и гордыня — вещи разные, и если первое Ракура уважал, то второго терпеть не мог. А в Дайре бурлила гордыня напополам с уверенностью, что она переплюнет в Великом Искусстве всех магов Равалона. Поскольку все, кто не Дайра, дураки и вообще. Тем не менее, ведя практические занятия по боевой гидромагии, Уолт старался оценивать Дайру объективно. Как-никак должность младшего преподавателя обязывала.

— Если только дело не в самом городе, — сказала Темная Бестия. —

Это как в книге Тулкара Небесного. Пропадавшие города. В них тоже исчезали источники порталов.

— Пропадавшие города? — нахмурился Джетуш.

— Что еще за книга Тулкара Небесного? — спросил Бивас. — Никогда о такой не слыхал.

— Не удивительно. Она написана не на всеобщем языке, а на высокой макатыни, которую сейчас знают только те, в чьих жилах течет благородная кровь, а не такие, как ты, — бросила Дайра в ответ.

«Она нервничает», — подумал Уолт. В присутствии Джетуша Бестия обычно не позволяла себе подобных выпадов.

— Я знаю высокую макатынь, — сообщил Бертран. Дайра злобно глянула на него. — Нас ей жрец Граммара в приходской школе обучал. А книга Тулкара Небесного — это написанный двести лет назад придворным магом Тагбора свод мифов о магии Небесного Града и Нижних Реальностей.

— Я как-то листал эту книгу, — кивнул Джетуш. — Скучная вещь, стоит сказать. Куча сплетен и ни одного научно подтвержденного факта.

— А у нас в Ночных лесах все знают, что Тулкар, когда приезжал на наши лечебные источники, просто украл книжку сказок и переделал в этот свой свод, — не преминул сообщить ухмыляющийся Ксанс, стараясь не смотреть в сторону Дайры.

— Вот даже как? — удивился Джетуш. — Ну, боги ему судьи. Если честно, я смутно помню, что там говорилось о пропавших городах. Дайра, не могла бы ты осветить этот вопрос?

— Что здесь освещать? Пропадавшие города — это пропадавшие города. Цитадели эльфов, гномьи крепости, человеческие поселения, которые однажды просто исчезли вместе со всеми населявшими их смертными. А в некоторых городах пропали только смертные. Пустынные улицы, пустые дома, все говорит о том, что они спокойно начали новый день — и в один миг исчезли.

— Ага, — Ксанс довольно закивал. — У нас баллада такая есть. О Пирусе Храбрце и Черном городе. Пирус как-то во время своих путешествий попал в Черный город, где никого не было. И вот идет он по городу, а тут его...

— Подожди, Ксанс. Дайра, ты говорила, что перед исчезновением городов пропали источники порталов. В той книге, которую я листал, об этом не было ни слова, это точно, такое запоминается.

— Это потому, что в библиотеке Школы неполная версия книги Тулкара. Единственный полный экземпляр, написанный *самим Тулкаром*, — тут Грантер бросила на Ночного эльфа уничтожающий взгляд, — хранится в сокровищнице короля Тагбора, и читать его могут лишь избранные. Тулкар писал, что подобное событие свершилось и при его жизни. Тогда в Тагборе исчез пограничный гарнизон, полностью исчез, с казармами и пристройками. Тулкар проводил расследование и был удивлен отсутствием источников для Перехода. И он предположил, что подобным образом обстояло дело и в пропавших городах, ведь в них жили Великие маги, способные в случае непосредственной опасности открыть Переход и уйти.

— Это тоже может быть проявлением Фюсиса, — задумчиво сказала Эльза. — Мы до сих пор не знаем, как появляются Заводы. Возможно, это действительно изначально части нашего мира, выведенные из него.

«А она голова. Палец даю на превращение, что никто, включая Джетуша, о Заводах не вспомнил!» — подумал Уолт. Да, Заводы. Автономные субпространственные континуумы, выражаясь научно. Альтернативное название прижилось, когда Скользящие, маги, специализирующиеся на путешествиях в другие реальности, в ином измерении набрали на пространственные образования, которые в том мире так и назывались: Заводы. Целые острова с холмами, равнинами, лесами, горами, реками, озерами, зверями и птицами, а иногда еще и с разумными смертными. И висели эти острова над некой синеватой бездной без начала и конца, одновременно являясь и не являясь частью Равалона. Попасть в них возможно было только через порталы. Все дело в метрике пространства и материи как структуре отображения конечных единиц бытия — именно так однажды сказал Уолту Алфед Лос, когда они сидели в таверне. Уолт запивал пивом очередную неудачу в эксперименте, а Алфед просто говорил, даже не обращая внимания, слушает его товарищ или нет. Впрочем, Алфед разбирался в таких тонких материях, в каких Ракура мог честно признать себя полным профаном, и поэтому Уолт всегда его слушал.

Больше всего этих внеположенных основному миру кусочков пространства-времени располагалось в Снежной империи. На Ундориане это государство, по сути, занимало небольшую часть суши, протянувшись тонкой полосой от Эквилидора и Пограничья к Ледяному морю. Но, учитывая Заводы, которые Снежная империя завоевала, размерами *всех* территорий страна могла сравниться с Серединными землями. А это, знаете ли, немало.

— Предположим, Заводь. — Джетуш согласно кивнул. — Однако есть одна неувязочка со всеми нашими теориями. Одна потенция портала все-таки осталась. Мои элементали только что ее обнаружили.

Земной маг взмахнул рукой. Над столом появилась светящаяся модель города. Уолт присмотрелся. Масштабы выдержаны точно, вот гостиница, вот представительство, вот ратуша, а вот злополучные склады. А красная мерцающая точка в длинном полутораэтажном здании неподалеку от ратуши, стоит полагать, источник портала, о котором говорил наставник.

— Что скажете? — Земной маг внимательно смотрел на подопечных.

Бертран высказался в том духе, что это странно, что все потенции Переходов пропали, а эта осталась. Бивас прямо сказал, что перед ними ловушка и надо идти бить восток морды. Ксанс предположил, что порталы возвращаются, и этот — провозвестник остальных. Дайра предпочла отмолчаться. Эльза, хмурясь, заметила, что, вероятно, Бертран и Бивас правы.

— Уолт?

— Смутные предположения, учитель. В магии пространства загадок не меньше, чем в магии крови. Но что-то мне подсказывает, что портал может дать нам ответы на все интересующие вопросы. — Уолт подумал

и добавил: — Если мы все-таки не решим воспользоваться дилижансом.

— А мы им не сможем воспользоваться, — спокойно сообщил Джетуш. — Я послал несколько элементарей на разведку. Вокруг города непроходимый Коловорот, вплоть до неба. Такого уровня, что и Архиректор заблудится, и не в трех, а в одной сосне.

— Значит, у нас нет выбора, учитель. — Уолт решительно поднялся. — Нужно идти к источнику. Если времени в обрез, а я предлагаю считать, что в обрез, то лучше мы подготовим все на месте, будь это хоть Заводь, хоть Бессмертные.

— Согласен с Уолтом! — выпалил Бивас. — Покажем тут всем, где раки зимуют!

— Если появится бог или убог, Бивас, то, боюсь, показательные демонстрации пройдут с осложнениями. — Джетуш хмурился. Уолт понимал его чувства. Будь Земной маг один, он бы уже плел сеть боевых заклинаний вокруг потенции портала, готовясь к самому худшему. Но Джетуш отвечал за них. За чародеев, которые и первого разряда по боевой магии еще не получили. И если что-то случится, если они в Терроке останутся навсегда, а Земной маг выживет, то он никогда себе не простит происшедшего.

Но ничегонеделание могло закончиться тем же. Джетуш отлично это понимал. Как и Уолт. Он внимательно смотрел наставнику в глаза. Молодой и старый Магистры прекрасно обходились без телепатии. Когда земля стонет, небо визжит, Многогранные Щиты трещат и разлетаются один за другим, а Твари вот-вот прорвутся, и их так много, что не помогут и доспехи Святой Защиты, и только Разъяренный Феникс, выворачивая Локусы Души наизнанку, способен снести Кокон, откуда все прут и прут убожьих порождения, и вы наконец его создали...

После такого можно обойтись без слов.

«Мы справимся. Не можем не справиться...»

Главное самому в это верить. Да, Уолт?

— Так или иначе, выбора у нас нет. — Джетуш отвернулся, тяжело вздохнул. — Нам придется идти к источнику.

— Будем создавать Круг? — тут же деловито поинтересовался Ксанс.

— Свитков у нас немного, но тех, что есть, может хватить для Печати Времени, если переработать их маговектор. — Бертран уже рассчитывал, как сражаться, если что, с Бессмертным. Печать Времени. Заклинание, требующее много Силы, но в результате способное заморозить время даже для Бессмертного. Волшебство из арсенала Магов-Драконов, первых смертных чародеев, решивших потягаться с богами. Впрочем, имелись средства и помощнее. Уолт узнал о них, посидев в малодоступных отделах библиотеки, и потом не раз об этом жалел: Архиректор наложил на него заклинание, которое должно было спалить мозг Ракуре, вздумай тот болтать о разработках Школы и Конклава. Впрочем, Эвиледаризарукеерадин милостиво пообещал избавить от заклинания, когда Уолт достигнет второго разряда и будет подключен к этим самым разработкам. Оставил свободу выбора, понимаешь...

Так или иначе, но сейчас команда Магистров способна создать только Печать Времени. Достаточной для заклинания Силой обладает Джетуш, а в создании необходимых сложнейшихмыслеобразов незаменим Бертран — в конструированиимыслеформ рыжий превосходил некоторых боевых магов первого разряда, не говоря уже о товарищах по команде. Хотя с помощью Эльзы и Дайры дело пойдет еще быстрее.

А Уолт с Ксансом и Бивасом, по всей видимости, займется Кругом. Уолт трезво оценивал свои способности и понимал, что в данной ситуации стоит заняться той работой, с которой он справится лучше всего.

— Подождите! — Джетуш мрачно посмотрел на своих подопечных. — Хорошо уясните, что мы отправляемся не на увеселительную прогулку. Нас, возможно, ждет бойня. Возможно, кто-то погибнет. Мы должны быть предельно осторожны. Это не Когесский карнавал. Это даже не Прорыв, а вообще непонятно что. А непонятно что хуже всякого Прорыва, потому что с ним совершенно неясно, как бороться.

— Живем лишь раз, — пожал плечами Уолт. И осклабился: — Неужели думаете, что мы пойдем на убой как безвольные коровы? Учитель, уж кто-кто, а вы знаете, на что способен каждый из нас! А мы знаем, на что способны вы. С вами хоть в Пятый Круг Нижних Реальностей — щекотать пятки Архилорду!

Главное — скалиться и вещать бодряючуюшь. Чтобы мрачные мысли не мешали работе. Чтобы остальные взбодрились. Чтобы просто эта дурацкая атмосфера ушла, исчезла, сгинула...

— Он прав, командир. — Бивас стукнул Уолта кулаком в плечо. — Хрена лысого мы погибнем!

— У меня дома еще куча дел, учитель. — Ксанс вскочил, огладил куртку. — За фамильным древом следить, на симпатичной эльфичке жениться. Мне погибать незачем.

— А я еще до конца не обосновал возможность создания заклинания Уничтожения Всего Мира, — задумчиво протянул Бертран.

Эльза просто рассмеялась. И этого оказалось достаточно, чтобы парни выпятили подбородки и принялись грозно посматривать в окно на улицу, словно именно там находился осязаемый неприятель, которому можно накостылять по шее. Уолт улыбнулся и...

Ракура вздрогнул, удивленно моргнул. Какая-то мысль только что ушла из сознания, простая мысль, которую он, однако, никак не мог вернуть.

— Идиоты, — проворчал Джетуш, обводя взглядом ухмыляющихся молодых магов. Посмотрел на угрюмую Дайру.

— Да я скорее сама схохну, чем дам себя кому-нибудь убить! — выпалила Грантер.

— Хорошо, если вы решились, то пора приступать. — Джетуш совершил несколько пассов руками, и модель города превратилась в модель площади, где мерцал источник портала. — Слушайте внимательно...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

— Учитель, мне кажется или *этого* ваш план не учитывал? — спросил покрасневший Ксанс, рассеивая Вторые Глаза, заклинание магического зрения, позволяющее чародеям видеть магические потоки и смотреть сквозь физические преграды.

— А может, и учитывал... — пробормотал Уолт, поглядывая на Земного мага. Джетуш Вторые Глаза убирать не спешил и радостно пялился на терму. А точнее, внутрь термы. Местом, где осталась одна-одинешенька потенция портала, оказалась общественная баня. И сегодня в ней был женский день.

За термой, было заметно, следили и ухаживали. Если большинство строений в городе выглядели старыми и даже заброшенными, то терма казалась только что построенной. Хоть она и не была ровней складам Торговой гильдии, но заметно выделялась среди остальных зданий. Стены покрыты мозаикой, мраморные колонны на входе сияют. Вдоль стен расположены скульптуры, растут цветы. Бронзовые двери и окна тщательно отполированы. Смотришь, и кажется, будто Роланская империя никуда и не исчезла, что сейчас зазвучит на улице благородная макатынь, и присланные из Ролана седовласые управители города в белоснежных тогах неторопливо поднимутся по ступеням, дабы обсудить дела политические и культурные.

Однако стоило взглянуть на грязную улицу, посмотреть на унылые лица многочисленных лавочников на площади, стоило только оглядеться вокруг — и призрак древнего Ролана мгновенно растворялся в серости города.

— Ученики, неужели не понятно, что я вношу необходимые корректировки в начальный план? — Джетуш, продолжая смотреть на терму, махнул рукой, подзывая Грантер. — Кое-что придется поменять. Дайра, ты сейчас зайдешь в баню и всех оттуда выгонишь.

— А почему я? — возмутилась Бестия.

— Остальные, видишь ли, хм... мордами не вышли. Тебе повторить приказ?

— Не надо.

Поручение Дайра выполнила. Со всем прилежанием. Вложив в него всю душу. И конечно же желая подразнить Джетуша. Не прошло и минуты, как магичка зашла в баню, — из здания с истошными воплями начали выбегать женщины. Многие неслись в чем мать родила, заставив Ксанса стать совсем пунцовым, Бертрана ухмыльнуться, а Биваса... Бивас был занят важным делом: готовил Четырехфазовое заклинание Стихий, и какие-то там голые бабы не могли отвлечь Магистра от подготовки к желанным разрушениям.

— Учитель... — Уолт вежливо потянул Земного мага за плащ. Джетуш с сожалением прекратил созерцать нагой марафон и раздраженно проворчал:

— Да-да, помню. Бертран, усыпи лишних свидетелей.

Под лишними свидетелями Земной маг имел в виду лавочников, которые сейчас, разинув рты, смотрели вслед убежавшим женщинам.

Кроме торговцев возле бани больше никого не было. Только боевые маги, изменившие обличья. Каждый, кто смотрел на них, видел перед собой только семерку гномов с выделявшимися на фоне темных камзолов и штанов серебряными поясами Торговой гильдии Великой Франкии. Кроме фальшивых личин Джетуш позаботился и о том, чтобы в гостинице остался морок, изображавший пьянку Магистров.

Бертран блестяще справился с задачей, окутав лавочников синеватыми облачками, отправившими их в страну сновидений. Магистры покинули находившуюся на другой стороне улицы от бани торговую палатку, владельца которой незадолго до этого усыпили, прошли через площадь, по которой только что пронеслись нагие женщины, и вошли в баню.

Терма выглядела великолепно и внутри. Внутренний коридор выдраен до блеска, журчат небольшие фонтанчики, орнаментальные росписи покрывают стены. Везде чистота и порядок. Обязательные для всякой термы статуи богини Яхиры, омывающей водой из кувшина своих детей, здесь имелись в предостаточном количестве. Уолт насчитал штук десять, не меньше. А не перебор? Хоть Яхира и являлась покровительницей чистоты, как физической, так и духовной, но столько культовых изображений в одном месте — это скорее уже храм, а не терма...

Что-то мелькнуло в сознании Уолта. Какая-то догадка. Она была близко, но он никак не мог ее поймать.

— Поторопимся, — сказал Джетуш. — Женщины голышом здесь, скорее всего, не каждый день бегают. Скоро появятся стражники, а с ними нам иметь дело не стоит.

— Почему, командир? — удивился Бивас. — Один пульсар — и всего-то делов!

— Один пульсар... — проворчал Джетуш. — Это у тебя в голове один пульсар. Вместо мозгов. У здешних полицейских орбы. С клеймом Конклава. Не заметили, что ли? Я так и думал. Вам еще лет сто нужно, чтобы стать хорошими боевыми магами...

— Но откуда у простых полицейских орбы Конклава? — Уолт нахмурился.

— Хороший вопрос. Хотел бы я знать ответ.

Они уже почти подошли к тому месту, где Земной маг ощущал потенцию поргала. Из соседнего коридора, ведущего в тепидарий, помещение со слегка теплой водой, появилась Дайра.

— Приказ выполнен, учитель, — сообщила она.

— Мы заметили, — сухо ответил Джетуш, не останавливаясь. — Чем это ты их?

— Иллюзией, — Дайре пришлось ускорить шаг, чтобы поспеть за Земным магом. — Простой иллюзией без всякой сенситивности. Люд здесь к такому не привыкший, это не столица Тагбора, где первоклассные фантомы на каждом шагу.

«Потрясающе. С людей она перешла на города...» — подумал Уолт. Они вышли в просторный зал с рядами лавок и маленькими столиками. Здесь после парилки и ванн можно было предаться разговорам по делу или просто так. Особо этот зал выделялся тем, что в бронзовые переплеты огромных полукруглых окон, расположенных под самым по-

толком, были вставлены тонкие пластинки из полупрозрачного камня цвета слоновой кости. Из-за этого зал будто освещался ровным золотистым светом. Но кроме этого весь пол и потолок покрывали изображения Яхиры, на столиках стояли маленькие кувшинчики, один в один похожие на тот, который богиня держала в руках, а на стенах мозаикой было выложено ее имя на макатыни.

— Вот в чем дело... — протянул Ракура.

— Что ты заметил? — Наставник, как всегда, сразу уловил главное.

— Вся терма, по сути, один огромный символ Яхиры. Образов и знаков настолько много, что они, уверен, связаны с богиней эфирными нитями. Можно только удивляться, что нас еще не встретила она сама.

— Да. — Эльза замерла и коснулась ближайшего изображения Яхиры. — Я чувствую... вибрация Порядка... Здесь все условия для божественной эпифании.

— Что бы за Сила ни накрыла Террокс, она не совладала с божественным эфиром. — Уолт обвел взглядом помещение. — Сакральный семиозис Силы просто зашкаливает. Тут достаточно малейшей мыслеформы истинно-святого, чтобы раскрыть Врата в Небесный Град.

— Ну, среди нас таковых нет. — Джетуш слабо улыбнулся. — Так что план остается прежним. Зато хотя бы понятно, кто решил затеять эту игру.

— Кто же?! — Взор Биваса пылал такой страстью к битве, будто Магистр собирался не только разобраться с неведомым противником, но и достать всех его родственников до седьмого колена.

— Убоги, — ответил вместо наставника Уолт. — Или убог. Божественная Сила ближе к магическим энергиям Природы, и символика Яхиры не помешала бы Фюсису забрать свой портал. Но не прямое влияние убогов, с которым мы, по всей видимости, имеем дело, совладать с божественными эманациями не в сила. Это место воистину символ чистоты, раз смогло выдержать чары Нижних Реальностей.

— Будем надеяться, что так оно и есть. — Джетуш сосредоточился. — Все помнят, кто что должен делать?

Магистры кивнули.

— Тогда начнем.

Бивас, Ксанс и Бертран принялись плести сложное многосоставное заклинание, сконцентрированное на цепи Четырехфазок. Уолт даже вздрогнул, ощутив, с какой скоростью Бертран обрабатывает мыслеобразы товарищей, переводя их ноэзисы в единое взаимодействующее целое. Бертран сейчас выполнял самую трудную работу. Гиле, ноэма и ноэзис. Три составляющих любого чародейства. Гиле — это материал, вещество, элементы, которые использует маг. Ноэма — Источник Силы, к которому маг обращается, природный, божественный или убогский. Ноэзис — те действия, которые маг производит, чтобы соединить ноэму и гиле, как мысленные, так и физические. Ритуалы, обряды, песнопения, вербальные означающие заклинаний, сложные образы, созданные при помощи воображения, и тому подобное — все это элементы ноэзиса. Чем опытнее и могущественнее маг, тем меньше элементов ему необходимо. Это, впрочем, не отменяет факта, что ноэзис самая

сложная часть магического процесса. Чародей может быть способен взывать к Изначальным Силам, способен работать с материей мироздания на уровне эфира. Но если при этом маг не может создавать мыслеобразы, ментальные формы, которые переводят магические энергии окружающего мира в личную Силу волшебника, то и Изначальные Силы, и эфир ему не по зубам.

Грантер бегала по залу и кинжалом чертила на стенах Фигуры, больше всего похожие на переплетения рун и иероглифов. Следом за ней шла Эльза, вливая в знаки Силу. Фигуры наливались багрянцем, и вскоре весь зал утонул в багровых тонах.

Уолт и Джетуш делали то же, что и недавно. Проводили обряд для открытия портала. Но в этот раз все обстояло иначе. Джетуш изменил ноэму, из которой они брали Силу. Теперь это был не Гурмес.

Потенция естественного портала зачастую проявляет себя самым неожиданным образом. Переход способен раскрыться, например, в старинном шкафу или кроличьей норе. После попадания в естественный портал может произойти что угодно, начиная от совершенно ничего, кончая путешествием в другой мир, где вас могут схватить кошмарные, одетые в броню твари с могучими крыльями. Опытные маги конечно же заставят любой портал работать как нужно. Особого успеха в этом добились Скользящие, работающие на Конклав и Школу Магии, могущественные чародеи пространства, которые частенько отправлялись в другие реальности для изыскания любопытных артефактов или подписания договоров о сотрудничестве с иномировыми магическими орденами и гильдиями. Однако, подчинив себе пространственные туннели, чародеи все равно не имели ни малейшего представления об их природе. Любимым сравнением Уолта для данной ситуации был образ шамана, который использует молнию для колки орехов. Не по делу, но орехи-то раскалываются!

Стоило признать: Конклав не просто так запрещал работать с естественными порталами. Хоть самодуров и глупейших ограничений Высший совет наплодил немало, но часто эти ограничения основывались на большой крови, которой могло и не быть, появившись запреты раньше.

Ладно, Уолт. Не о том думаешь. Сейчас все внимание надо сосредоточить на другом...

Фиолетовый зародыш Перехода первым заметил Ксанс, негромко свистнул и кивком головы указал на появление портала. Небольшой, величиной с кулак овал возник из ниоткуда посреди зала и принялся стремительно увеличиваться в размерах. Подул ветер, принес с собой запах березового сока.

Уолт внимательно следил за порталом. Его главной целью сейчас было удержать Переход. Любой ценой. Даже если заклятия будут рвать тело на части, а сознание обратится в сгусток безумной боли.

Джетуш сосредоточенно оглядывался по сторонам.

Если кто-то хотел помешать Магистрам, то сейчас наступил самый подходящий момент. Портал был нестабилен, еще не принял форму, достаточную для Перехода. Да, боевые маги приготовились к встрече неожиданных гостей, но если эти гости Бессмертные, то они выдержат

минуту-другую те неприятные ощущения, которые может доставить им Печать Времени, и некоторые заклинания, на которые способен экселенц магии Земли.

Но никто не появлялся. Овал увеличивался, и вместе с ним росло напряжение.

Уолт мельком глянул на тройку готовивших Четырехфазки Магистров и поразился. Они сотворили уже двадцать пять Четвериц! Двадцать пять заклинаний, в которых одновременно присутствовали все четыре основных Стихий!

Пределом лучшего из боевых магов было создание десяти Четырехфазок. Для них, только заканчивающих аспирантуру, пяти. Бертран весь взмок. Он уже помогал своей волшебке жестами, быстро складывая ладони в такие причудливые фигуры, перед которыми южные мудры брахманов являлись простой разминкой пальцев. Великий Перводвигатель, Бивас, и Бертран умудрились превзойти не только самих себя, но и опровергнуть один из постулатов боевой магии, гласивший, что на создание Четвериц количество магов не влияет. То есть чем больше ты создаешь Четырехфазок, тем больше Силы у тебя «съедает» каждая последующая. Круг Чар, считалось, в этом деле не поможет. Ан нет! Помог... Или...

Или что-то было не так.

А что-то явно было не так.

Потому что выругался Джетуш, употребив такое черное богохульство, которого от него Ракура не слышал даже во время Закрытия Прорыва, когда неисчислимый поток Тварей окружил их, а энергия Доспехов Святой Защиты была уже на исходе.

— Бертран! — завопил Ксанс, с ужасом глядя на соратника.

Бертран продолжал манипулировать ноэзисами, без остановки создавая новые Четверицы. Он побледнел, пот лился с него ручьем, маг силился что-то сказать и не мог. Новое Четырехфазовое заклинание Стихий выжрало из него слишком много Силы. Бертран должен был остановиться на этой Четверице. Обязан был остановиться. Дальше его Локусы Души просто стали бы забирать энергию уже у организма, а не из оскудевшей ауры.

Но Бертран не остановился, несмотря на хлынувшую из носа кровь. Дрожащими руками он начал складывать новый Жест. И Сила в Четверицу хлынула, вытягивая ее из тела Магистра.

— Остановись! Хватит! — закричал Ксанс.

— Разорвите Круг! — рявкнул Джетуш. — Немедленно!

— Мы не можем! — крикнул Бивас. — Круг не отпускает!

— Проклятье!

— Учитель! — взвизгнула Дайра. Она снова подбежала к стене и стала чертить на ней Фигуру. — Учитель, я не могу остановиться!

— Я... — Эльза, побледнев, двигалась следом за Грантер, щедро подпитывая новый магический символ Силой. — Я чувствую чужую волю!

— Проклятье, — повторил Джетуш и посмотрел на Уолта. — Что с порталом?

— Продолжает открываться.

— Бросай.

— Что?

— Прекращай его открывать. Немедленно.

Делать нечего. И так понятно, что план летел в Тартарарам. А ведь все зависело именно от открытия Перехода. Появись в этот момент тот, кто все это затеял, даже бог или убог, и объединенного удара Четверичами и энергией Фигур хватило бы затолкать его в пространственный туннель. Уолт в свое время тщательно проштудировал все доступные (и почти все запретные) источники, которые рассказывали о возможных способах усмирения убогов и борьбы с богами. Он узнал много нового, о чем даже не мог помыслить. Например, сейчас у команды Магистров хватило бы Силы забросить любого явившегося Бессмертного в Переход. Когда Бессмертный выходит из измерения Небесного Града или Нижних Реальностей, то на краткий миг его аура, что дарит Бессмертие, сотрясается от смертных истечений мироздания, которые обрушиваются на носителя онтологического эфира. И в этот миг, пока эфир выдерживает тяжесть смертного мира, обращаясь в онтический, чары магов способны оказать наибольшее физическое воздействие на бога или убога. А на другой стороне портала Бессмертного уже ждали бы. В Школе Магии, куда и вел Переход. Встретили бы с распростертыми объятиями. Архиректор Эвиледаризарукерадин, сам полубог по олорийскому богу Солнца, терпеть не мог, когда кто-то из бессмертных родственничков влезал в дела его подопечных. И подготовил на этот случай пару сюрпризов. Узнай об этих сюрпризах Конклав, попытался бы засадить за решетку уже Архиректора, а то и казнить. Чернейшие из Черных магов ужаснулись бы созданным за долгие годы заклинаниям главы Школы.

Но это произойдет только в том случае, если открыть портал. А Джетуш приказал противоположное. Уолт привык доверять своему наставнику. И поэтому Ракура одним махом перекрыл путь энергиям, текущим из Локусов Души в заклинание, поддерживающее Переход. Точнее, хотел перекрыть. И не смог. Сила продолжала течь в пространственные чары.

Вот убожество! Вот в чем дело! Они просто не могут остановиться. И Бертран, и Дайра, и Эльза, и Уолт, и, видимо, остальные попали в ловушку. Хитроумную ловушку. Им не давали прервать создание чар. И заставляли плести все новые и новые заклятия, теряя Силу до тех пор, пока... Пока что? О такой магии Уолту слышать не приходилось. Но если Сила исчезнет, а творение чар не остановится, то заклинания просто пожрут жизненные силы магов.

Уолт стиснул зубы, посмотрел на Джетуша и покачал головой.

— Не получается.

— Ясно... — Джетуш прищурился. — Не хотел я к этому прибегать, но, видимо, придется...

На краткий миг стала видна аура Земного мага. Уолт зажмурился от яркого света, затопившего комнату. В следующий миг зал затрясся.

Земной маг начал создавать еще одно заклинание, продолжая вместе с Уолтом поддерживать заклятия для Перехода. Ноэмой для порта-

ла заранее было решено выбрать энергетические потоки земли. Уолт справедливо рассудил, что хотя работать с геоэнергией для создания Перехода, где нужны энергии Дороги, будет сложно, но при необходимости наставник сможет резко увеличить свою Мошь.

Резонанс между аурой Джетуша и Силой, которой с ним делилась земля, был настолько велик, что от плотности сырой магии, расплескавшейся в зале, начали трескаться стены. Зато Бертран перестал дрожать, лицо парня порозовело. Джетуш плеснул в его ауру Силу, и Магистру сразу стало легче.

«Но что дальше? — подумал Уолт, продолжая попытки прервать заклинание Перехода. — Наставник накапливает Силу, но если он так продолжит, то просто развалит баню. И где этот убоговский убог, если он есть?!»

Рост портала достиг той точки, когда сквозь него мог пройти даже огр. Стандартный размер. Обычное заклинание Перехода прекращало свое действие именно в этот момент, стабилизируя пространственный туннель. Но созданный Магистрами портал продолжил расти.

«Убогство!» — Уолт понял, что магическая энергия начала расходоваться быстрее, хоть Джетуш и подпитывал его Силой. Переход увеличивался и требовал энергии больше, чем обычно.

— Учитель! Портал!

Джетуш, который в это время протягивал канал для подпитки Силой Эльзе, резко взглянул на фиолетовый овал, уже достигавший верхушкой потолка, и его лицо перекопилось.

— Проклятье! Нас переиграли!

И Джетуш Малауш Сабиирский заорал. Заорал во всю глотку. Так сильно, что у стоявшего рядом Уолта чуть не заложило уши. Посторонний наблюдатель решил бы, что Земной маг сошел с ума, но Ракура знал: наставник прибегнул к волшебству, которое обычно не решался использовать.

Магия горных троллей строилась на подчинении камня. Если для гномов горы были неким вместилищем Души Земли, то горные тролли оказались куда прагматичнее. Горы — это просто куча камней. А камни — это просто разобранная на кусочки гора. Так считали тролли. Поэтому каждый камень потенциально является горой, а каждая гора — мелким камушком. И по этой причине любой камень можно при желании превратить в гору. И наоборот. Ракура знал, что когда экспедиция Школы Магии отыскала затерянное селение горных троллей, где еще имелись шаманы, владеющие этой особой магией, Джетуш немедленно туда отправился и провел у шаманов целый год.

И теперь своим криком он создавал заклинание. До безумного рева горных троллей Джетушу было далеко (Уолту как-то раз довелось слышать эти вопли), но дело свое крик делал. Земной маг превращал терму в гору.

Стены начали сереть. С потолка потянулись сосульки сталактитов. Пол под ногами превращался в неровную, изрезанную трещинами каменную поверхность. Резко потемнело, и только нанесенные Дайрой Фигуры освещали происходящее.

«Потрясающе... Великий Перводвигатель, как же нам еще далеко до его уровня!»

Уолт поежился — становилось прохладно.

Джетуш создавал гору, чтобы изменить течение всех магических энергий вокруг. Изменяется потоки Силы — изменится Поле Сил. Изменяется Поле Сил — распадутся все заклинания вокруг. В том числе и то, в которое так глупо попались Магистры.

Джетуш орал, его лицо побагровело. Уолт чувствовал, как неуверенно начинают подрагивать Локусы Души, ощущая происходящие с окружающим миром изменения. Еще немного... Еще немного, наставник!

И, словно чувствуя, что сейчас все прекратится, портал начал увеличиваться еще быстрее. Закричала Эльза. Она оказалась ближе всех к Переходу, и фиолетовый овал поглотил ее, зацепив краем. Крик магички оборвался. Джетуш взвыл. Зал, превратившийся в пещеру, заходил ходуном, сталактиты начали ломаться и падать на пол. Портал ярко засветился. Уолт вскрикнул. К его рукам будто приложили раскаленное железо. Сама по себе засветилась аура, будто отзываясь на свечение портала.

Портала, который был уже совсем рядом.

Локусы Души вздрогнули, когда по ним резко прекратила бегать Сила, питавшая заклинание Перехода.

Уолт вскинул руки, готовясь ударить по порталу чем-нибудь по разрушительнее. Портал уже не был созданием рук боевых магов, им управляла чужая воля, и Переход нужно было закрыть любой ценой.

«Но там же Эльза...» — мелькнула мысль и занозой впилась в сознание.

Эльза. Она погибнет, если ее не спасти! Он что, снова не успеет...

Что? Эльза? Почему он думал о ней как о...

Уолт потряс головой. Что за убогство? Мысли бегали, пытались спрятаться или раствориться, а он посреди магического катаклизма, когда творилось что-то невообразимое, никак не мог решить, что делать! Возьми себя в руки! Ты боевой маг или прогуляться вышел?! Ты должен спасти Эльзу! Потому что...

...Нет...

...Так нельзя...

...Ты не должен вспоминать...

Тысяча убогов!

Фиолетовое свечение ударило по глазам. Замешкавшись, Уолт не успел ударить по Переходу. Мешанина мыслей и странные взрывы сознания помешали мыслеобразу боевого заклятия соединить гиле воздуха и ноэму Стихии Огня. В руках Уолта только начала зарождаться огненная сфера, когда фиолетовое сияние окутало его со всех сторон.

Он еще успел услышать, как взревел Джетуш.

А потом...

ГЛОССАРИЙ

Хронология

Предначальная Эпоха — время создания и формирования Равалона, когда миром правили титаны. Закончилась поражением титанов в войне с богами и свержением титанов в Тартарарам.

Начальное Время — время прихода в Равалон смертных рас. Эпоха длилась 10 000 лет.

Первая Эпоха — создание первых государств и империй. Длилась 140 000 лет. Закончилась со смертью Алексуруса Аледонского, который объединил большую часть Западного Равалона в единую империю и даже напал на Махапопу.

Вторая Эпоха — нынешнее время; насчитывает на данный момент больше 3000 лет. Самыми важными событиями во Вторую Эпоху считаются Переселение народов севера, развал Роланской империи, организация Конклава, война Ближнего и Дальнего Востока и создание Школы Магии (последнее считается немаловажным в первую очередь самой Школой Магии).

Календарь

В Равалонском году восемь месяцев, по сорок девять дней каждый. Весна: месяц Пробуждения и месяц Цветения (народное: потепленник и недожарник соответственно); лето: месяц Восхода и месяц Плода (народное: почтижарник и жарник), осень: месяц Ветра и месяц Дождя (народное: послежарник и недохладник); зима: месяц Сна и месяц Стужи (народное: хладник и заморозьянник). Новый год в Серединных землях начинается в день Весеннего Равностояния.

Мир

Равалон — имя мироздания, которое также используют, подразумевая только мир смертных. Кроме последнего к Равалону в общем смысле относятся Небесный Град (обитель богов) и Нижние Реальности (обитель убогов). Мир смертных представляет собой огромный диск, который на востоке ограничен Мировым Обрывом, куда ниспадают воды океана; на юге Огненной Стеной, которая поднимается до самого неба; на западе Тайными морями, откуда никто не возвращается; на севере Ледяным Ветром, способным заморозить даже Бессмертного. Общие очертания Равалона маги не раз созерцали в астрале, что и позволило познать форму мира смертных.

Ундориан — единственный континент Равалона. Ундориан разделен на две неравные части Великой грядой гор, которая полукругом вгрызается в восточную часть континента. По закатную сторону Великой гряды начинается Западный Равалон. С противоположной стороны — Восточный Равалон.

Серединные земли — обширные территории, которые находятся посередине земного диска. Здесь расположены наиболее мощные Источники магических Сил, что, по утверждениям магов, позволяет именовать Серединные земли метафизическим центром волшебства мира. Серединные земли на востоке ограничены Великой грядой, на севере — Снежной империей и Северными царствами, на юге — Светлыми княжествами и морем Безразличия, на западе — Империей Тевран и Морским Союзом. Наиболее крупными государствами Серединных земель считаются Эквилитор и Черная империя.

Роланские королевства — образовавшиеся в результате распада Роланской империи государства, входящие в так называемый Роланский Союз. Самые крупные державы (Олория, Когесса, Завидия, Тагбир, Гластир, Сабиир, Вирена, Далария, Русион) составляют наиболее влиятельную часть Роланского Союза и носят имя Роланского Клуба. Однако каждая страна Союза владеет только одним голосом при голосовании за законы, определяющие политику Роланского Союза. Это позволяет малким странам, таким, как, например, княжества Элории или королевства Гебургии, влиять на решения Клуба.

Восточные степи — земли диких орков и гоблинов на востоке Серединных земель, граничащие на севере с Черной империей, на юге с королевствами Когесса и Гластир, на востоке с алиггонами и нэарду, на западе с Холмами Наслаждений и Баронствами Пограничья. Состоят из земель племен Многозначного Молчания, племен Святых Растений, племен Светлоокого Владыки, племен Поклоняющихся Древним, племен Стихий, племен Черных Скал, племен Тысячи Секир, владений Стальной Руки и Земли Спокойствия. В центре Восточных степей расположена магическая зона, именуемая Святой Источник Кефира. Причина именованья проста: зона представляет собой оазис, чьи источники заполнены кефиром, обладающим лечебными свойствами. Любые распри между племенами возле Источника запрещены. Здесь проводятся собрания шаманов племен, а также выбирают Водителя Темной Орды — объединенной армии Восточных степей. Причины возникновения Источника неизвестны, но самая распространенная версия: бог Хоки пытался средствами смертной материи создать нечто вроде амриты и нектара Бессмертных, а получился Источник. Личное мнение орков и гоблинов по этому вопросу исследователи так и не узнали. Самым распространенным ответом на расспросы был: «А не хотите ли обсудить сию животрепещущую проблему вот в этом котле?» (В переводе с нецензурного орочьего на всеобщий.)

Империя Тевран (Тевран на всеобщем «Святая Земля») — государство Западного Равалона, расположенное между Серединными землями и Аланскими Королевствами. На севере граничит с Морским Союзом, на юге — с Шард-А-Арот. Особенностью Империи является то,

что, во-первых, вся магия в Тевране подчинена воле Императрицы и ни один маг не способен колдовать, не получив ее разрешения. Во-вторых, ни боги, ни убоги не способны появляться в Тевране как Бессмертные, они обретают смертный облик (тем не менее сохраняя свое Могущество). В-третьих, эти особенности Теврана распространяются только до границы, которые были установлены еще в Первую Эпоху, и не воздействуют на спутников Империи. С Империи Тевран начинается Западный край, в который входит Империя Тевран, Морской Союз, Аланские Королевства, Шард-А-Арот, Архипелаг и Заморские Острова.

Главную военную мощь Империи составляют Паладины — могучие воины, облаченные в магические доспехи, которые могут ненадолго дать им Силы, сравнимые с божественными. Доспехи Паладинов не раз изучались Конклавом с позволения Императрицы, но механизмы их действия так и не были поняты.

Архипелаг — сотни мелких и несколько десятков крупных островов, расположенных на северо-западе от Морского Союза в Тихом море. Полной карты Архипелага не составлено до сих пор по причине лабиринта, который представляют собой многие протоки. Так же картографии мешают различные чудовища, населяющие некоторые острова, и необъяснимые явления, понять причину которых не могут даже чародеи Школы Магии.

Заморские Острова (они же Обитель Света) — восемь крупных островов в Светлых морях, на которых со времен Первой Эпохи обитают Светлые эльфы. За Светлыми морями лежат Тайные моря, ход туда запрещен Бессмертными, как богами, так и убогами. Впрочем, нередко находились те, кто отваживался нарушать запрет. Это не только одиночки-авантюристы, но и государства, отправлявшие целые эскадры для исследования Тайных морей. Впрочем, Заморские Острова тщательно охраняют границы Светлых морей, и недаром одна из крупнейших морских войн между Морским Союзом и Обителью Света началась из-за запрета на экспедиции в Тайные моря. Некоторые ученые и политики утверждают, что в Тайных морях находится еще один континент, который полностью контролируется Светлыми эльфами, но, к сожалению, ничто не может подтвердить данных утверждений: Светлые эльфы опровергают их, а маги подтвердить не могут. Причина последнего в том, что заклинания Познания и Видения не действуют над Тайными морями, а порталы и иные способы магического пересечения пространства там не работают.

Махапона («Великая Южная Страна» на всеобщем) — крупнейший полуостров мира на юге Восточного Равалона, граничащий небольшой частью территорий и с Западным Равалоном. Знаменит сонмами Бессмертных, которым здесь поклоняются; полуостров называют еще «Страной миллиона богов». В Первую Эпоху полуостров был объединен в единую империю Махапопа, однако вторжение Алексуруса Аледонского привело к распаду государства и образованию десятка соперничающих царств. Название Махапопа закрепилось за полуостровом в целом. В царствах была сохранена установленная в империи кастовая система брахманов, кшатриев, вайшьев и шудр. Царства Махапопы яв-

ляются единственными в мире, где не существует отдельных от религии магических орденов. Правом пользоваться магией здесь обладают только брахманы. Единственным исключением являются ракшасы-буддисты, которые не признают брахманской власти.

Преднебесная империя — крупнейшее и древнейшее государство как Дальнего Востока, так и всего Равалона. Правит страной Божественный Император — потомок титана Кроура-Небо, к мнению которого прислушиваются даже восточные Бессмертные. Здесь же расположена и знаменитая на весь мир Радужная Башня: единственное созданное смертными сооружение, из которого можно попасть в Небесный Град. Однако попасть в Башню может только Божественный Император или лица, получившие его благодать.

Заграбия и Вихос — два крупнейших острова в мире, по совместным размерам превышающие территории Преднебесной империи. Однако, как известно, из-за определенных магических возмущений, оставшихся со времен Первой Войны, войны титанов и богов, в Заграбии могут жить только мертвые в прямом смысле этого слова: здесь обитают андеды и некролюды, не считая иных существей, созданных при помощи некромагии. Живые без магической защиты умирают в Заграбии в течение дня, с защитой же могут протянуть около недели. Умерший преобразуется в андеда или некролюда. Небольшие локальные территории с подобными некроэффектами имеются только в государстве Дадария, известном своими некромагами.

Вихос знаменит тем, что на нем нет ни одного Источника Силы и магия в нем испытывает затруднения с воплощением. Например, даже простенькое заклятие, разогревающее очаг, может привести к тому, что дом зальет водой от подвала до крыши. Ряд стран, расположенных на Вихосе, полностью отказались от магии, и их развитие существенно отличается от остального Равалона: они развивают не магические искусства, а машинные технологии.

Снежная империя — государство на севере Ундориана, протянувшееся от Эквилидора до Ледяного моря. На территории империи находится множество Заводей (автономных субпространственных континуумов), которые считаются сателлитами империи. Порталы в Заводей способны открывать только члены имперской семьи. Младшие дети императора и дети принцев и принцесс короны обычно назначаются наместниками в государства Заводей.

Лангарэй — государство упырей на юго-востоке Серединных земель. Окружено магической Границей. Кроме упырей в стране обитают и иные расы, но они все подчинены Живущим в Ночи.

Оболдуй — земли огров на северо-востоке Серединных земель.

Тайкора («Ничья земля» на всеобщем) — расположенные между Вестистфальдом и Оболдуем бесплодные территории, где обитает только нечисть. Обычно здесь проходят тренировки боевых магов и ведьмаков.

Кигор-Таблу — леса энтов и бьорнов между Вестистфальдом и Гебургией.

Вестистфальд — горы гномов на северо-востоке Серединных земель.

Леса Кенетери — обитель Ночных эльфов, расположена севернее Вестистфальда.

Гебургия — горная цепь, обиталище различных племен гномов, кобольдов, карликов и других Подземных Народов.

Школа Магии — волшебная академия, расположенная на юго-западе Эквиллidora, на равнине между озером Кавиш и Правайстским лесом. Самое развитое магическое учебное заведение в Равалоне, является ведущим научным центром в области магических искусств. Главой учебного заведения становится сильнейший маг в Школе. Он избирается на пост Архиректора или предыдущим Архиректором, или голосованием Ректората. Традиционно Архиректор Школы Магии входит в десятку могучих магов Равалона. Чародеи, связанные со Школой Магии, именуются Магистрами. Отличительный знак: руны Sholias и Maagir на одежде.

Школа Меча — военная академия, расположенная на границе Когессы и Гластира, в Сумрачных горах, которые, по обоюдному соглашению вышеупомянутых государств, признаны нейтральной территорией, во внутренние дела которой Когесса и Гластир никогда не вмешиваются. Возглавляет Школу Меча Архимастер, в его непосредственном подчинении находится Пентада Мастеров. Это лучшие воины не только Серединных земель, но и всего Западного Равалона. В Пентаду Мастеров отбираются воины, которых впоследствии лично тренирует Архимастер. Сами же Мастера обучают только аспирантов. Простых учеников тренируют Наставляющие в Умении Слушаться Старших, или просто Наставляющие. Воинов Школы Меча именуют Мечеными, Меченосцами и Мечущими (последнее прозвище нравится не каждому). Отличительный знак: татуировка на плече в виде змеи, обвившей меч.

Конклав — всемирная организация магов, следящая за использованием волшебства в Равалоне и распространением заклинаний. Наличие у Конклава Величайших Магов вынуждает Ордены чародеев по всему Равалону подчиняться правилам (Номосам) Конклава. Единственные смертные с магическими способностями, на которых не распространяются Номосы, это члены королевских, императорских, царских и др. семей, наследующие трон.

Небесный Град — Обетованное Порядка, средоточие принципов Созидания и Упорядочивания. Место обитания богов. Среди богов существует деление на Старших и Младших. Старшие боги — это правящие в Небесном Граде божественные сущности, отвечающие за Принципы Порядка. Младшие боги — это те, кого в Роланской империи называли *genius loci*, или, иными словами, боги, которые управляют Порядком в определенных областях. Младших богов маги называют еще Старшими Владыками Элементалей, ибо им подчинены все духи стихий, которые живут в месте, где царит Младший бог. Бог всех гор является Старшим богом, бог конкретной горы является Младшим богом. Бог куз-

нечного дела является Старшим богом, бог конкретного кузнечного цеха является Младшим богом. В мифах отмечены случаи, когда Младший бог становился Старшим богом, поднимаясь в Небесный Град; так, например, было с Лиараной-Охотницей, покровительницей охоты в Дайском лесу, культ которой распространился по Роланской империи вместе с дайскими охотниками, считающимися лучшими. В каждой религии есть свои Старшие боги, и нередко одни и те же самые божественные функции выполняют разные божества. В каждой религии запада, востока, юга и севера Равалона имеется свой собственный Громовержец; в каждом веровании по обе стороны Великой гряды гор есть свой собственный бог Смерти; мифы всех народов континента не могут обойтись без собственного бога Солнца. Нет ни одной религии, где не было бы культа плодородия. Все это привело к тому, что в начале Первой Эпохи образовался Высший Пантеон — Верховный совет Старших богов. В Пантеоне заседают Старшие боги самых могущественных религий, которым подчиняются Старшие боги более слабых. Так от веры смертных последователей зависят дела и распорядок на Небе. В Пантеоне нет Верховного бога, есть тот, кого называют Наместником; титул сей подразумевает, что этот бог является наместником Тварца в Равалоне. Наместник избирается среди божеств, входящих в Высший Пантеон. Выборы на должность Наместника проходят каждые сто лет, и предыдущий Наместник имеет право претендовать на титул лишь спустя тысячу лет.

Нижние Реальности — измерения Хаоса, возникшие, как считается, в результате воздействия на Равалон Тартарарама. Место обитания убогов. Согласно традиции, существует Пять Кругов Нижних Реальностей. С первого по третий Круг в измерениях действительность еще подчинена принципам Порядка, но постоянно их нарушает. В четвертом и пятом Кругах действительность подчинена Хаосу. Здесь, согласно религиозным учениям, страдают в различных адах души грешников. Как и у богов, у убогов имеется деление на Старших и Младших. Старшие убоги правят Нижними Реальностями и именуются Повелителями; главные среди них носят титул Лорда-Повелителя. Владыка всех убогов зовется Архилордом. В отличие от богов, титул Архилорда получает сильнейший убог, уничтоживший всех претендентов на должность и их приспешников. Он правит убогами до тех пор, пока не появится Старший убог, который бросит ему вызов и одолеет. Однако, учитывая, что Архилорд владеет всей силой и мощью поверженных врагов, такие случаи крайне редки. Старшие убоги, в отличие от богов, не принадлежат определенному народу или определенной области. Одни и те же убоги известны в мифах и оккультных практиках запада и востока, юга и севера. Лишь некоторые из них предпочитают являться только одному народу. Таковы, например, ледяные убоги Северных Царств, которые ненавидят теплые области остальной части Равалона. Убоги делятся на Фракции, в которые могут входить жители разных областей. Все Фракции подчинены одной цели — Разрушению. Различаются они лишь средствами в достижении этой цели. Есть Фракции умеренные и радикальные. Первым поклоняются в Черной империи.

Младшие убоги делятся на два вида: Соратников и Тварей. Соратниками называют убогов, рожденных в Нижних Реальностях уже после падения Старших убогов и обладающих меньшей силой, чем Повелители. Они являются слугами и подданными Лордов-Повелителей. Среди Соратников можно выделить такой их вид, как Продолжающие: это Младшие убоги, которые сотворены Старшими убогами из собственного естества. Например, таковыми являются фурии, служащие Лорду-Архистратигу Нижних Реальностей. Тварями именуются полуразумные создания, появившиеся в результате совокупления Старших убогов с чудовищами Нижних Реальностей. Сии существа постоянно стремятся подняться в измерение смертных и принести смерть и разрушения. Маги называют появления Тварей Прорывами и нещадно борются с убоговскими порождениями.

Тартарарам — Бездна Мироздания, измерение Пустоты, то ли существующее изначально с Равалоном, то ли созданное богами как темница для титанов.

Магия

Эфир — субстанция единства мира и основа магических энергий. У магической Силы в реальности Равалона три цвета: октариновый, эннеариновый и декариновый. Каждый из них указывает на тот или иной уровень источника Силы: природно-космический (зеленовато-фиолетовый октарин), богов (золотистый эннеарин) и убогов, антагонистов богов (серебристый декарин).

Заклятие — простое магическое воздействие на реальность.

Заклинание — ряд заклятий, объединенных общей структурой воздействия на реальность.

Гиле, ноэма, ноэзис — структуры преобразования эфира (магической энергии) в конкретное заклинание. Гиле — вещество, которое используется для воплощения эфира (от конкретных объектов до энергетических состояний вещества). Ноэма — Сила, к которой обращается маг для воплощения эфира в гиле (например, Тьма, Огонь, Хаос и т. д.). Ноэзис — ментальные усилия мага, потраченные на соединение гиле и ноэмы (поток мыслеформ, который может быть дополнен пассаами, телодвижениями, ритуальной церемонией, созданием магических знаков и т. д.).

Фюсис — эфир, разлитый в Природе, магическая субстанция Природы.

Локусы Души — пути магических энергий в теле и ауре смертных.

Состояния заклинательного баланса — разработанная Конклавом классификация мощностей заклинаний. Первое состояние — изменение мира на уровне явлений, Второе состояние — изменение мира на уровне законов, Третье состояние — изменение мира на уровне бытия. Самые Величайшие Маги и легендарные Маги-Драконы были способны оперировать только Вторым состоянием. Третье состояние — владение Силой Бессмертными.

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ МАГИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

О трилогии Юрия Пашковского «Хроники Равалона»

Уважаемые читатели, прошу вас об одном: сильно не пугайтесь!

По идее, после этих слов вас должно накрыть Куполом Тьмы. Но, поскольку вы и так там находитесь, можно не бояться. Добро пожаловать в реальный мультиверсум, который гораздо интереснее магического капустника с отдельными шинковальными устройствами для упырей, людей, хоббитов, орков, эльфов и мириад других существ. В этом мире некоторые даже оснащены думательными устройствами, отдельными от Социальных Сетей Вечного Проклятия или Злофонов Пятого Поколения, прочно завладевших восприятием немалого числа учеников школ и академий Низшего и Высшего колдовства. Иначе говоря, они соединены с источником всего сущего менее опосредованным способом и с меньшими материальными затратами, чем все остальные.

Подходя к сочинению такого масштаба, трудно начинать с чего-то определенного вроде мироустройства, магических принципов (и то и другое объяснено в глоссарии, хотя второе лишь в самых общих чертах) либо философских обоснований (даже при мысли об этом бросает в дрожь). Проще всего будет рассказать о главном герое, хотя это тоже задача не из легких, и большую часть придется обойти молчанием, чтобы не портить удовольствие от чтения. Итак, Уолт Намина Ракура — аспирант Школы Магии, который до самого конца пребывает в этом качестве, несмотря на то что выпавших на его долю событий хватит на любого архимага, бога или убога. По старой доброй традиции автор ведет повествование по восходящей, и если нам кажется, что большего размаха, чем в первых двух книгах, нельзя и представить, то третья превосходит самые смелые фантазии, хотя в чем-то и не оправдывает их. Но, как говорится, если много дают, всегда хочется больше.

Сюжеты первых двух книг тесно связаны между собой, а третья, в которой действие происходит через полтора года после описываемых событий, стоит несколько особняком. Не выдавая подробностей, можно сказать, что Уолта по договоренности со Школой Магии вызывают в Лонгарэй, столицу двадцати четырех кланов упырей, откуда был похищен некий ценный артефакт. Похитители воспользовались доселе неизвестной формой магии, непосредственно работающей с веществом без привлечения силы стихий и магического ритуала (о гиле, ноэме и ноэзисе можно узнать в глоссарии; особо интересующиеся этими терминами, а также морфе и энтелехией, могут обратиться к Аристотелю, Плотину и интенциональному анализу). Вместе с бравой командой упырей Уолт отправляется в погоню через границу их владений.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОКЛЯТАЯ КРОВЬ. ПОХИЩЕНИЕ	7
ПРОКЛЯТАЯ КРОВЬ. ПРОБУЖДЕНИЕ	305
КРУЖЕВА БЕССМЕРТИЯ.	583
Глоссарий	1007
<i>Кирилл Савельев. Феноменология магических пространств. О трилогии Юрия Пашковского «Хроники Равалона» . . . . .</i>	1014